
ОГОНЁК
№ 32 АВГУСТ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Вспашка целины в колхозе «Прогресс», Рузского района, Московской области.

Фото И. Тункеля.

На первой странице обложки: Пионер исследования высоких широт Арктики Герой Советского Союза И. И. Черевичный водружает флаг СССР на дрейфующих льдах над подводным хребтом Ломоносова (см. в номере «К последним параллелям»).

Фото Я. Рюмкина.

Copyrighted material

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 32 (1417) 8 АВГУСТА 1954

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

1 августа в 12 часов дня состоялся торжественный митинг, посвященный открытию Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

ВЫСТАВКА ОТКРЫТА

Нет в необъятной Советской стране такой республики, области, края, представителей которых нельзя было бы встретить на площади Колхозов чудесного города дворцов и садов — Всесоюзной сельскохозяйственной выставки — 1 августа в 12 часов дня. Здесь хлеборобы Украины, Кубани и Сибири, животноводы Казахстана, хлопкоробы Средней Азии, виноградари Кавказа и Крыма, овощеводы Белоруссии и Дальнего Востока... Здесь представители великого Китая, стран народной демократии и других зарубежных государств.

Председатель Главного комитета ВСХВ министр сельского хозяйства СССР И. А. Бенедиктов сказал:

— Выставка начинает свою работу в знаменательные дни, когда в нашей стране все шире развертывается всенародная борьба за претворение в жизнь намеченной Коммунистической партией и Советским правительством величественной программы крутого подъема социалистического сельского хозяйства.

Товарищ Бенедиктов объявляет выставку открытой. Звучит гимн Советского Союза. Взвивается флаг над Главным павильоном и вместе с ним флаги над павильонами союзных республик.

Поток посетителей устремляется в широко распахнутые двери павильонов...

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Пегов, министр сельского хозяйства И. А. Бенедиктов и председатель Президиума Верховного Совета УССР Д. С. Коротченко беседуют со знатной звеньевой колхоза имени Шевченко, Киевской области, Героем Социалистического Труда Е. С. Хобта.

Огромный зал Павильона механизации и электрификации сельского хозяйства заполнили сотни посетителей. Они знакомятся с советской сельскохозяйственной техникой.

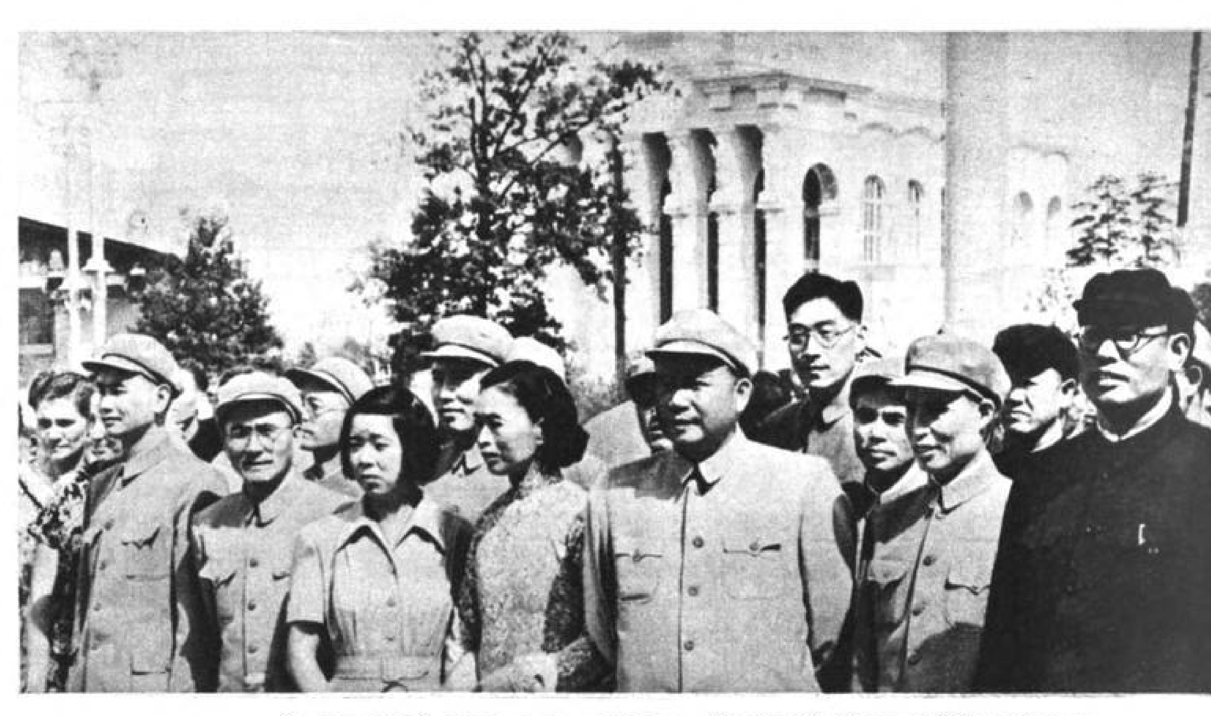
Выставка — школа передового опыта. На делянке Литовской селекционной станции экскурсовод Г. М. Кокая (слева) показывает посевы пшеницы лауреату Сталинской премии Герою Социалистического Труда Ч. Н. Квачахия (справа) и дважды Герою Социалистического Труда Т. А. Купуния — колхозным бригадирам, приехавшим из Грузии.

На выводном круге ипподрома выставки.

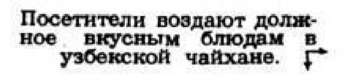
Выставку посетили лауреаты международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» Изабелла Блюм (Бельгия) и доктор Сайфуддин Китчлу (Индия).

С выставкой знакомится делегация Китайской Народной Республики.

← С достижениями грузинских шелководов знакомится лауреат Сталинской премии Герой Социалистического Труда Алияхан Султанова, прославившая родной колхоз имени Кирова в Ферганской долине своими успехами в шелководстве.

Посетители воздают должное вкусным блюдам в узбекской чайхане.

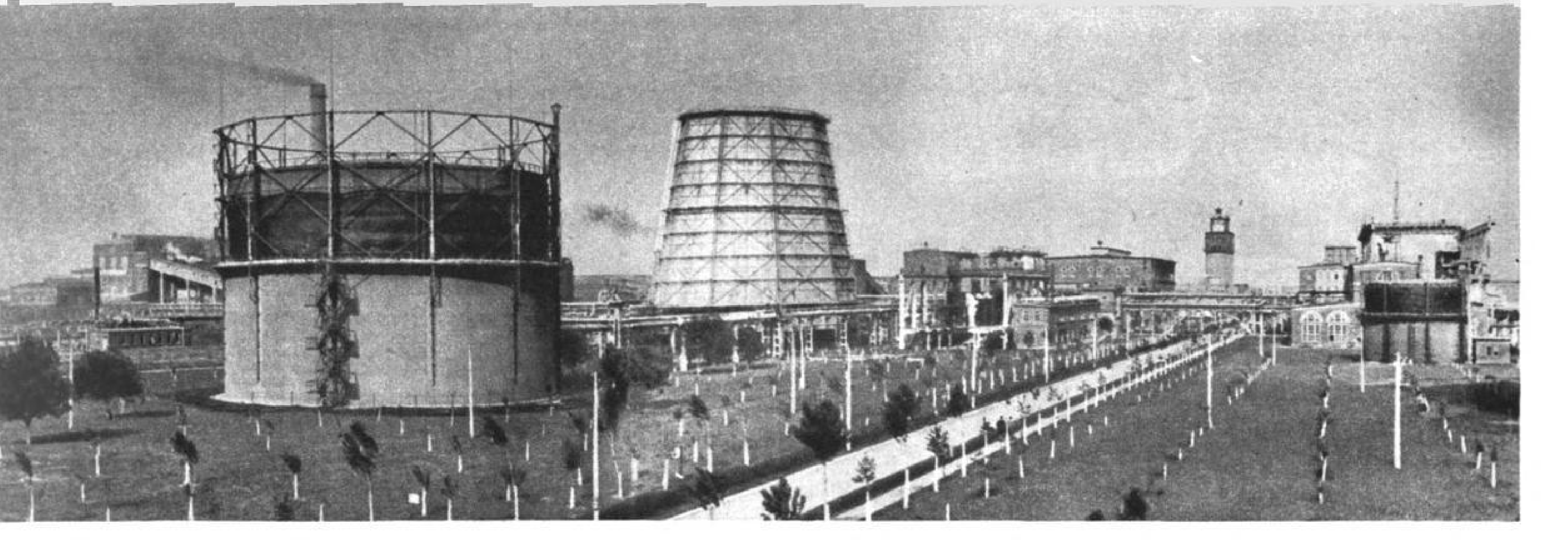
Фото А. Гостева, С. Фридлянда, Е. Умнова, И. Ганюшкина.

↓ В Павильоне Белоруссии побывали колхозники сельхозартели имени Молотова из Киргизии.

Copyrighted material

Общий вид Химического комбината имени Сталина в Димитровграде.

ПЕНЧО

К. НЕПОМНЯЩИЙ

Фото Дм. Бальтерманца.

1

Вместе с утренней сменой рабочих, торопящихся к своим цехам, под своды каменной арки химического комбината в Димитровграде неторопливо въезжает на осле старый крестьянин в высокой бараньей шапке, с кнутом в руках. Спустя несколько минут заводской двор пустеет, и он остается совершенно один. Его появление здесь не вызывает удивления ни у администрации, ни у рабочих. Старик снимает свою баранью папаху и вытирает пот со лба, потому что, несмотря на раннее утро, солнце уже нещадно палит...

Спустя год после открытия комбината сюда началось паломничество крестьян. Оно продолжается и сегодня. Из долины Марицы, из далеких и близких сел Южной Болгарии, с гор люди приезжают к заводским воротам на своих каруцо, запряженных буйволами, лошадьми, быками, едут верхом, как сегодня дед Славчо.

Почему стремится этот поток крестьян на окраину Димитровграда?

Прочитаем несколько строк одного из многочисленных посланий, ежедневно приходящих на комбинат.

«Аммониевая селитра,— пишут крестьяне села Радиево,— дала нам возможность получить по 416 килограммов пшеницы с декара. Раньше получали 170».

Мы стоим с мастером Пенчо Савковым Илиевым у широкого окна кислородного цеха. Он рассказывает, что писала зарубежная печать о комбинате. Турецкие газеты в свое время назвали химический комбинат «мифом», распространяемым болгарскими коммунистами.

— Никогда не думал, что миф можно пощупать руками, видеть, слышать его шум! — прокричал мне на ухо Пенчо и обвел цех широким жестом.

Продолжать разговор в цехе трудно, и мы выходим на аллею заводского сада. Пенчо вспоминает нелепое и злобное пророчество афинского радио: «Для постройки химкомбината потребуется по крайней мере пятьдесят лет», «Болгары вряд ли будут способны эксплуатировать подобное сооружение».

Это было года три назад, а недавно Греция попросила продать две тысячи тонн удобрений. Пенчо не без удовольствия добавил: «Мы, конечно, продали».

Навстречу нам шел по аллее крестьянин, тот самый дед Славчо, торжественный въезд которого на завод мы наблюдали утром. Старик, казалось, был растерян от всего, что ему пришлось увидеть. Прижав к груди свою баранью шапку, он обратился к Пенчо:

— Все мне показали, спасибо... Вот еще одно бы...— замялся старик.— Наказали мне в деревне повидать советских специалистов.

— А их на комбинате нету, отец,— отвечал Пенчо.— Они сделали свою работу и уехали домой.

— Ни одного нет? — недоверчиво переспросил старик, и в голосе его угадывалось смешанное чувство огорчения и радости за свой народ.

— Действительно ни одного нет,— ответил маленький крепыш Пенчо, великолепный знаток советских турбокомпрессоров, и усмехнулся.

— Мне вспомнилось кое-что,— пояснил он мягко, словно извиняясь. И рассказал нам историю своего появления в Димитровграде.

2

Пенчо Илиев еще недавно был крестьянином. Три года назад, когда Болгария жила новостями из Димитровграда, несколько молодых крестьян села Бракница решило ехать на стройку химкомбината. В районе, где старенький «фордзон» почитался за последнее слово техники, теперь только и говорили о заводе, который сыграет большую роль в болгарском земледелии. Воображение рисовало ночные костры бригадиров в поле, жизнь в палатках, полную лишений и романтики.

— Одним словом,— говорит Пенчо,— молодые крестьяне Бракницы испытывали примерно те же чувства, что советская молодежь в дни стройки Комсомольска-на-Амуре.

Пенчо Илиев, верховодивший обычно среди своих сверстников, не мог остаться в стороне, хотя, если говорить откровенно, поездка была весьма некстати: его молодая жена готовилась стать матерью.

Стойка, или, как ее ласково называл Пенчо, Косю, всецело жила интересами нового дома. А дом, надо сказать, был у молодых Илиевых не бедный: хороший, каменной кладки. Савва Илиев, отец, всю жизнь бился, чтобы оставить сынам крепкий, просторный дом и остаток дней своих провести в саду с внучатами. Но старшие сыновья ушли в город — Никола стал шахтером, Юрдан — офицером. Вся жизнь стариков Илиевых теперь была в Пенчо и его семье.

Пенчо рассказывает об этом, возможно, несколько подробнее, чем следует, чтобы стало ясно, в какое щекотливое положение он попал. Он знал, что мать, жена и особенно отец будут против поездки, но у него был готовый ответ. Во-первых, поездка затевалась только на три месяца; во-вторых, решение было принято всеми парнями вместе; и, в-третьих, от постройки химкомбината лучше станет и их кооперативу, ощущавшему недостаток удобрений.

Отец выслушал все эти соображения и коротко сказал:

— Не одобряю.

Мать была подавлена и молчала.

— Можешь ехать,— сдержанно ответила Стойка, пожала плечами и вышла из комнаты.

Пенчо пришлось каждому из них порознь втолковывать, что речь идет лишь о двух — трех месяцах. Конечно, для сохранения мира в доме лучше бы остаться, но он не мог уже этого сделать. Он должен был ехать!

Ясным июньским днем 1951 года, холодно попрощавшись с отцом и пообещав матери и жене писать почаще, Пенчо зашагал с друзьями на станцию. Поезд пришел в Димитровград в шесть утра. Молодых добровольцев никто не встречал: в те дни поезда с молодежью прибывали со всей страны и приезд еще одной группы был обычным делом.

На стройке Пенчо и его друзей принял парторг ЦК Болгарской коммунистической партии Георгий Павлов, молодой человек их возраста. Пенчо слышал о нем. До 9 сентября Георгий партизанил в районе Софии, не раз скрывался от полиции, был приговорен к смертной казни через повешение. Он стоял перед парнями из Бракницы в пропыленной, мокрой от пота рубашке с расстегнутым воротом. Глаза его были воспалены и лицо небрито.

— Время горячее, другари,— сказал он коротко,— сразу принимайтесь за дело.

Пенчо поручили перетаскивать и распаковывать ящики. Право, в этом не было ничего романтического, и он даже сначала пожалел, что не послушался родных. Он не понимал, что собой представляли эти машины, для чего они предназначены, и даже не знал, как они называются. Бригадир сказал, что на стройке не хватает монтажников и хорошо, если бы другарь Илиев остался вечером послушать лекцию советского инженера. Каждый вечер, оказывается, советские специалисты объясняли устройство машин, монтаж которых должен был начаться со дня на день. Было трудно потому, что большинство рабочих не имело теоретической подготовки. Но у всех было

Пенчо Саввов Илиев с Любомиром.

Copyrighted material

огромное желание учиться и поскорее пустить кислородный цех, ведь все остальные цехи и заводы были готовы к эксплуатации.

Дело происходило в июле, а все говорили о ноябре, жили ноябрем, мечтали о ноябре, когда комбинат перестанет быть стройкой и станет действующим предприятием республики. Письма в Бракницу, которые Пенчо посылал каждую неделю, пестрели теперь новыми словами: турбокомпрессор, газгольдер, кислород. Молодой рабочий аккуратно слушал лекции советских специалистов и с нетерпением ждал первого дня монтажа. Турбокомпрессоры, к которым еще недавно он был равнодушен, занимали теперь все его внимание. На август были назначены испытания. Завод и его интересы занимали все более важное место в жизни Пенчо. А в последнем письме, которое пришло от отца, сообщалось: родился сын, назвали Любомиром. Да, его тянуло в Бракницу, к дому и земле. Кончался третий месяц, надо бы возвращаться, но... разве мог он уехать и не услышать, как засвистят турбокомпрессоры, которые он собирал, устанавливал и которые теперь не только знал, но и любил.

Все же Илиев уехал. Возвращение радовало его, но в еще большей степени радовало семью. Отец, казалось, забыл о том первом неприятном разговоре и, как все, расспрашивал о кислородном цехе, турбокомпрессорах и других машинах. Старик уже знал все эти мудреные слова из писем сына. Он, тем не менее, не верил, что комбинат занимает больше места, чем вся их Бракница.

— Не было такого в Болгарии,— говорил он.

— Да, не было такого, но будет,—возражал Пенчо,—уже есть.

Он сидел за столом, смотрел в рюмку сливянки и думал о том, как сказать родным, что приехал только на три дня. «Да вот так, просто скажу, и все тут».

— Косю, ты приготовь меня в дорогу, потому что я не все еще там закончил,— проговорил Пенчо, словно невзначай, обращаясь к жене.

Отец подумал, что сын шутит. Стойка заморгала глазами, и, опережая ее, словно понимая, в чем дело, заплакал маленький Любомир.

— Ты... ты правду говоришь, Пенчо?

— Правду, отец.

Старик стал увещевать сына. Он говорил, что управятся там и без Пенчо, пора в селе горячая, урожай большой... Но трудно было переубедить сына.

— Еще на месяц — два поеду и вернусь! — сказал Пенчо твердо.

Савва Илиев кричал, стуча палкой о пол. Старик говорил о том, что дом строил для Пенчо, яблони сажал для Пенчо, и вот теперь счастье — отблагодарил Пенчо его. Нет, он и слушать ничего не хочет!

Пенчо пошел к матери. Она плакала вместе с Косей. В пору было сказать: останусь,— но Пенчо уехал. Он прибыл на завод, когда на устах у всех были только два слова: пробная эксплуатация. Комбинату теперь нужны были машинисты турбокомпрессоров, и советские специалисты стали обучать молодого рабочего управлять машинами, которые он монтировал. Разве можно было отказаться от такого? Инженер Тулин говорил о нем: неопытен, но энергичен. Это значило, что молодой Илиев будет машинистом. Пенчо конспектировал и чертил днем и ночью. Прошли август и сентябрь. Он не мог уехать с завода: комбинат готовился к пуску. Послал письмо, в котором объяснял, почему ему надо задержаться до ноября.

В день открытия комбината Пенчо стоял около своих машин рядом с советским специалистом, когда к нему подошли товарищ Вылко Червенков и министры.

— Машинист турбокомпрессора Пенчо Саввов Илиев,— сказал Георгий Павлов, представляя Пенчо председателю Совета Министров.

— Трудно было? — спросил товарищ Червенков, здороваясь с Пенчо.

Молодой рабочий хотел рассказать о том, как было трудно, как отец стучал палкой о пол, но в горле что-то перехватило, и он тихо ответил:

— Ничего, товарищ Червенков, управились, кажется.

И вот на раскрытой ладони Пенчо горсть белоснежных горошин: комбинат дает первые тонны аммониевой селитры.

Теперь, кажется, дело сделано и можно возвращаться в Бракницу. Пенчо идет к Георгию Павлову — он сейчас главный директор — и просит отпустить его домой.

— Но почему? — спрашивает Георгий Павлов.— Теперь, когда тебя знает весь комбинат и у тебя хорошая профессия...

Пенчо вытаскивает из кармана пачку писем из Бракницы: от жены — «такая твоя любовь?» — и от отца — «когда же ты, наконец, вернешься?»

— Я больше не могу,— признался Пенчо.— У меня сын, старики... Отцу шестьдесят пять лет. Не могу.

— Решай сам,— отвечает Георгий Павлов.— Но пойми и меня. Советские специалисты, как ты знаешь, скоро уезжают в Москву, и вся надежда на тебя и таких, как ты. Кто же останется в кислородном цехе?

3

— Вернулся? — радостно спросил отец, увидев через день Пенчо на пороге дома.— Совсем?

— Нет, отец.

Неприятно удивленный, дед Савва печально покачал головой. Он догадывался, что так и будет. Нет, он больше не кричал на сына и не стучал палкой о землю. Он сам повез семью Пенчо на станцию, посадил в поезд и долго махал ему вслед своей большой красной рукой.

Вот как Пенчо обосновался в Димитровграде.

Закончив свой рассказ, он предложил мне подняться на одну из вышек, чтобы увидеть весь комбинат сразу. Мы поднялись на лифте, потом по крутой металлической лестнице на вершину башни. Отсюда открывалась панорама комбината с его величественными корпусами, соединенными между собой белыми трубами, со всеми его газгольдерами, башнями и аллеями, посыпанными песком. Там, внизу, у входной арки, мы увидели новую группу крестьян.

— Может, и ваш отец приехал, Пенчо? — спросил я.

— Может быть,— ответил он взволнованно и быстро сбежал по крутой лестнице вниз.

Лирические стихи

Сергей ВАСИЛЬЕВ

КИЕВ

Я недавно ходил по Киеву,
видел утренние сады его,
к плавной речи его привык,
звонкой, льющейся
как родник.
Голубой,
золотой,
каштановый
город был озарен весной,
на глазах одевался заново
в неоглядный наряд цветной.
Весь в движении,
в шуме,
в говоре,
Киев цвел и благоухал.
Я в ликующем этом городе
как бы сызнова юным стал.
Словно кто-то рукой проворною
влил мне в грудь молодой задор,
словно дали трубу подзорную,
чтобы дальше простерся взор.
И в открывшемся мне сиянии
в полный голос,
во весь размах
зримо вырос на расстоянии
трехсотлетнего братства шлях.

В ЛЕСУ

Нет, что́ бы домоседы мне
ни пели, —
навстречу искрометному лучу
в воскресный день,
в свободный день недели,
я все равно за город укачу
на ясный праздник утра
расписного,
в немолчный грай,
в зеленый рай лесной,
за сотню верст от шума
городского,
на нежное свидание с весной.
Не называй меня угрюмым
нелюдимом,
в хоромы-терема не зазывай.
Окутанный весенним теплым
дымом,
мне дорог лес,
как дорог отчий край.
Под заповедным тополем
плечистым
готов я недвижимо наблюдать
пронизанную щебетом и свистом
лесной зари застенчивую стать.
И дятла стук
раскатисто-протяжный
на одиноком ясене сухом,
и муравья
поспешный бег отважный
по голому песку порожняком,
и влажных листьев тонкое
свеченье,
и робких трав сквозное волокно —
все, все прямого смысла
и значенья
и откровенья доброго полно.
На смену отплывавшему закату
выводит время
легкий диск луны.
И вот уже, созвездьями богата,
ступает ночь
по тропам тишины.
Легла роса на лиственную крышу,
выходит крот, надежной тьмой
укрыт.
Задумчив лес.
И скоро я услышу
трель соловья, поющего навзрыд.

ПРИШЛА ЛЮБОВЬ

Умолкают вечерние птицы,
а в читальне, что окнами в сад,
как кленовые листья, страницы
на широких столах шелестят.
Опираясь о книжную полку,
вы стоите,
и вам невдомек,
что любуется вами подолгу
молчаливый один паренек.
В ожидании встречи желанной
по аллее идет на завод,
то в раздумье
сравнит вас с Татьяной,
то Джульеттой своей назовет.
И проносит он образ ваш милый
в жарком сердце
по вешним садам
и в мечтах,
как Руслан за Людмилой,
всюду мчится по вашим следам.
То несут его тучи, то кони,
то орлы помогают в пути.
И от пламенной этой погони
вам едва ли удастся уйти.

АНТОШЕНЬКА

Скоро Антошеньке ровно год
будет со дня рожденья.
Скоро отправится он в поход
папе на загляденье.
Будет первый его маршрут
короток, вероятно,
неимоверно тернист и крут
и взят лишь ползком обратно.
Но что бы там ни было, Тосик мой
жизненный путь проложит
не криво, надеюсь, а по прямой,
иначе быть не может!

Copyrighted material

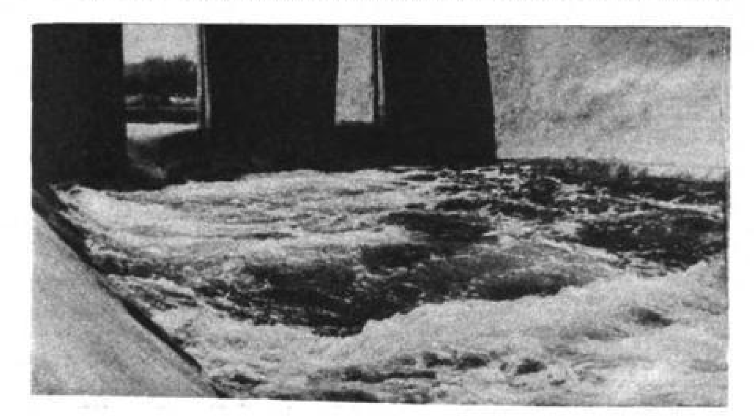
Степь становится лугом

Огромные просторы Северного Казахстана заняты ковыльной степью. С незапамятных времен пасется там скот. Однако ковыль хорош не для каждой породы скота. Для овец, например, он после цветения просто вреден. Во рту у них от жесткого ковыля появляются язвы, он вкалывается в шерсть, и вместо того, чтобы жиреть, скот худеет. Но беда не только в этом. С развитием общественного животноводства кормов в ковыльных степях просто-напросто не хватает. Три центнера сена с гектара можно получить в степи. Конечно, этого мало.

Советские ученые решили попробовать лиманное орошение. Этот вид орошения, пожалуй, самый непопулярный. Мало кто из неспециалистов даже знает о нем.

Романтическая суть этого способа хорошо выражена у Пришвина: «Там, где мчались весенние потоки, теперь везде потоки цветов... Я думал: «Значит, недаром неслись весной мутные потоки». Деловая же суть его сводится к следующему: реку перегораживают плотиной и дамбой. Весной, когда тают снега, плотина останавливает воды. В степи, где поверхность относительно ровная, оказываются залитыми огромные пространства.

Разлившуюся воду держат десять дней: пять дней под водой оттаивает земля, пять дней вода впитывается в землю. Потом воду спускают, или, как говорят специалисты, сбрасывают. И всё. На земле, которая была залита, вырастает вместо трех до тридцати центнеров корма. Причем это уже иной корм. Степную, жесткую растительность вытесняют луговые травы, главным образом питательный пырей.

Водосброс у Александровской плотины в Акмолинской области.

В 1950 году в Акмолинской области развернулось широкое строительство плотин и дамб. Инициаторами явились колхозы Новочеркасского района. Этот почин подхватил Атбасарский район. А теперь лиманное орошение распространено по всей области. Двести тридцать тысяч гектаров степной земли заливается здесь. И эта цифра непрерывно растет.

Вл. СОЛОУХИН

НЕФТЯНЫЕ ВЫШКИ НА КАМЕ

Фото И. Богданова.

Камское море. За сотни метров от берега, словно причудливой формы корабли с гигантскими мачтами, возвышаются нефтяные вышки.

В нынешнем году в нашей стране организован еще один морской нефтепромысел — Полазненский. Находится он в сорока километрах от города Молотова, у села Полазна. Первые эксплуатационные вышки появились здесь пять лет назад. Под руслом Камы были обнаружены богатые месторождения нефти. Чтобы добыть ее, нефтяники, заняв исходные позиции на берегу, бурили под Каму. Войдя в землю, турбобур все более отклонялся от вертикали, пока не достигал нефтеносных пластов.

В связи со строительством плотины Камской ГЭС и образованием Камского моря большая часть вышек оказывалась в зоне затопления. Нужно было приспособить скважины к работе в новых, морских условиях. Проект «переделки» промысла с сухопутного на морской создавали ленинградские и куйбышевские специалисты.

Строители окружили вышки шпунтовыми металлическими стенками и, засыпав созданные таким образом котлованы грунтом, возвели искусственные острова.

К весне все работы были в основном завершены. Заполнилось Камское водохранилище. На десять метров возвышаются над водой массивные площадки с сорокаметровыми вышками. Однако не пройдет и года, как картина изменится: уровень воды значительно подымется. Вышки будут выделяться из воды ровно настолько, чтобы рабочие площадки не заливало.

Во время переоборудования промысла на нем не прекращалась добыча нефти. Не снизилась она и в те дни, когда воды Камы окружали вышки.

...Водную гладь то и дело бороздят катеры. Они причаливают то к одной, то к другой вышке. По крутым лестницам взбираются наверх операторы, мастера подземного ремонта. Днем и ночью подымается нефть из глубин земли.

А. ГРИГОРЬЕВ

Столица Дании.

ВЫСТАВКИ В КОПЕНГАГЕНЕ

Константин **РОЖДЕСТВЕНСКИЙ**

Первая крупная советская выставка в Дании!

Копенгагенские газеты были полны сообщений об этом событии. Громадный овальный зал «Форума», вместивший тысячи экспонатов, развернул перед посетителями картину технической мощи и культурного прогресса Советского Союза. Десятки тысяч людей с большим вниманием осматривали наши станки, автомобили, различные приборы, продукцию советской пищевой промышленности.

Большие плакаты с изображением товаров, которые Советский Союз может импортировать из Дании, значительно повысили интерес к выставке деловых людей.

Для многих громадный успех нашей выставки был неожидан. Наиболее дальновидные журналисты выступали с оптимистическими прогнозами.

Накануне открытия выставки один из знатоков многозначительно спросил меня:

— Знаете ли вы, сколько людей посетит вашу выставку? — и сам ответил: — Тысяч десять, не меньше. Это грандиозно! — заключил он с пафосом.

Каково же было изумление подобных знатоков, когда нашу выставку за семнадцать дней посетило сто тысяч человек!

С большим интересом датчане знакомились с нашими сельскохозяйствен-

В Беллахое по предложению устроителей сельскохозяйственной выставки была экспонирована советская картофелеуборочная машина. — Спасибо советским людям за то, что они привозят в Данию такие машины, — говорили датские крестьяне.

Copyrighted material

ными машинами. Особенно внимательно они осматривали — и не только осматривали, но и изучали — наш свеклоуборочный комбайн. Могучий двадцатипятитонный самосвал всегда вызывал у посетителей чувство удивления. Американский автомобильный «король» Генри Форд-младший провел у советских автомобилей больше часа, залезая в кабины и почему-то пробуя... прочность дверных ручек.

Предметы народного творчества: вышивки, палехские, федоскинские и хохломские изделия, игрушки из дерева, ковры, фарфор — вызывали искренний восторг у зрителей.

Стенд с советскими граммофонными пластинками и музыкальными инструментами всегда был окружен молодежью, которая нередко изучала здесь наши песни. Вообще наши песни очень популярны в Дании.

На выставке царила очень приятная, дружественная атмосфера. Правда о Советском Союзе влекла к себе простых людей Дании, рассеивала ложь, которую ввозят сюда американцы. Многие записи из книги отзывов красноречиво говорят именно об этом. Вот две из них:

«Эта выставка существенно отличается от других, которые бывают в «Форуме». Здесь нет никаких реклам, которые обычно нас преследуют на каждом шагу. Здесь нет никакой военной пропаганды. Мы надеемся, что вы скоро опять будете гостями Копенгагена.

Группа рабочих».

«Добро пожаловать, дружба и торговля!

Е. Хансен».

Пресса, деловые круги Дании и многочисленные фирмы проявили живой интерес к выставленным товарам.

* * *

Каждое лето в Копенгагене, в районе Беллахое, открывается сельскохозяйственная выставка. Здесь можно увидеть прекрасных датских коров, мощных быков, лошадей, гигантских свиней с обязательной дюжиной поросят, кроликов, огромных кур, парк сельскохозяйственных машин, наглядно показывающий состояние датского сельского хозяйства. Эта выставка всегда привлекает большое число посетителей. Говорят, каждый четвертый датчанин посещает ее.

Но в этом году поросятам, кроликам и коровам неожиданно пришлось потесниться. Как ни странно, обширную площадь на выставке сельского хозяйства заняли... американские реактивные самолеты, танки, орудия, торпедные установки, напалм, прожекторы, радиолокаторы и прочий — отнюдь не сельскохозяйственный! — инвентарь. Заокеанские милитаристы пожелали широко отметить пятилетний «юбилей» Северо-Атлантического пакта, в котором принимает участие и правительство Дании. Однако, опасаясь, что на специальную выставку оружия и пропаганды войны народ не пойдет, они вторглись со своими «экспонатами» на популярную выставку сельского хозяйства.

Флаги многих стран развевались в Беллахое. Снятые во время выставки фотографии показывают, на какой основе хочет сотрудничать с Данией Советский Союз и какую «основу для сотрудничества» предлагают Дании Соединенные Штаты Америки...

Американские экспонаты на ежегодной датской сельскохозяйственной выставке.

Экскурсовод тщетно старается заинтересовать посетителей сельскохозяйственной выставки новым американским оружием.

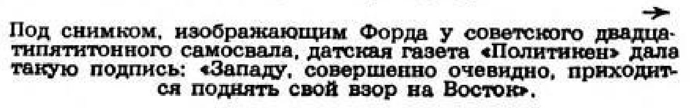

* * *

Датчане — спокойный, трудолюбивый и мирный народ. Даже деньги подчеркивают мирный характер Дании. На многих бумажных датских деньгах изображен аист, стоящий в своем гнезде на крыше датского дома. Аист должен принести счастье. Милая детская сказка Андерсена! Но рядом вместо аиста в Беллахое стоит реактивный самолет. В детских магазинах покупателям предлагают атомный пистолет или «игрушку» — стальные наручники, чтобы дети с малых лет уже учились владеть этими обязательными атрибутами «свободного мира».

Народ Дании отвергает эту «культуру».

Во время нашего пребывания в Дании мы всюду ощущали большой интерес к развитию культурных и торговых отношений с СССР, рост симпатии и дружбы к нашему великому народу.

Под снимком, изображающим Форда у советского двадцатипятитонного самосвала, датская газета «Политикен» дала такую подпись: «Западу, совершенно очевидно, приходится поднять свой взор на Восток».

Copyrighted material

ОТЕЦ РУССКОЙ ФИЗИОЛОГИИ

К 125-летию со дня рождения И. М. Сеченова

Среди выдающихся исторических деятелей, составляющих славу и гордость великой русской нации, видное место занимает гениальный ученый, новатор биологической науки и мыслитель-материалист Иван Михайлович Сеченов.

Главная заслуга Сеченова в том, что он положил начало отечественной физиологии и создал всемирно известную школу русских физиологов.

Сеченов первый в истории науки начал производить физиологические опыты над головным мозгом. Эти опыты имели прямое и непосредственное отношение к явлениям сознания и воли, которых до Сеченова не осмеливались касаться даже самые знаменитые ученые во всем мире. Насколько сложными и недоступными казались тогда эти опыты, можно судить по следующим словам одного из известнейших физиологов того времени, Людвига: «Это все равно, что изучать механизм часов, стреляя в них из ружья».

Иван Михайлович установил, что в головном мозге существуют особые нервные механизмы, оказывающие тормозящее влияние на непроизвольные движения животных и человека. Эти механизмы он назвал «задерживающими центрами». Далее Сеченов доказал, что первая причина всякого человеческого действия, поступка, коренится не в самом человеке, не в его «внутреннем мире», не в его сознании и воле, а вне его — в конкретных условиях жизни и деятельности. Сеченов особенно подчеркивал, что содержание психической деятельности, умственный кругозор и уровень культурного развития человека даются главным образом «воспитанием в обширном смысле слова», влиянием условий жизни и деятельности человека и меньше всего зависят от его индивидуальных (в том числе и расовых) особенностей. Этим был нанесен сокрушительный удар реакционной, идеалистической теории «свободы воли», господствовавшей до Сеченова и поныне характерной для буржуазного мировоззрения.

Философско-теоретические выводы из своего гениального открытия Сеченов изложил в знаменитом труде «Рефлексы головного мозга», представляющем собой одно из величайших достижений науки. В этой книге ученый писал, что «мозг есть орган души, т. е. такой механизм, который, будучи приведен какими ни на есть причинами в движение, дает в окончательном результате тот ряд внешних явлений, которыми характеризуется психическая деятельность... все бесконечное разнообразие движений и звуков, на которые способен человек вообще».

Впоследствии идеи, изложенные в «Рефлексах головного мозга», были развиты дальше и подняты на новую, высшую ступень другим великим русским ученым — И. П. Павловым. Сеченов и Павлов установили, что психическая деятельность происходит не самопроизвольно, а в зависимости от окружающих условий, и что она может и должна быть изучена такими же научными, строго объективными способами, какими изучается телесная деятельность животных и человека, то есть без всяких ссылок на сверхъестественные причины. Этот вывод является одним из величайших достижений человеческого ума.

С именем Сеченова связан и ряд других исследований, положивших начало новым разделам физиологии: нервно-мышечной физиологии, физиологии движения и кровообращения, физиологии труда, физиологии питания и т. д.

Сеченов никогда не замыкался в рамки «чистой науки». К. А. Тимирязев очень метко охарактеризовал его как одну из самых колоритных фигур в том движении передовых представителей русского общества, которое возглавлялось великим революционным демократом Н. Г. Чернышевским. Обаятельный образ Сеченова угадывается в знаменитом романе «Что делать?». Кирсанов-Сеченов и принадлежал к числу тех людей, которые были преисполнены глубокой, неискоренимой верой в лучшее будущее, в творческие силы и гений своего народа.

Сеченов был «новым человеком» и в личной жизни и в своей кипучей научной и общественной деятельности. Все работавшие вместе с ним и близко знавшие его характеризуют Ивана Михайловича как натуру увлекающуюся и в высшей степени сердечную, как человека очень простого и скромного. Всюду, куда ни попадал Сеченов, он встречал сочувственное, порой прямо восторженное отношение окружающих.

Особенной симпатией и популярностью Сеченов пользовался среди молодежи и передовых русских женщин, рвавшихся к свету, к высшему образованию, к активному участию во всех областях общественной жизни. Опыты над головным мозгом Сеченов производил как раз в тот период своей жизни, когда он познакомился с одной из таких передовых русских женщин — Марией Александровной Боковой, ставшей впоследствии его женой и послужившей, как предполагают, прототипом образа Веры Павловны в романе Чернышевского «Что делать?». В честь М. А. Боковой он дал своим исследованиям поэтическое имя: «опыты белой дамы».

Серьезное и глубокое чувство Сеченова оказало громадное влияние на ход и результаты его научных исследований. Именно этот факт имел в виду и с особенной силой подчеркнул И. П. Павлов, когда писал по поводу открытия Сеченовым «задерживающих центров» в головном мозгу: «Напряжение и радость при открытии, вместе может быть с каким-либо другим личным аффектом, и обусловили этот, едва ли преувеличенно сказать, гениальный взмах сеченовской мысли».

В тех многочисленных случаях, когда дело касалось интересов народа, прогрессивно мыслящих людей, вопросов науки, мировоззрения и политических убеждений, особенно ярко проявлялись исключительная принципиальность, беспощадная требовательность Сеченова к себе и ко всем окружающим. Когда реакционная часть профессуры Петербургской медико-хирургической академии провалила кандидатуру великого ученого И. И. Мечникова в профессоры, И. М. Сеченов в знак протеста немедленно подал в отставку и ушел из академии, хотя он не имел других средств к существованию, кроме скромного профессорского жалованья и небольшого дохода от литературной работы. На совет друзей заручиться протекцией знакомого ему влиятельного лица для получения места профессора в Одесском университете Сеченов ответил: «Что касается до просьбы к Пеликану, то этого я разумеется не сделаю и Вас прошу не делать; мне несравненно приятнее получить место в Одессе с бою, чем по протекции». Когда некая «высокая особа» заметила в разговоре с Сеченовым, что он-де напрасно напечатал «Рефлексы головного мозга», он ответил: «Необходимо ведь иметь смелость высказывать свои убеждения».

Во времена Сеченова одной из самых модных теорий в медицине была «клеточная теория» Р. Вирхова. Однако Сеченов, идя вразрез с общепризнанным мнением, резко выступил против этой теории, так как она является в основе своей ложной и несовместимой с материалистическими принципами естествознания. В бытность Сеченова профессором Московского университета царские власти пытались устранить его от преподавания. В связи с этим Сеченов писал: «Начальство попрежнему игнорирует мое существование, и я, конечно, отвечаю тем же».

Дружескими были взаимоотношения профессора Сеченова с его слушателями. Вот как описывает первую лекцию по физиологии, прочитанную Иваном Михайловичем студентам Московского университета, один из слушателей (а затем и соратник) ученого — М. Н. Шатерников.

Лекция ожидалась с понятным нетерпением. Все места в аудитории, включая даже проходы, были заняты. «По мере приближения времени выхода в аудиторию профессора волнение слушателей росло, и, наконец, когда в дверях аудитории показался И. М., разразился гром аплодисментов, не смолкавший все время, пока И. М. своей особенной, какой-то скромной и благородной походкой, наклонив голову, пробирался сквозь толпу слушателей к кафедре. Волнение слушателей, видимо, передалось и профессору. Не поднимая головы, дрогнувшим голосом, он начал... Голос профессора окреп, приняв свой обычный металлический, звенящий характер, полились чеканные фразы его речи, и он с увлечением, блестя своими замечательными глазами, столь хорошо отражавшими его высокую и чистую душу, повел за собой еще одно молодое поколение».

Объясняя причины своего решения приступить к изучению высшей нервной деятельности (поведения) животных и человека методами условных рефлексов, И. П. Павлов писал: «...Главным толчком к моему решению, хотя и не сознаваемому тогда, было давнее, еще в юношеские годы испытанное влияние талантливой брошюры Ивана Михайловича Сеченова, отца русской физиологии, под заглавием «Рефлексы головного мозга» (1863). Ведь влияние, сильное своей новизной и верностью действительности мысли, особенно в молодые годы, так глубоко, прочно и, нужно прибавить еще, часто так скрытно».

Вот за это, за то, что он вел одно молодое поколение за другим по пути новаторства и прогресса, Сеченова ненавидели, притесняли, преследовали царские власти и мракобесы от науки. До конца своей жизни Сеченов слыл «политически неблагонадежным», теоретиком «нигилизма», проповедником «коммунистических» и материалистических учений, уничтожающих «религиозный догмат жизни будущей» (то есть «загробной жизни»). Последние свои лекции, уже в 74-летнем возрасте, ученый читал на Пречистенских рабочих курсах в Москве. Однако он был отстранен и от этого дела, которое горячо полюбил.

Сеченов умер в ноябре 1905 года, в самый разгар первой русской революции, которую он радостно приветствовал. К. А. Тимирязев вспоминает, что при последней встрече с Сеченовым, за две недели до смерти Ивана Михайловича, великий физиолог сказал: «А теперь, К. А., надо **работать, работать, работать**». «Это,— говорит далее Тимирязев,— были последние слова, которые мне привелось от него слышать,— то был завет могучего поколения, сходящего со сцены, грядущим».

Кандидат философских наук

В. КАГАНОВ

Copyrighted material

И. Е. Репин. ФИЗИОЛОГ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ СЕЧЕНОВ. 1889 год.

Государственная Третьяковская галерея.

Copyrighted material

К. Ф. Юон (род. в 1875 году). МАЙСКОЕ НОВОЛУНИЕ.

Copyrighted material

ЗА ПРОЧНЫЙ И ДЛИТЕЛЬНЫЙ МИР

Ответы главы вьетнамской делегации на Женевском совещании Фам Ван Донга на вопросы корреспондента «Огонька»

Члены вьетнамской делегации на Женевском совещании во главе с Фам Ван Донгом осматривают новые машины на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Фото Е. Тиханова.

— Какие перспективы открывают перед вьетнамским народом решения о восстановлении мира в Индо-Китае, принятые в Женеве?

— Эти решения открывают перед вьетнамским народом новые, светлые и широкие перспективы борьбы за прочный и длительный мир в Индо-Китае, основанный на признании национальных прав его народов. Успешное завершение Женевского совещания — победа последовательной мирной политики Советского Союза и свидетельство международного авторитета и влияния Китайской Народной Республики, как великой державы. Итоги Женевы показывают, что международные разногласия можно разрешить путем переговоров и что тем самым открываются новые возможности для победы дела мира.

В этой новой политической обстановке вьетнамский народ будет выполнять со всей энергией стоящие перед ним ближайшие задачи: практическое проведение в жизнь соглашения о перемирии; осуществление национального единства путем свободных и демократических всеобщих выборов; подъем экономического и культурного уровня населения. Народ наш уверен в братской поддержке стран лагеря мира. Он вступает в новый этап своей справедливой борьбы с тем же энтузиазмом, с той же решимостью, какие он показал, ведя освободительную патриотическую войну, длившуюся восемь лет.

Глубоко преданный идее мира, национального единства, независимости, свободы, наш народ будет расширять свои связи со всеми народами, в частности с народами Юго-Восточной Азии. С Францией Вьетнам будет поддерживать дружеские отношения на базе равенства и взаимных интересов.

Наш народ видит стоящие перед ним трудности. Американские зачинщики новой войны всеми средствами стараются помешать выполнению решений Женевского совещания, помешать прочному и длительному миру в Индо-Китае. Но в Азии и во всем мире налицо новое соотношение сил. Победа сил мира в Женеве дает право вьетнамскому народу с уверенностью смотреть вперед.

— Какое значение, по Вашему мнению, имеют решения Женевского совещания для смягчения международной напряженности?

— Решения Женевского совещания привели к тому, что потушен полыхавший в Азии очаг войны. Соответствующие государства приняли также на себя обязательство не вступать ни в какие военные союзы и не давать использовать себя для возобновления военных действий или осуществления агрессивной политики. Это большая и убедительная победа политики мира над политикой разжигания войны, которую проводят определенные американские круги, стремящиеся создать агрессивный военный блок на юго-востоке Азии. Этой победе в немалой степени содействовало укрепление дружеских отношений между странами Юго-Восточной Азии. Вспомним посещение премьер-министром Китайской Народной Республики Чжоу Энь-лаем Индии и Бирмы и последовавшие за этим совместные китайско-индийскую и китайско-бирманскую декларации, основанные на пяти принципах: взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета; ненападение; невмешательство во внутренние дела друг друга; равенство и взаимные выгоды; мирное сосуществование.

Решения Женевского совещания, восстанавливающие мир на юго-востоке Азии, естественно, способствуют разрядке международной напряженности. Ознаменовав собой провал агрессивных маневров американских сторонников войны, очутившихся после Женевы в состоянии большой изоляции, решения Женевского совещания создают благоприятные условия для урегулирования и других важных международных вопросов не только в Азии, но и в Европе. Тем самым создаются новые возможности и для дальнейшего уменьшения напряженности международной обстановки.

— Не можете ли Вы поделиться своими впечатлениями о пребывании в Берлине?

— В Берлине я смог убедиться в глубоком чувстве дружеской симпатии немецкого народа к народу Вьетнама. Это чувство объединяет нас в борьбе за дело, которое является общим для всех,— за дело мира и демократии. Премьер-министр Германской Демократической Республики товарищ Гротеволь справедливо сказал, что победа народов Индо-Китая в Женеве — это победа и немецкого народа.

Я смог убедиться также, что немецкий народ полон решимости бороться за Германию, которая будет единой, независимой, демократической, миролюбивой. Новые советские предложения о заключении общеевропейского договора коллективной безопасности нашли глубокий отклик в немецком народе, который видит в этих предложениях возможность справедливого разрешения германского вопроса.

Я побывал на аллее Сталина и убедился в больших успехах, которые достигнуты немецким народом в восстановлении и строительстве под руководством правительства ГДР. Совсем не то в Западной Германии, где происходит возрождение немецкого милитаризма под покровительством американских зачинщиков новой мировой бойни. В Германской Демократической Республике, наоборот, все говорит о глубоком и искреннем желании мира.

— Не желаете ли Вы сказать нашим читателям несколько слов о Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве?

— Посетив Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, я был восхищен огромными успехами советского сельского хозяйства. Я увидел отражение неустанной заботы Советского правительства и Коммунистической партии Советского Союза о том, чтобы жизнь советских людей непрерывно улучшалась, чтобы они лучше и полнее удовлетворяли свои возрастающие потребности. Я увидел передовую советскую сельскохозяйственную технику и яркие примеры энтузиазма советских людей, строящих коммунизм. Нужно ли говорить, что тем самым Всесоюзная сельскохозяйственная выставка встает перед нами как еще одно доказательство глубоко мирных стремлений советского народа и Советского правительства!

Замечательные достижения сельского хозяйства СССР свидетельствуют и еще об одном: о справедливости и правоте национальной политики Коммунистической партии Советского Союза. Я имел удовольствие увидеть то, чего достигли, например, колхозы Советского Узбекистана. Это возможно только в условиях братской дружбы народов великого Советского Союза.

Я подумал также и о том, что вьетнамский народ, который прилагает сейчас все усилия к возрождению сельского хозяйства своей родины, имеет счастливую возможность воспринять большой и блестящий опыт сельского хозяйства Советского Союза.

Польские мастера подводных работ

Около двухсот человек добрых пять часов не спускали глаз с поверхности залива. Время шло медленно. Но вот могучий крик «Слава!» прогремел с палуб вспомогательных судов. Из вспенившейся, расступившейся воды вынырнула сначала труба, потом остатки мачт, капитанский мостик, палубные надстройки... Затопленный корабль «Ястарня» был извлечен со дна морского после трех лет исключительно трудной работы.

Подъем из морских глубин этого судна — еще один крупный успех польского Эпрона, затмевающий даже такое достижение подводников народной Польши, как подъем бывшего гитлеровского линкора «Гнейзенау».

«Ястарня» — некогда гитлеровский транспорт — была потоплена во время военных действий в 1944 году. Судно находилось на глубине 46 метров. При этом киль корабля на несколько метров осел в морской ил. Подъем такого большого судна да еще с подобной глубины нигде, кроме Советского Союза, не производился.

Корабль был мало поврежден и мог бы еще пригодиться для эксплуатации на морских путях Польши. Здесь был применен советский метод подъема кораблей понтонами. В относительно короткое время было отсосано 25 тысяч кубометров глины и извлечено из самого корпуса около тысячи тонн гравия. Затем водолазы протянули под килем корабля несколько стальных тросов, которые весили около ста пятидесяти тонн. Водолазы применили одно изобретение: брандспойты, которые не только промывают канал под дном корабля, но одновременно и протягивают туда трос.

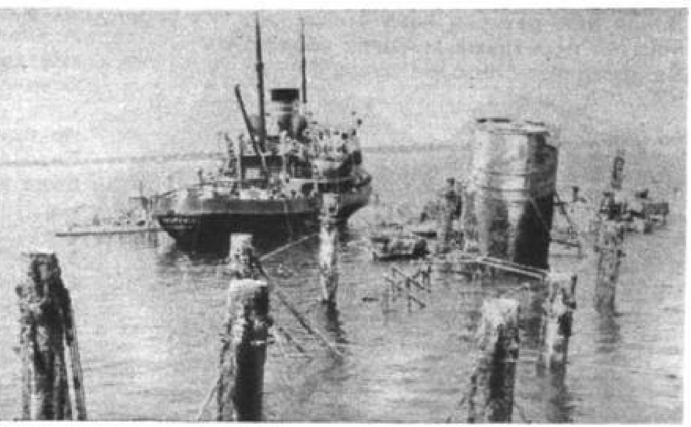
Работа требовала от экипажей всех вспомогательных судов, участвующих в подъеме «Ястарни», большой сноровки и самоотверженности. Лучшие водолазы — Мечислав Шапель, Садовы, Матляк, Аражный, Ионус — получили прекрасную выучку в Советском Союзе и отлично выполнили сложное задание.

Польские эпроновцы еще раз показали, что, используя богатейший советский опыт, они могут выполнять большие и сложные работы. Немалый труд вложили в подъем судна механики, сварщики, электротехники, плотники, столяры вспомогательных судов «Смок», «Святовид» и «Геркулес».

После ремонта в доке «Ястарня» вступит в состав действующих кораблей польского торгового флота.

Мирослав АЖЕМБСКИЙ

Варшава.

Труба корабля «Ястарня» на поверхности воды.

Фото К. Яроховского.

Copyrighted material

Стихи Гамзата Цадасы

Лауреат Сталинской премии народный поэт Дагестана Гамзат Цадаса (1877—1951) был замечательным сатириком и лириком. Оружием слова боролся он со всем, что враждебно нашему обществу. Он выступал против темноты и невежества, религиозных и бытовых предрассудков. Горячо приветствовал поэт новую жизнь горцев.

Ниже печатаются переводы стихов Гамзата Цадасы, за исключением «Жалобы моей жены», ранее не публиковавшихся.

В МОСКВУ, ТОВАРИЩУ

С тобой мы распрощались не без боли.
Пожали руки крепко, а потом
Я сердце, по рассеянности что ли,
Оставил в шумном городе твоем.

Как будто годы, тянутся недели,
Звенят ручьи в ущельях на бегу.
Живу в Хунзахе. Думаю о деле,
Но, веришь ли, работать не могу.

Сажусь писать — напрасное занятье:
Стих холоден, как звезды в синеве.
Как буду в исполкоме заседать я,
Когда оставил сердце я в Москве!

Я занят, друг!

Не смог бы мне помочь ты:
В посылке сердце переслать сюда!
Дня через три
его с ближайшей почты
Мне почтальон доставит без труда.

ЖАЛОБА МОЕЙ ЖЕНЫ

Иной, по службе сделавши карьеру,
Жену с детьми бросает в тот же год
И, одурев от важности не в меру,
Напудренную в дом к себе ведет.

Вы пишете в газетах о Гамзате,
А вдруг ему хвала не по плечу,
Зазнается поэт. И в результате
Я, бедная, отставку получу.

Его звезда находится в зените,
Гордится им не только вся родня.
Но как бы он прославился, скажите,
Когда бы рядом не было меня!

Киркой, лопатой, не жалея силы,
Не требуя в награду ничего,
Не я ль, ответьте мне, восстановила
В Цадá хозяйство бедное его!

Когда б в Талгáх тарелок на курорте
Не била я порою за столом,
Мой муж Гамзат — уж вы со мной
не спорьте —
Не написал бы и стихов о том.

Ему даю чернила я и перья.
А в час, когда садится он писать,
Я башмаки снимаю возле двери,
Чтоб в доме тишины не нарушать.

Он юбиляр!
От телеграмм с утра ведь
Покоя нет: летят, к нему спеша.
Мне лет не меньше, но меня поздравить
Не догадалась ни одна душа.

ОБЫЧАЙ ГИДАТЛИНЦЕВ

Я бичевал обычаи дурные,
Но я стрельбы еще не затевал,
Я с дикостью боролся, но впервые
Для этого хватаюсь за кинжал.

В Кахибе и Хунзахе, мне известно,
У девушек не спрашивал никто
Об их желаньях.
Замуж шла невеста
Без всякого согласия на то.

Но я не помню, память будоража,
Чтобы в кругу моей большой родни
У сыновей не спрашивали даже,
Кого мечтают в жены взять они.

А вот в Гидатле молодых заочно
Сосватают за выпивкой, потом
В условный день, за час до тьмы полночной,
Пошлют невесту в незнакомый дом.

Она идет, она еще не знает,
Что ждет ее и что судил ей рок,
Стучится тихо и переступает
Впервые незнакомый ей порог.

Ей в доме слышен жирной пищи запах,
Той, что готовят для духовных лиц.
И вот она уже у мужа в лапах.
Мне жаль ее, как жаль в неволе птиц.

Она в слезах, но разве виноват он!
О, нет, здесь виноваты старики:

Он был по их обычаю сосватан,
Любви своей, быть может, вопреки!

Порой, адату темному внимая,
Живут супруги долгие года,
Друг друга никогда не понимая,
В раздоре, словно пламя и вода.

РАЗГОВОР СО СТАРОСТЬЮ

Ты сгибаешь слишком смело
Спину мне. Скажи в глаза,
Может, хочешь обод сделать
Из нее для колеса!

Раньше мог я без печали
День-деньской бродить в горах,
А теперь не от тебя ли
Словно путы на ногах!

Ты в мой рот залезла грубо,
Сильной воле вопреки,
И качаться стали зубы,
Как на речке поплавки.

Для чего ты сушишь тело!
Не урюк я, не кизил.
Или хочешь струны сделать
Из моих воловьих жил!

Убери-ка с глаз скорее
Руки, дурья голова!
Просыпаясь на заре, я
Плохо вижу, как сова.

Что ты делаешь, старуха!
По твоей, карга, вине
Я почти лишился слуха:
Ты заткнула уши мне.

Заболел недавно вновь я,
Врач узрел твои черты:
Как напильником, здоровье
Подточить сумела ты.

У меня морщин на коже
Больше, чем в горах дорог.
Ты на гостью не похожа:
Та «прощай» — и за порог.

Как унять твое коварство,
Злобный нрав твой истребя!
О, когда бы мог лекарство
Раздобыть я от тебя,

Не сидел бы, пригорюнясь,
Я, как беркут среди скал,
А свою былую юность
Крепко к сердцу бы прижал!

С нею, сильной и крылатой,
Не боялся б ничего...
Враг не мог сразить Гамзата,—
Старость, ты страшней его!

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ (шуточные стихи)

Толки меж людьми пошли:
Третий месяц, говорят,
Разговаривать с Али
Не желает Шахрузат.

Их мирили все друзья,
И упрямо всем подряд:
«Не хочу мириться я»,—
Отвечала Шахрузат.

Но однажды в час ночной
Спал Али, а Шахрузат,
Сидя к спящему спиной,
На луну бросала взгляд.

Вдруг услышала она
Странный шум снаружи. Глядь,
Кто-то форточку окна
Стал тихонько открывать.

«Вор»... Не помня ничего,
К мужу бросилась жена.
Жарко обняла его.
— Друг, проснись! — зовет она.

— Вай, Шахру, моя любовь,
Явь ли это или сон!
Ты со мной, родная, вновь,—
Прошептал, счастливый, он.

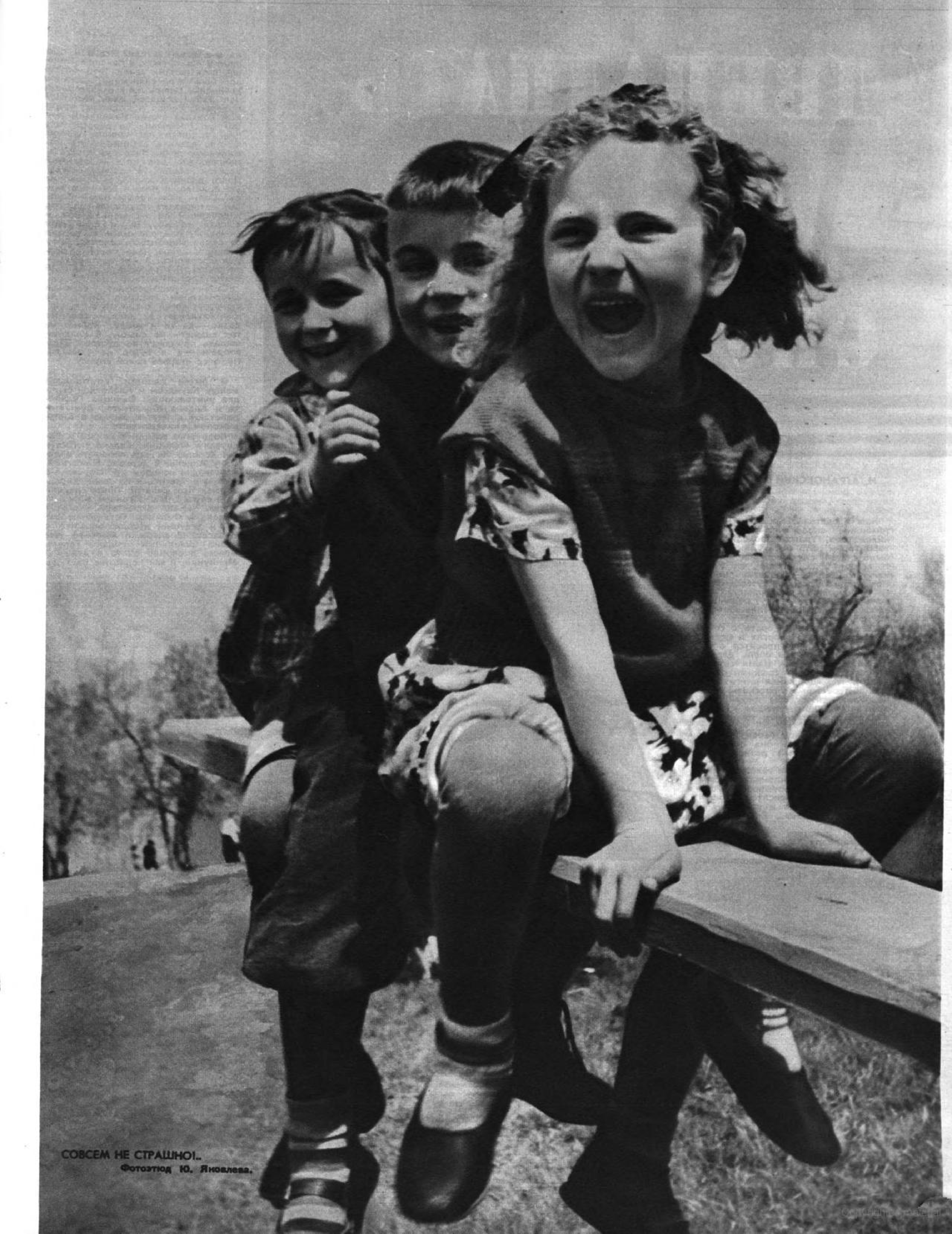
— Вай, о том, Али, молчи!
Хочет вор залезть к нам в дом.
Встань скорей и закричи,
Чтоб проснулись все кругом.

— Пусть скорее я умру,
Чем исполню твой приказ...
Поцелуй меня, Шахру,
Обними еще хоть раз...

Эй, клади к себе в мешок
Все, что хочешь, дорогой,—
Ты один на свете смог
Помирить жену со мной.

Перевел с аварского
Яков КОЗЛОВСКИЙ.

Copyrighted material

СОВСЕМ НЕ СТРАШНО!..
Фотоэтюд Ю. Яковлева.

ДВЕНАДЦАТЬ СПУТНИКОВ

И. АГРАНОВСКИЙ

Фото О. КНОРРИНГА.

Нам предстояло проехать на автомашине около четырех тысяч километров. Трасса проходила по территории пяти республик. Но не было с нами спутника, для которого поля, города, деревни, что будут мелькать мимо,— открытая книга. Попытались достать путеводитель. В библиотеках предложили «Дорожную книгу» под редакцией профессора Семенова-Тяньшанского, издания... 1905 года.

Тогда мы решили брать с собой тех, кто, стоя на дорогах и подняв над головой руку, просится в машину. И теперь мы очень довольны этим решением. Наши спутники обладали более свежими сведениями, чем «Дорожная книга»... Но еще интереснее их рассказы о себе. Узнаются судьбы людей, раскрывается мирная жизнь страны, занятой созидательным трудом.

Первую спутницу берем при выезде из Можайска, она сигналит, подняв затейливый резной посошок.

Дробным, певучим говорком принимается она рассказывать о себе. Зовут ее Верой Мартыновной Гороховой. Восьмой десяток пошел. В Можайск ездила в райсобес по делам пенсионным... Ехать ей далеко ль?

— Как довезете до памятника фельдмаршалу Кутузову, так и слезу.

Вот и памятник — бледнорозовый гранитный обелиск, увенчанный орлом.

— Тут как раз и правление колхоза нашего «Бородино»,— говорит Вера Мартыновна.— Видите, какой домик-то ладный, а на домике шест

звон какой — сажен десять. Телевизор.

Рядом с обелиском — надгробный камень. Просим объяснения у спутницы. Она заводит нараспев:

— В зиму это было, когда Гитлер от Москвы побежал. Убило тут трех наших: Алехина, Соснина и Кадцина. Грех таких людей забывать — я и помню. Тут поспрошай жителей — многое расскажут. Места-то наши какие — Бородино! Дед мой Гаврила Мартынович Жуков про Кутузова рассказывал. Видал он фельдмаршала. В нашем Беззубове атамана Платова да генерала Уварова части стояли. Дед тоже ратником был. Да и сама я мало ли видела! С Гитлером на Бородине бои тоже были немалые. У моей сестры тогда маршал Жуков стоял.

...В то утро, когда мы выехали из Минска, по шоссе шло много учеников. Мы подвезли нескольких школьников и учителей, которых здесь зовут хорошим словом «наставники». Вот снимок самых младших наших спутников. Они так счастливы, что даже не улыбаются вопросу: «Вы, ребята, ученики или, часом, наставники?» — а пресерьезно отвечают: «Не, мы ученики». Свои «анкетные данные» они сами записывают в наш блокнот: «Кульбіцкі Віктар. Мудры Толя. Деревня Красавщина. Клебановская школа». Толя приписывает еще: «У нас ни адной двойки». Ставит точку, но, видимо, вспомнив поучения наставников, добавляет: «Спасіба».

За Молодечно к нам просится дед, стоящий на дороге, с кружком толстой проволоки. Он любитель поговорить. Мы выслушиваем историю, в которой перемешиваются русские, польские и белорусские слова:

— Зовут меня пан Антоний Томашевич Видута. Какой я пан, коли на мне такой жупан? Это я к слову, — у нас прежде, в панской Польше, всех панами звали. Я-то батраком был, лупцевали меня, а паном величали. Теперь же я и взаправду пан. Табун лошадей маю, что твой помещик. Роблю я старшим конюхом колхоза в селе Каменный лог. Вот цю проволоку на дороге поднял, згодится на конном дворе. Однако ездил я в Ошмяны по фамильному делу. Надо вам сказать, панове, что мне хоть и седьмой десяток пошел, а я молодожен. Долго вдовцом ходил, а потом на ум пришло: и чего я бобылем живу? Силы маю, грошн маю — больше четырехсот трудодней за год зарobляю,— чем не жених? Вот и сыграл свадьбу. Ну, а сын мой меньшой, как оженился я, решил от семьи отделиться. Значит, ему хозяйство свое надо ставить, раздел оформлять. А как то творить — не знаем. Я и съездил в районный центр посоветоваться.

Старик рассказывает, сверкая хитроватыми глазами. Он и не скрывает своей хитрости.

— Глуховат я стал, — говорит дедко, — да то к добру. Жинка не так скажет — не слышу. В колхозе лошадь прикажут по пустому делу запречь, — а я будто не слышал. Ну, а со старого какой спрос!

В Литве нашими спутницами между Каунасом и Клайпедой были две учительницы: Фелиция Гуджюте и Алдона Юргайтите. Обе они работают и учатся заочно в Вильнюсском университете.

Подружки ездили в колхоз к родителям Фелиции. Славно погостили! Хорошо бы еще побывать и дома у Алдоны в деревне Манкунай, но сегодня вечером им непременно нужно встретиться со своим директором. Что делать? Помог дорожный случай. Мы обгоняем мотоциклиста. «Наш директор!» — кричат Алдона и Фелиция. Останавливаемся, и девушки дотолковываются с Иозасом Милисом о каких-то там своих школьных делах. Теперь можно спокойно ехать в деревню Манкунай, и мы подвозим их туда.

Мы ехали по Латвии — из Лиепаи в Вентспилс — и подвезли старика в домотканном костюме, столь медлительного и немногословного, что за пять километров только и сумели узнать от него, что живет он

Copyrighted material

на хуторе и ходил в лавку за кофе. Старик степенно поблагодарил нас, сняв рыжую фетровую шляпу, и чинно зашагал к одному из тех хуторов, где, нам подумалось, течет неторопливая и немногословная жизнь.

Но тут в опровержение этих мыслей появляется Марта Тринкунас. Она шумно садится в машину, громко радуется, что мы доставим ее до самого Вентспилса. Марта заведует клубом при сельсовете Юркельне. О, у них очень весело в клубе! Каждый день танцы, кино, репетиции. Парни и девушки сходятся со всей округи за 5—8 километров. Едет Марта в Вентспилсский родильный дом: ее сестра Мария родила первенца Алика, маленького «пограничника». Да, отец его русский, окончил службу в погранвойсках, демобилизовался, поселился в Латвии. Он родом из Новосибирска. В Новосибирске живет и вторая мартина сестра; такое совпадение: обе сестры вышли замуж за новосибирцев. Придется и ей, Марте, поехать в Новосибирск... Ее самое большое желание — поехать в Россию, посмотреть Москву.

Мы подвозим Марту к родильному дому и снимаем ее на фоне больничной вывески.

В Эстонии, в маленьком поселке Нуйе, останавливаемся у киоска с мороженым. Светлоголовый мальчик лет десяти обсасывает вафельный стаканчик. Вскоре вместе со своей матерью он становится нашим спутником. Гелена Кюла работает в лесничестве. Муж ее умер, и она одна воспитывает детей. Старший, Тойво, шестиклассник, а вот этот, Гуннар, перешел в третий. Она решила его побаловать, свезла в Нуйу, кое-что купила, полакомился он мороженым. Вырастут дети, она их пошлет учиться в Москву или в Ленинград. Она из семьи Хейдеманов, это ее девичья фамилия. Ханс Хейдеман — двоюродный брат Гелены. Не знаете фамилии Хейдемана? Значит, вы впервые в Эстонии. Он был коммунистом, его казнили во время буржуазной диктатуры. Она учит своих мальчиков быть такими, как Ханс.

Глаза Гуннара горделиво сверкают, когда мать рассказывает о знаменитом родственнике. Гуннар что-то шепчет ей на ухо. «Мальчик просит разрешения осмотреть машину»,— объясняет она. Открываем капот, и юный Кюла с любопытством рассматривает мотор. И тут этот молчаливый и стеснительный мальчик произносит первое за поездку слово: «Победа».

В Тарту мы едем по улице Ханса Хейдемана. Это имя нам уже знакомо.

На обратном пути у нас много попутчиков, людей разных профессий. Но самая редкая — у старика, которого мы встретили на окраине Новгорода. Иван Петрович Бажов официально именуется «хранителем Новгородского кремля». Он знает в Кремле каждый камешек.

После войны Иван Петрович был среди тех, кто восстанавливал древнейший на Руси кремль. Этот вот колокол (1 614 пудов в нем!) советские люди при отходе из города схоронили в Волхове. Сейчас его достали со дна реки.

Теперь наш спутник — часовщик. Павел Антонович Кузнецов работает в Москве, на Гоголевском бульваре, дом 21, в комбинате бытового обслуживания. Едет он с нами от деревни Марьино до Калинина, откуда поездом спешит в Москву на работу. Брал трехдневный отпуск, отвозил к родным в колхоз, за 210 километров от Москвы, жену и дочь. Дочери Вале всего год, и о ней он говорит: «Вез я ее в деревню на легковой машине. Путь далекий, так мы ее сначала по Москве возили, тренировали. Ну, ничего, обкатали дочку!» Хвалит Кузнецов всячески свою деревню: места охотничьи, рыбные, молоко, как сливки, яйца у кур, как у гусынь. И в доказательство показывает яйца. Мы удивлены: действительно крупные. На поверку оказывается все же, что они гусиные.

Последняя за поездку спутница поднимает над головой сумку и озорно кричит: «Подвезите колхозного почтальона!» Комсомолка Анастасия Симакова каждый день делает кольцо в 20 километров по четырем селам. Со всей страны идут в колхоз письма, нередко их при ней же зачитывают и сердечные тайны ей поверяют, и жалобы, и планы, и сомнения. В сумке у нее сегодня, кроме полусотни газет и журналов, восемь писем. Это вот — Крутовой Марии Константиновне от сына. Это — Таисии Коньковой от подружки Клавдии Хрущевой, обе кончают десятилетку, ранее учились вместе, потом разъехались, верно, сговариваются, куда вместе поступить. Сама она получает ли письма? Получать-то получает, да вот давно что-то не было, вздыхает наша «почта».

Мы въезжаем в село Воскресенское, и Настасья кричит, приоткрыв на ходу дверцу: «Крутова! Вам письмо!»

Кроме двенадцати спутников, о которых здесь рассказано, у нас было примерно еще столько же. Среди них два колхозника, несколько учеников и учениц, бухгалтер, приемщик молока, банщик из Торжка, дорожный мастер, работница с автокордного комбината. Была и одна столь молчаливая спутница, что за сто километров мы так ничего о ней и не узнали.

Меньше тридцати спутников за четыре тысячи километров — не много. Но пешеходы встречались нам редко. Люди заняты делом. Исчезли с дорог былые «искатели счастья», горемыки, что бежали от неудач «куда глаза глядят». А еще лет пятнадцать назад, при буржуазном строе, их было много и в Литве, и в Латвии, и в Эстонии. Об этом нам порассказали спутники. Не было среди наших попутчиков людей, для которых дорога — мать родная, основное, так сказать, место жительства. А сколько таких калик перехожих бродило в дореволюционные времена по дорогам российским, сколько этаких «трампов» — бродяг, безработных — и поныне перекати-полем шатается по дорогам в капиталистических странах.

Ради дела или отдыха после дела шагают люди на наших дорогах. Вот о чем повествует картина, что складывается из столь различных случайных дорожных встреч.

Copyrighted material

ДОРОГИ ЭСТОНИИ

На дорогах Эстонии...

Фото С. Розенфельда.

Идут дороги зелеными полями, березовыми перелесками, словно в тоннели, уходят в сосновые леса, принимают в себя тропинки — от хуторов, проселки — от деревушек, широкими магистралями подходят к городам. Днем и ночью шум моторов, стрекот мотоциклов, гудки автомашин нарушают деревенскую тишину. Спешат по дорогам из городов в села грузы с промышленными товарами, вереницей идут из села в город машины с молочными бидонами, свежими овощами и ягодами, мясом и птицей.

По обочинам дорог лежат груды щебня и гравия, и машины то и дело сворачивают, объезжая котлы с дымящимся асфальтом, катки и другие громоздкие дорожные механизмы, сворачивают с главной магистрали, еще покрытой рыхлым черным слоем свежего гудрона. На дорогах идет летний ремонт.

В Эстонии с ее системой хуторов большая протяженность дорог. По содержанию их в порядке республика занимает одно из первых мест в Союзе. В прежние времена крестьяне сами ремонтировали дороги. Теперь это делает государство, а население бережет и охраняет магистрали.

С каждым годом в Эстонии увеличивается количество дорожных механизмов, заменяющих труд людей. Некоторые из них, грейдеры и битумные котлы, делаются в Эстонии, в Пайдеской дорожной мастерской, другие приходят из братских союзных республик.

Шоссейные дороги, например, прекрасная автомагистраль Таллин — Ленинград, обсаживаются по краям молодыми деревьями и декоративными кустарниками. На перекрестках и на автобусных остановках строятся павильоны, устанавливаются скульптуры. Белые столбики на мостах и поворотах, километровые отметки, сверкающие в темноте указатели, знаки, четкие названия городов и сел — все предусмотрено для удобства водителей и пассажиров. И к ним обращены плакаты, часто встречающиеся на магистралях Эстонии: «Берегите и охраняйте дороги!»

Н. ХРАБРОВА

Памятник Павлику Морозову

На гранитном постаменте установлена бронзовая статуя мальчика в пионерском галстуке. Это Павлик Морозов, вечный ровесник пионеров, пример для смелых сердец.

Памятник стоит на деревенской улице, окруженной лесами и болотами Герасимовки, родины Павлика Морозова. Здесь прошла его короткая жизнь, здесь он погиб от руки кулаков.

Это второй памятник герою-пионеру. Первый стоит в Москве. На открытие съехалось много гостей из районного города Тавды, областного — Свердловска, из других областей и республик.

После открытия памятника пионеры строем прошли к месту, где стоял домик Павлика Морозова. Неподалеку был устроен большой пионерский костер.

Н. РОЗИНА

Фото И. Пашкевича.

Модели профессора Малаева

В мастерской медицинских инструментов Министерства здравоохранения Грузии есть цех, который сокращенно называется «нервным». Название это не определяет, конечно, ни атмосферы работы в цехе, ни состояния работающих. Дело просто в том, что здесь изготовляют модели нервной системы человека — наглядные пособия для анатомических музеев и медицинских учебных заведений.

Из девяти производимых в цехе моделей — особенно сложна модель вегетативной нервной системы. Чтобы собрать ее из бесчисленного количества нервных узлов, сплетений и волокон, надо произвести до 18 тысяч электропаек. Готовую модель укрепляют в легком металлическом каркасе увеличенной вдвое человеческой фигуры. Теперь можно просмотреть весь путь проведения нервных импульсов к различным органам и взаимодействие их с другими системами и центрами.

На модели обозначена фамилия автора: профессор А. Г. Малаев. Он автор и всех других моделей, изготовляемых в этом цехе.

Четверть века назад молодой ассистент кафедры нормальной анатомии Тбилисского мединститута Арташес Григорьевич Малаев сделал первую проволочную модель ядер и проводящих путей головного мозга. В 1935 году она демонстрировалась на выставке XV Международного конгресса физиологов в Ленинграде.

Чрезвычайно трудно усвоить внутренние структурные особенности и взаимоотношение элементов вегетативной нервной системы. Месяцами без устали препарировал А. Г. Малаев трупы, изучал имеющиеся рисунки и схемы, а затем более двух лет работал над самой моделью.

Производство всех девяти малаевских моделей нервной системы человека организовано в мастерских медицинских инструментов в Тбилиси. Пока что это — единственное производство в Советском Союзе, поставляющее медицинским учебным заведениям страны уникальные наглядные пособия. Свыше 300 экземпляров уже отправлено по заявкам в 32 советских города.

И. МЕСХИ

Слева направо: профессоры А. Г. Малаев, А. Н. Натишвили и инженер Г. И. Татишвили у моделей нервной системы человека.

Фото Я. Аврутина.

Вещи напрокат

«Коляску, чайник, электроплитку, посуду и утюг брать не надо. Возьмем здесь напрокат»,— такие телеграммы нередко приходят с курортов Рижского взморья...

В дачной местности Дзинтари расположился прокатный пункт с солидным ассортиментом товаров. Во временное пользование дачники могут получить сервизы, кастрюли, столовые приборы, мясорубки, сковородки, электрические чайники, утюги, плитки, пылесосы, швейные машины, велосипеды, фотоаппараты, спиннинги, детские коляски, стиральные машины, мебель, волейбольные мячи, солнечные очки, патефоны, гитары и многое другое — всего до ста наименований.

Со всех концов взморья — из Булдури и Лиелупе, Меллужи, Дубултов и Майори — приезжают сюда отдыхающие.

Группа артистов оркестра Большого театра СССР оставила запись: «Мы столкнулись с очень приятным, доступным и хорошим мероприятием — пунктом проката. Это — исключительно удобное начинание. Отдыхающие освобождаются от перевозки посуды, кроватей и других громоздких вещей. Кроме того здесь есть все для культурного отдыха. Приветствуем такое начинание. Хорошо бы распространить его и на другие места отдыха трудящихся».

Одних интересует посуда, а ребята пришли взять напрокат качели.

Есть у прокатного пункта клиенты, не умеющие писать, но, вероятно, горячо ему благодарные: они приходят сюда за игрушками, трехколесными велосипедами и мячами.

Прокатный пункт принадлежит рижской артели «Ригас экспресс».

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ.

Copyrighted material

К ПОСЛЕДНИМ ПАРАЛЛЕЛЯМ

С. МОРОЗОВ

Фото Я. РЮМКИНА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

II. «СТОЛИЦА ВЫСОКИХ ШИРОТ»

В своем маленьком ледовом лагере мы почувствовали себя провинциалами. До ближайшего берега около полутора тысяч километров. В эфире стоит непрерывный треск, и когда радисту удается иной раз поймать вещательную станцию, голоса Большой Земли доходят до нас какими-то хриплыми, искаженными.

Зато теперь, когда на льдину опустился флагманский самолет, наше полярное захолустье словно преобразилось. Мы жадно выспрашивали новости, очень уютно чувствуя себя на мягких диванах просторной кабины у широкого стола, застеленного картами, заваленного радиограммами и метеосводками.

— Значит, на востоке у Толстикова все идет хорошо, Василий Федотыч?— спрашивал Трешников, усаживаясь в кресло рядом с Бурхановым.

— Отлично, Алексей Федорыч,— отвечал тот с улыбкой.— Евгений Иванович шлет вам привет, но не с востока, а с юга.

И начальник экспедиции ткнул карандашом в кружок на карте, обозначенный буквами «СП» и цифрой «4».

Дрейфующая научная станция Е. И. Толстикова, высаженная на лед с берегов Чукотки, находилась сейчас в тысяче с лишним километров южнее нас, почти на такой же долготе, что и мы.

— Ну да, конечно, с юга,— спохватился Трешников, смеясь.— В этих высоких широтах совсем географию позабудешь.

Командир флагманского корабля И. П. Мазурук тем временем беседовал с И. С. Котовым у другой карты — полетной. Жирная курсовая черта, проходя вблизи полюса, соединяла наш лагерь с лагерем И. И. Черевичного. Его отряд уже перелетел в район полюса и начал исследование подводного хребта Ломоносова.

— Отсюда до Ивана Иваныча часика два лету будет, ну от силы два с половиной,— уверенно сказал Мазурук.

Котов кивнул, а Бурханов усмехнулся:

— Завидую авиаторам. Вот бы и нам, морякам, так же водить караваны — напрямки.

И начальник Главсевморпути задумался, вспоминая долгие и трудные месяцы ежегодных полярных плаваний. Медленно движутся за ледоколом транспортные суда. Осторожно выбирают капитаны дорогу, то и дело справляясь о предстоящем пути у синоптиков, у воздушных разведчиков. Задует иной раз с севера, и в какой-нибудь час сплошные ледяные поля закроют недавно еще чистую воду. И корабли — стальные гиганты — со всей мощью котлов, турбин, дизелей оказываются бессильны перед стихией.

Сложное это хозяйство — Северный морской путь! Многое надо знать о водах и льдах океана, об атмосфере полярной области, чтобы уверенно планировать работу флота, строить порты, обживать дикие, безлюдные края. Немало еще и белых пятен на карте и пробелов в наших познаниях. Но дружный коллектив советских людей трудится в больших городах и на маленьких зимовках, на палубах и причалах, в заводских цехах и лабораториях институтов над освоением Арктики.

Терпение, осмотрительность не меньшие добродетели полярников, чем смелость и решительность. И хотя Василий Федотович полностью доверяет опыту Трешникова и Котова, окончательный выбор льдины для дрейфующей научной станции «Северный полюс-3» должен утвердить лично он. Пересев с громоздкого «ИЛа» на легкий «АН-2», Бурханов успевает за час слетать на паковый массив, осмотреть его и вернуться обратно.

— Ну, Алексей Федорович, с новосельем!— сказал он, пожимая на прощание руку Трешникову.— Выбор ваш одобряю. Начинайте строиться.

— Городок наш будет столичный, как-никак в центре Арктики,— улыбнулся Трешников.

На первых порах дрейфующая «столица высоких широт» не могла похвастаться ни обилием построек, ни численностью населения. Проводив флагманский «ИЛ» и самолет Котова, с которым Трешников улетел за людьми и грузами на Большую Землю, мы с кинооператором Е. П. Яцуном остались вдвоем в единственной палатке, разбитой на паковом массиве. Остальных наших спутников — экипаж «АН-2» — при всем желании нельзя было признать оседлыми жителями. Больно уж часто покидало нас «воздушное такси», исправно курсируя между «ледовым вокзалом» и будущим «городом». Каждые тридцать — сорок минут мы выходили встречать летчиков, выгружали из тесной кабины ящики и мешки. В перерывах готовили обед.

И пельмени и бифштексы Московского мясокомбината дошли до высоких широт в отличном состоянии. Сложнее обстояло дело с рыбой. Промерзшую насквозь, обледенелую енисейскую стерлядь мы сначала ломали, как дрова, сразмаху ударяя о ящики, и только потом оттаивали в воде, натопленной из снега.

Наконец-то рыба очищена, разделана. Круто посоленная уха начала закипать на газовой плитке, когда мы вспомнили о луке и лавровом листе. А этих-то необходимых приправ как раз и не оказалось под руками. Они были в кабине «АН-2», только что ушедшего в очередной рейс.

Изрядно в общем растянулся во времени наш кулинарный опыт. Зато обед на новоселье удался на славу. О нем можно было бы упо-

См. «Огонек» № 31.

Copyrighted material

мянуть даже в вахтенном журнале лагеря, если бы у нас не нашлось для первой страницы других, более существенных записей: первые координаты, температура воздуха, сила и направление ветра.

Проснувшись под рокот моторов, мы начали следующий день регистрацией самолетов, прибывающих с Большой Земли.

Скоро на «такси» с «ледового вокзала» к нам прибыла вторая группа постоянных жителей дрейфующего городка: метеоролог А. Д. Малков, астроном Н. Е. Попков и гидролог А. И. Дмитриев. Под вечер неподалеку от нашей палатки чернел на снегу еще один купол: чуть в стороне, нарезая «кирпичи» плотного, слежавшегося снега, мы возводили павильон для магнитных наблюдений. Вариометры, регистрирующие все изменения в магнитном поле Земли, должны быть изолированы от воздействия металла. Толстые стенки из снежных кирпичей послужат надежной защитой для чувствительных приборов.

Но пока еще научные наблюдения не начаты, и у нас в ходу орудия куда менее сложные: лопаты, пешни, ломы. Мы расчищаем взлетную полосу, срезаем округлые, отшлифованные ветрами «лбы», разравниваем волнистые надувы и острые заструги. Пора же в конце концов принимать непосредственно в лагере тяжелые лыжные самолеты с Большой Земли.

Когда в небе появились самолеты И. С. Котова и П. П. Москаленко, мы, побросав лопаты и пешни, стали меж флажков вдоль посадочной полосы. Наши фигуры, темные на фоне сверкающего снега, давали пилотам четкий ориентир. Вот громоздкие самолетные лыжи коснулись неровной поверхности и запрыгали, взметая тучи снежной пыли. Еще мгновение — и мы, ослепленные бураном, отбегаем в разные стороны.

Котов и Москаленко не торопятся начинать выгрузку. Развернувшись в конце дорожки, самолеты рулят снова и снова, уминая, перепахивая неровности снега, точно тракторы на целине.

Каждая новая страница вахтенного журнала отмечает теперь появление новых и новых постоянных жителей. Со своей аппаратурой разместились в специальной палатке радисты К. М. Курко и Л. Н. Разбаш. Зазвенели на ветру провода антенны, и дрейфующая полярная радиостанция вышла в эфир со своими позывными. Вместе с возвратившимся с Большой Земли Трешниковым прибыли

океанографы, метеорологи, аэрологи.

Дрейфующую станцию можно уподобить кораблю. В общем потоке полярного дрейфа наш ледяной остров неуклонно движется на северо-восток. Но вместе с тем паковый массив, на котором раскинулось уже более десятка палаток, зачастую воспринимается нами как неподвижная, устойчивая твердь.

Скоро, однако, океанографы напомнили о близости моря. Два дня трудились они на окраине лагеря. Сначала вырубили во льду неглубокий, в полметра, колодец, потом заложили туда взрывчатку, и вскоре после глухого взрыва в круглой лунке заплескалась морская вода. Над лункой установили гидрологическую лебедку, накрыли ее черным куполом палатки. Потом в палатку внесли паяльные лампы, и там стало тепло, как в предбаннике.

Налаживая лебедку, океанограф Владимир Александрович Шамонтьев снял теплую куртку, свитер и, оставшись в одной майке, вдруг рассмеялся.

— Точь-в-точь, как в кочегарке бывало.

— Только тут, Володя, поглубже будет, чем у вас на Шексне, — заметил Трешников, записывая результат первого промера. — 3 949,5 метра, без малого четыре километра!

— Океан! — с почтением произнес Шамонтьев.

— Нам, Володя, океаном плавать не впервые. — Трешников дружески похлопал Шамонтьева по литым мускулам, обтянутым мокрой от пота майкой.

Нет, не случайно начальник дрейфующей научной станции избрал своим заместителем этого молодого энергичного ученого. Тридцатилетний Владимир Шамонтьев был и кочегаром на речных пароходах и солдатом пехоты в годы войны. Студентом-океанографом он проходил практику в штормовой Северной Атлантике на судах сельдяной флотилии.

Таков же примерно и жизненный путь Алексея Трешникова — кандидата наук, Героя Социалистического Труда. Крестьянский паренек-рабфаковец, он готовился стать агрономом, когда в стране гремела челюскинская эпопея. Таинственная Арктика увлекла юношу с порога сельскохозяйственного института на географический факультет университета. Потом пошли зимовки на далеких островах, ледовые патрули в дни войны, когда в морях Севера шныряли фашистские подводные лодки. И, наконец, в послевоенные годы — воздушное кочевье по льдам Центральной Арктики.

На льду океана близ полюса работают люди разных возрастов, но одной жизненной цели. Аэрологам Василию Гавриловичу Канаки и Платону Платоновичу Пославскому их питомец Игорь Цигельницкий годится в сыновья.

Ясным тихим утром на окраине лагеря аэрологи наполняют водородом баллон радиозонда, прикрепляют к нему термометр, самописец, крохотный радиопередатчик. Игорь Цигельницкий выпускает зонд, а П. П. Пославский наблюдает в теодолит. Сквозь линзы хорошо видно, как в синеву неба стремительно уходит серебристый шар. Через 10 секунд он уже на высоте 60 метров, и В. Г. Канаки в палатке у приемника принимает первый радиосигнал.

Температура воздуха на высоте много ниже, чем у поверхности льда. На седьмом километре уже 50 градусов мороза. Автоматический разведчик высоких слоев атмосферы виден в теодолит и на 15-м и на 20-м километрах. Там наружное давление все время уменьшается, и серебристый шар, распираемый водородом изнутри, непрестанно растет в объеме.

На 24-м километре оболочка радиозонда лопается, и тогда в палатке на льду прекращается прием сигналов. Аэрологи, все втроем, садятся обрабатывать полученные сведения. Скоро понадобится сообщить их в Москву в Гидрометеослужбу. Сегодня одновременно с дрейфующей станцией во льдах атмосферу зондируют аэрологи Игарки, Свердловска, Куйбышева, Махачкалы.

Наш городок стал уже действующей научно-исследовательской станцией, а стройка все еще продолжается. Ряды палаток образуют небольшую улочку, на грузовой площадке собралась добрая сотня тонн, а самолеты с Большой Земли все идут и идут.

Однажды утром к нам прилетел и вертолет! Пузатый, огненно-красный в косых лучах солнца, он опускался с отвесной высоты. Длинные и широкие лопасти винта поднимали снежный вихрь.

Мы поздравляли пилота Алексея Федоровича Бабенко. Еще недавно, в позапрошлом году, летая над Волго-Доном, он подолгу висел над шлюзами, пока фотографы снимали их сверху. Потом поразил москвичей, опустившись на поле стадиона «Динамо» с букетом для футболистов-победителей. В центре Арктики на дрейфующем льду появление вертолета произвело не меньшую сенсацию.

Экипажу вертолета предстоит охранять безопасность дрейфующего лагеря. В случае подвижек льда, трещин, разводий вертолет легко может подняться ввысь. А потом с высоты найдет новую, более удобную для лагеря льдину.

На «ледовый вокзал» доставили автомобиль «ГАЗ-69». Он хоть и вездеход, но далеко не амфибия, чтобы плыть в лагерь по разводьям, и вовсе уж не ледокол, чтобы крушить торосы. На помощь пришел вертолет — в его вместительной кабине как раз достаточно места для «ГАЗ-69».

Самолеты привезли в лагерь детали трактора и громоздкого силового агрегата будущей электростанции. Часа два выгружали мы их из кабины. А вертолет, точно подъемный кран, в считанные минуты перенес стальные махины на места, отведенные для их сборки.

Скоро в дрейфующем городке появятся самые настоящие дома. Передвижные, разборные жилые дома! Легкие, прочные, изготовленные из теплоизоляционного материала, они будут передвигаться по льду на полозьях, на буксире у тракторов.

Из самолета Петра Павловича Москаленко, с которым нам предстояло улететь, только что выгрузили первую партию деталей разборных домов, изготовленных на заводах Москвы и Ленинграда.

— Большое, душевное наше спасибо передайте москвичам и ленинградцам, — говорили на прощание жители дрейфующего городка, — пусть не забывают нас, пишут почаще. Адрес старый: район Северного полюса...

Дрейфующая станция «Северный полюс-3».

В ледовом лагере. Утренний туалет.

Copyrighted material

Отсюда до твердой земли около полутора тысяч километров. Под льдами — километры океанских глубин. Полярные летчики Герой Советского Союза И. С. Котов и П. П. Москаленко выбрали льдину для дрейфующего лагеря и устанавливают Государственный флаг СССР.

Сюда, на станцию «Северный полюс-4», доставлены грузы с Большой земли. Из самолета выгружают жилые палатки, баллоны для отопления, ящики с продовольствием, научные приборы.

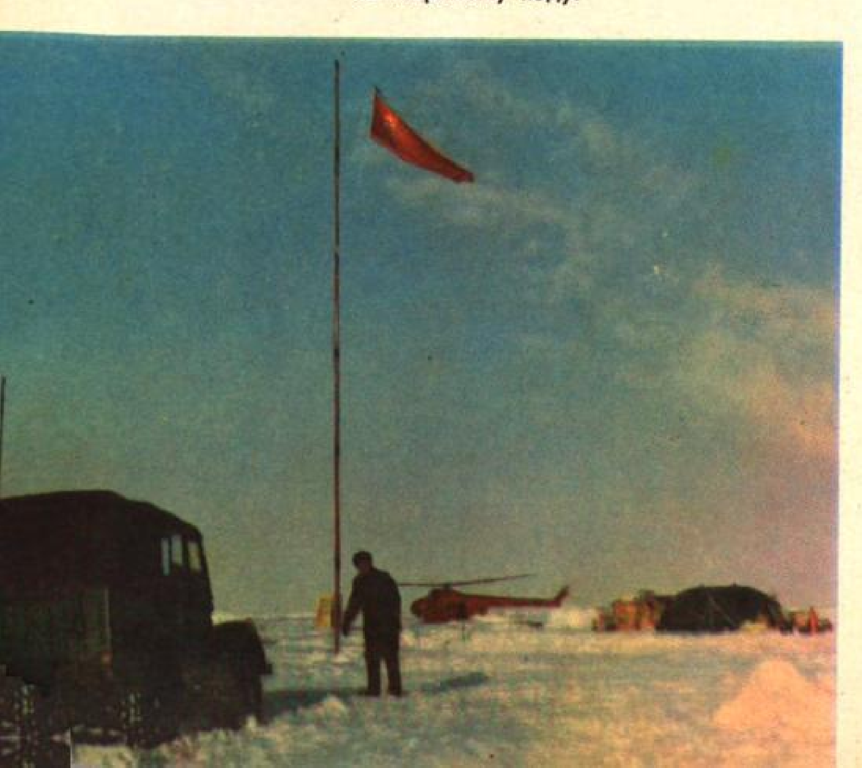
В ледяном поле пробита лунка для исследований глубин и течений океана. Полярники устанавливают над лункой гидрологическую палатку.

Copyrighted material

Начальник дрейфующей научно-исследовательской станции «Северный полюс-4» Е. И. Толстиков поднимает над лагерем флаг.

У полярников, исследующих Центральную Арктику, есть свой транспорт; автомобиль-вездеход «ГАЗ-69» уверенно движется по морскому льду.

Трактор расчищает

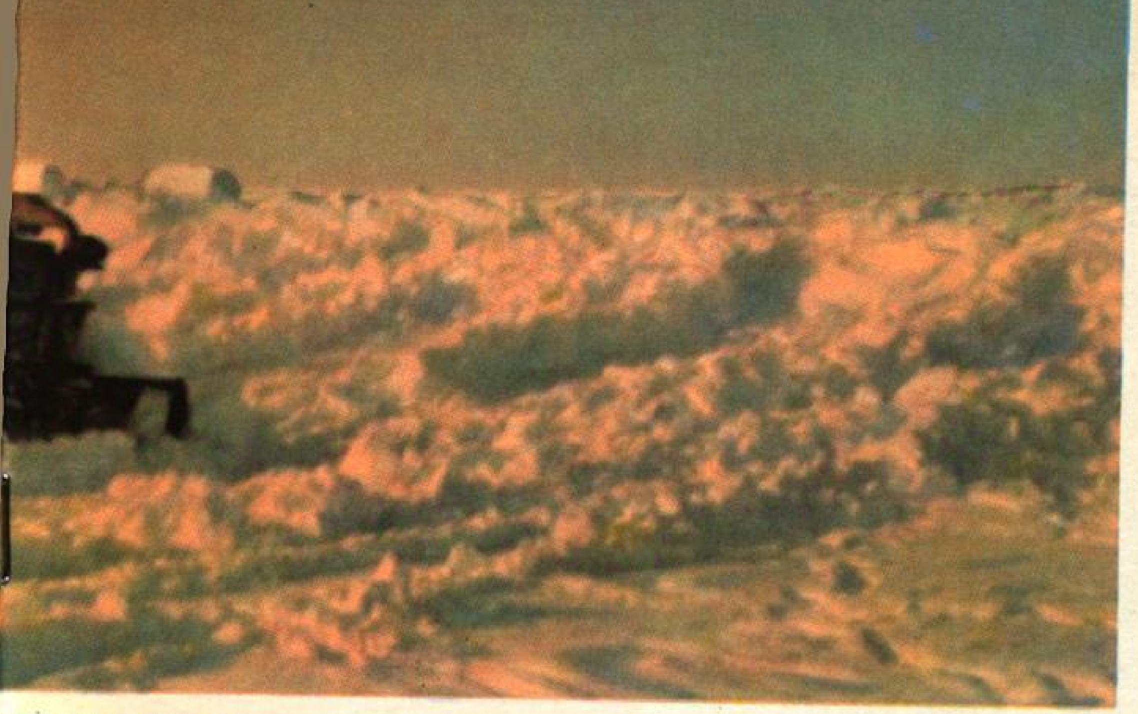
Океанограф В. А. Шамонтьев готовит аппаратуру для исследования глубин.

Метеоролог А. Д. Малков ведет наблюдение за солнечной радиацией.

Copyrighted material

дорогу в торосах.

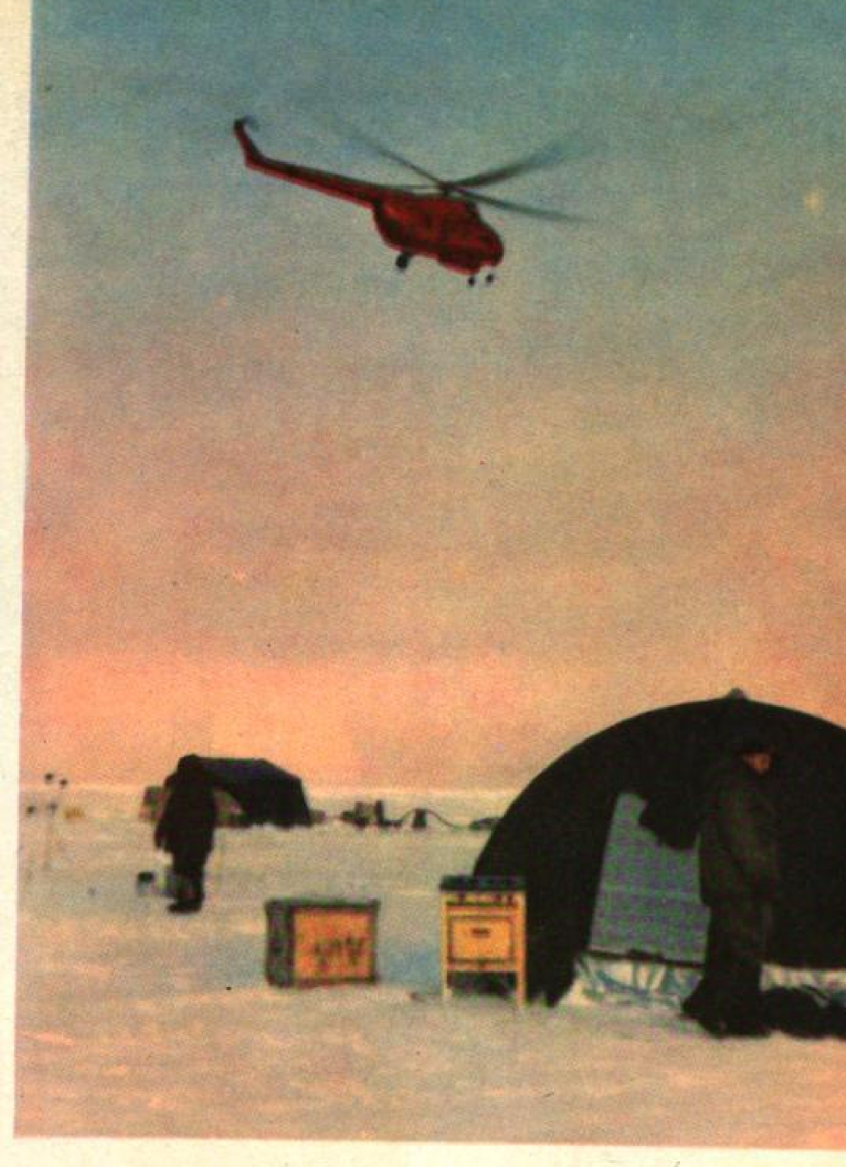
Аэрологи выпускают радиозонд для исследования высоких слоев атмосферы.

Профессор Я. Я. Гаккель и океанограф А. Л. Соколов осматривают гидрологическую лебедку.

Метеорологическая площадка дрейфующей станции «Северный полюс-3».

Вертолеты над лагерем.

В этом снежном доме уютно и тепло. Здесь кают-компания дрейфующей научно-исследовательской станции «Северный полюс-3». У повара И. М. Шарикова немало хлопот по хозяйству.

В дрейфующем лагере Героя Советского Союза И. И. Черевичного близ Северного полюса.

Пилот вертолета А. Ф. Бабенко — участник дрейфа станции «Северный полюс-3».

Океанограф М. В. Извеков в часы досуга.

Начальник дрейфующей научно-исследовательской станции «Северный полюс-3» Герой Социалистического Труда А. Ф. Трешников.

aterial

ОБИДА

Рассказ

Л. РОТОВ

Рисунки О. Верейского.

Владимир Платонович Лелюшенко, архитектор из проектного института, торопливо вошел в здание министерства.

С полей его шляпы стекали капли дождя, коричневое пальто на плечах и на груди почернело от воды, кожаная папка в руках влажно блестела. Казалось, стоит ему чуть встряхнуться — и с него, как с дерева после ливня, посыплется водяная пыль.

Обеденный час был на исходе. У дверей лифта стояла длинная спокойная очередь служащих, возвращавшихся на свои места. Архитектор тоже встал было в эту очередь, но, взглянув на часы, передумал и тем же торопливым шагом стал подниматься по лестнице.

Скоро он почувствовал, что становится трудно дышать, и замедлил шаги.

«Собственно, зачем я так спешу? — подумал он, расстегивая пальто и глубоко вздыхая.— Ведь у Самохвалова наверняка полна приемная. Пока до меня дойдет...»

Даже подумать о возможности долгого ожидания было неприятно.

Но еще неприятнее было представить себе, что в приемной начальника главка пусто и тихо и раскрытая дверь, за которой видна зеленоватая глубь кабинета, означает, что начальника нет, недавно уехал и, по данным секретаря, неизвестно, когда вернется.

Добравшись до пятого этажа, архитектор вошел в широкий, полный людей коридор, тянувшийся далеко, точно улица.

Все здесь было знакомо архитектору много лет. Кое-что изменилось за последние годы. Стало светлее, стены имели чистый и свежий вид, натертые полы блестели. Но оставался, не меняясь, какой-то особый, присущий этому огромному зданию запах. Сколько раз ни бывал здесь архитектор, этот запах всегда раздражал его.

«Пыльной бумагой пахнет»,— подумал Лелюшенко и ускорил шаги.

* * *

— У меня без всякого бюрократизма! — любил говорить Андрей Иванович Самохвалов, начальник Главпроекта.

Действительно, он всегда сам брал трубку телефона, вход в его кабинет был свободен для всех.

Когда Лелюшенко вошел, начальник главка сидел один и читал почту.

Он поднял на архитектора прозрачные, немного навыкате глаза, не вставая, протянул ему руку и улыбнулся одними тонкими губами. Даже такая полуулыбка не часто появлялась на еще не старом, но псмятом лице Самохвалова. Обычно это лицо бывало недовольным, точно начальника главка мучила изжога или он только что выпил что-то невкусное.

— Вот хорошо, что у вас никого нет! — повеселел Лелюшенко.— Потолкуем без помех.

— Это, видишь ли, случайная пауза,— ответил Самохвалов, всем подчиненным без исключения говоривший «ты».— Погоди, сейчас налетят со всех сторон, как грачи.

Было похоже, что он не совсем доволен тем, что его, сверхзанятого человека, застали в разгар рабочего дня одного.

— Ты покури одну минуточку, Владимир Платонович,— сказал Самохвалов, придав лицу извиняющееся выражение.— Я сейчас. Тут одна срочная бумага.

Пока Самохвалов, держа в боевой готовности авторучку, громко дыша и недовольно хмурясь, читал какую-то длинную бумагу, Лелюшенко, посматривая на него, курил.

Он давно знал Самохвалова.

В институте Андрей славился своими актерскими способностями, умел повеселиться, был непременным участником студенческой самодеятельности и бессменным тамадой на вечеринках. По окончании института он должен был поехать, кажется, в Новосибирск, но что-то изменилось в последний момент, и Самохвалова прямо со студенческой скамьи назначили начальником проектной мастерской в Москве. Он быстро потерял тогда студенческий облик: потолстел, движения его стали неторопливы и значительны, речь запестрила круглыми, книжными фразами. С тех пор он так и пошел «по проектной линии» и все годы после института, а их было пятнадцать, ходил в начальниках. Он считал, что отлично знает психологию проектировщиков, и гордился этим, считал себя архитектором и любил говорить: «Мы проектанты».

Самохвалов был на хорошем счету. Он умел угадать мысль старшего начальника, выступить «в тон», и притом толково, остроумно и внешне независимо. Подчиненные ценили в нем простоту обращения. Они знали, что Самохвалов хотя всегда недоволен, но наказывает редко и даже в некоторых случаях проявляет заботу о людях.

Кончив читать, начальник главка яркозелеными чернилами написал на левом верхнем уголке бумаги резолюцию и нажал кнопку, вызывая секретаря.

На звонок никто не пришел.

Самохвалов отложил бумагу в сторону и, не закрывая папки с почтой, посмотрел на Лелюшенко, собираясь начать с ним разговор, но в это время вошел с бумагой начальник планового отдела и остановился у стола.

— Садись. Что у тебя? — спросил Самохвалов.

Плановик начал докладывать.

Вошел другой сотрудник, и Самохвалов занялся с ним, сказав плановику:

— Посиди, я сейчас.

Через несколько минут пришел инженер из соседнего главка с проектом приказа министра.

— Свои подождут, а гостям честь и место,— полувесело приветствовал его Самохвалов, усадил инженера и погрузился в чтение проекта. Первых двух сотрудников он при этом не отпустил.

Пока он читал, зашли еще два начальника отдела. Подняв глаза, Самохвалов каждому из них сказал: «Посиди»,— а сам продолжал читать. Временами он вступал с инженером в спор. Ожидавшие от нечего делать завязали вполголоса разговоры. Стало шумно.

Вошла женщина в белом халате. Она несла поднос с завтраком, аккуратно накрытым свежей салфеткой.

— Андрей Иванович, может, мне позднее зайти? — спросил плановик.

— Нет, подожди,— ответил Самохвалов,— твой вопрос нужно срочно решить.

Зазвонил телефон. Начальник главка взял трубку. Говорил он долго. Потом зазвонил второй телефон. Извинившись в первую трубку, Самохвалов взял вторую. Затянулся и этот разговор. Первая трубка сначала терпеливо лежала на столе начальника, потом стала хрипеть, и, наконец, в ней запели гудки.

А в кабинет входили все новые люди. Иные, махнув рукой, сразу поворачивали назад. Другие смело подходили к столу и, как будто никого другого не было, заводили с Самохваловым разговор и давали ему на подпись бумаги.

Часто Самохвалов упоминал имя заместителя министра.

«Этого я Николаю Васильевичу докладывать не буду,— говорил он.— Не знаю, как на это посмотрит Николай Васильевич... Перепечатайте это письмо — Николаю Васильевичу надо почище»...

Ждать было томительно. От нечего делать Лелюшенко поглядывал в плотно закрытое окно, за которым бушевала непогода. Лил дождь, тротуары были темны от воды и пустынны. Осенний ветер налетал долгими порывами, и тогда деревья на бульваре точно бросались бежать, теряя порыжелые листья. Дождевой туман прикрывал дома и крыши; казалось, что город кончается где-то совсем близко. И только далекий контур высотного здания, отчетливо заметный в тумане, напоминал о том, как велика Москва.

«Почему он допускает такую невозможную обстановку?» — с досадой спрашивал себя архитектор. И ему приходила в голову догадка, что именно эту сутолоку, эти столкновения срочных дел и телефонных звонков Самохвалов считает обязательным свойством работы хорошего начальника.

— Как! Дом науки к первому октября? И речи не может быть! В будущем году проект закончен не будет. Вы представляете себе объем работ? — говорил Самохвалов инженеру из соседнего главка.

— Нельзя,— возражал тот.— Есть резолюция министра: «К первому октября». Вот, читайте.

Внимательно взглянув на бумагу, где несколько слов были написаны рукой министра, Самохвалов быстро переключился.

— А в какой срок вы дадите плановое задание? — озабоченно спросил он.— В месячный? Нет, это не выйдет! Проектировать будет он.— Самохвалов кивнул в сторону Лелюшенко.—

Copyrighted material

Это лучший наш институт. Но уж пожалуйте им задание немедленно! В десятидневный срок! Иначе они не уложатся. Верно я говорю? — обратился он к Лелюшенко.

— Нас бы устроил месячный срок,— сказал архитектор.

Инженер из соседнего главка улыбнулся.

Самохвалов быстро и выразительно взглянул на Лелюшенко и, повернувшись к инженеру, шумно заговорил о том, что его все подводят, а потом отвечать приходится ему одному. В конце концов он все же настоял на десятидневном сроке.

Когда инженер ушел, Самохвалов напустился на Лелюшенко:

— Ты, как ребенок, честное слово! Разве можно так соглашаться? А если вы не уложитесь?

— Уложиться можно.

Самохвалов с досадой опустил руки на ручки кресла. Светлые глаза его выражали сердитое недоумение и вместе с тем некоторое утомление. «Разъясняешь, вдалбливаешь — и все-таки не понимают люди»,— говорил этот взгляд.

— А если не уложитесь? — резко спросил он.— Ведь тогда на нас всех собак повесят. Полетят письма, жалобы: «Главпроект задержал», «Главпроект сорвал»! Вот я им и даю десять дней. Они, конечно, опоздают, и я сам на них буду жаловаться... Нет, ты рассуждаешь бесперспективно, совершенно не учитываешь обстановки. Придется с тобой отдельно толковать. Обожди, вот я закончу с народом...

Через полтора часа начальник главка «закончил с народом» и устало вздохнул.

— Обстановочка, я тебе скажу! — сказал он и, сидя в кресле, с хрустом потянулся.— Не работа, а какой-то пожар.

— У вас завтрак, наверно, совсем остыл,— сказал Лелюшенко.

Самохвалов досадливо махнул рукой с видом человека, который никогда не займется едой, не покончив с делом. Искоса взглянув на маленький столик, где стоял поднос с завтраком, он закурил и тепло посмотрел на архитектора. Этим он давал понять, что хочет несколько минут посвятить неофициальному, товарищескому разговору и, следовательно, нисколько не сердится на строптивость Лелюшенко. Не желая слыть сухарем, Самохвалов с некоторыми наиболее видными подчиненными позволял себе такие минуты.

— Вот такие дела,— сказал он, облокачиваясь на стол и дымя вверх.— Вы там кропаете, мы за вас да еще за непочтение родителям отдуваемся, а в основном все как-то бесперспективно. С удовольствием бы перебрался из этого ада, скажем, к тебе и сел бы за доску. Возьмешь меня?

Лелюшенко усмехнулся.

— Да, брат, это, конечно, все мечты,— продолжал Самохвалов, улыбаясь одними губами,— но ведь, коснись дела, ты меня не взял бы. Ей богу, не взял бы! Мол, как со мной быть? Маленького оклада мне не дашь, а от дела от нашего я, что греха таить, сильно поотстал. Тут ведь у нас забудешь, как отца с матерью звали... Да,— он оживился,— интересно выразился тут у меня один инженер. Я пробрал его за что-то. Что же вы, говорю, десять строчек написали и не так? А он отвечает: «Андрей Иванович, писать строчки труднее, чем писать на уголках». А? Ты понимаешь? Остроумно! Значит, подчиненный делает дело, пишет пояснительные записки, расчеты к проектам, заключения, то есть самое содержание, а начальство накладывает резолюции — пишет на уголках. Я и подумал тогда: на уголках-то у меня получается, а вот насчет строчек теперь уж вряд ли.

Самохвалов засмеялся. Лицо его от смеха неожиданно помолодело, блеснули зубы, насмешливо сощурились глаза, и стало незаметно, что они навыкате. Он точно вновь на минуту стал студентом, душой общества, веселым заводилой.

Остроумие начальника понравилось Лелюшенко, и он тоже засмеялся.

«Кажется, началось хорошо,— подумал он.— Наверное, согласится».

Самохвалов всему знал меру. Вдавив окурок в пепельницу, точно давая этим знать, что переходит к деловой части разговора, он сказал с суховатым благодушием строгого, но терпеливого начальника:

— Ну, выкладывай свои дела. Значит, утвердили твой проект?

Лелюшенко решил, что можно действовать прямо.

— Утвердить-то утвердили,— ответил он,— но... Дело вот в чем... Вы ведь были на активе, когда нас ругали за экономические показатели?

— А, по-моему, ты меня там видел,— внушительно ответил Самохвалов.

Архитектор коротко изложил суть дела.

Да, его, Лелюшенко, критиковали на активе за высокую стоимость квадратного метра. Да, он, Лелюшенко, был настолько необъективен, что тогда выступил, как обиженный мальчик. Доказывал с пеной у рта, что удешевить здание нельзя. А потом у себя разобрался, подумал, посоветовался — и вот... появилась небольшая идея.

Лелюшенко торопливо вытащил из своей папки и развернул перед Самохваловым чертеж.

— Взгляните. Если передвинуть лестничную клетку вот сюда,— он бегло показал карандашом очерченные места,— то можно дать вот такую более удачную планировку...— Он подробно объяснил, в чем дело, быстро водя по чертежу карандашом.— В результате,— продолжал архитектор,— жилая площадь в каждом этаже увеличивается за счет нежилой на тридцать два метра... А всего по зданию, следовательно, на триста двадцать. И это почти без добавочных затрат. Значит, экономия составит против утвержденной сметы почти полмиллиона...

Самохвалов слушал, рассеянно глядя на чертеж, сохраняя все тот же полублагодушный, полустрогий вид. Уловив после слова «полмиллиона» паузу, он поднял глаза и точно впервые увидел обращенное к нему лицо архитектора.

Это простое лицо с округлым подбородком, крутым лбом и светлыми, даже на вид мягкими волосами с проседью выражало детски-искренний интерес к разговору. В этом лице, с резкими тенями усталости, в теплых карих глазах было такое напряженное ожидание ответа, одобрения, решения — именно сейчас, сию минуту! — что с Самохвалова мигом слетели рассеянность и благодушие.

Бегло взглянув на чертеж еще раз, но уже другим, деловым взглядом, он тотчас же спохватился, что речь идет о неприятном деле — изменении уже готовых чертежей.

— Никаких изменений я не допущу,— негромко, но внятно сказал он.

— Откровенно говоря, Андрей Иваныч,— виноватым тоном ответил Лелюшенко,— мне и самому не хотелось бы идти на это. В следующий раз постараемся все заранее учесть, но теперь-то как быть? Ведь дело-то живое... Добавляется триста двадцать метров, при тех же затратах, то есть набегает экономия...

— Никаких изменений! — тем же тоном перебил его Самохвалов и вдруг вскипел.— Где же вы раньше были? Не понимаю, абсолютно не понимаю! Солидная организация, солидные люди, представляете проект, добиваетесь утверждения, но достаточно выступить на активе какому-то мальчишке, и все лапки кверху (он поднял руки со смиренно опущенными кистями) и уже согласны (он, точно китайская игрушка, покивал головой). А этот мальчишка ничего в строительстве не понимает!..

Самохвалов вдруг уставился в одну точку. Шея его точно немного вытянулась, рот сузился. Он заговорил тенором, произнося «фунтаменты» вместо «фундаменты» и «шлаки-блоки» вместо «шлакоблоки». Получалась довольно верная и смешная копия молодого плановика, выступавшего недавно на партийном активе с критикой проекта Лелюшенко.

Архитектор неожиданно для себя рассердился.

— Не понимаю, к чему вы это, Андрей Иваныч,— заговорил он, подавляя в себе желание сказать резкость.— Плановик этот прав. Я с ним теперь полностью согласен... И ничего в этом плохого не вижу...

Самохвалов, встретившись глазами с архитектором, замолчал и снова взялся за папиросы.

— Короче говоря, ничего менять не позволю,— сказал он после паузы.— Меня главстроевцы на всех совещаниях поедом едят. Ведь их тоже можно понять: чертежи-то нужны. Им строить надо!

— Так пусть они, голубчики, строят,— ответил архитектор. Для большей убедительности он говорил теперь негромко и ласково, с украинской напевной интонацией, появлявшейся у него всегда в минуты волнения.— Пусть строят! Ведь они начнут вторую секцию не раньше чем через месяц. Они и сами это признают. А нам на всю переделку вместе с переутверждением хватит трех недель... Даже того меньше... Мы их не задержим ни на минуту, головой ручаюсь...

Архитектор не сводил глаз с Самохвалова. Он уже почти видел, как начальник не находит ответа, чуть задумывается, затем переспрашивает, точно плохо расслышал, и, наконец, говорит со вздохом: «Ну, что ж с тобой делать! Давай!»

Но Самохвалов не колебался ни минуты.

— Скажи, пожалуйста...— начал он с иронической вкрадчивостью в голосе и вдруг, резко переменив тон, продолжал, с силой подчеркивая каждое слово: — Тебя приказы министра касаются? Ты знаешь, как смотрит руководство министерства на наши бесконечные изменения чертежей? Ведь это же наш брак, типичный производственный брак! И государству он обходится недешево...

Говоря это, Самохвалов собирался закурить. Он держал в руке незажженную папиросу и ждал паузы в собственной речи, чтобы чиркнуть спичкой и затянуться. Следя за его уверенными движениями, Лелюшенко со страхом подумал, что, если сейчас же он не найдет какие-то другие, особенно веские слова, его дело проиграно.

— Строителей мы задерживаем — раз! — взмахивал папиросой Самохвалов.— Из-за наших переделок появляются бросовые затраты — это два. А расплачивается за все кто? — Он закурил, выпустил дым и продолжал: — Государство. Государственный карман за все в ответе. Что ж удивительного, что министр дал приказ запретить переделки утвержденных чертежей? Хоть мне и досталось в этом приказе, а я должен признать: приказ правильный! Пора кончать с таким безобразием...

Самохвалова прервал звонок.

Пока он говорил по телефону, Лелюшенко напряженно собирался с мыслями.

Copyrighted material

Было понятно, что начальник слушает только себя, с его, Лелюшенко, доводами не считается и, видимо, уже твердо решил отказать.

И от того, что ясное и, бесспорно, полезное предложение стало в разговоре с Самохваловым выглядеть, как нехорошее и опасное, от того, что счастливая возможность исправить проект теперь из-за упрямства начальника пропадала, Лелюшенко почувствовал, как в нем закипает то знакомое чувство гнева, в каком он мог хладнокровным тоном кому угодно сказать любую правду.

Но он все еще старался сдержаться.

— Андрей Иванович,— заговорил архитектор попрежнему негромко и с той же вразумительной интонацией.— Вы только будьте ласковы, объясните мне, какое отношение имеют ваши слова к данному случаю. Какие у меня бесконечные переделки? За три года ни одной. Эта первая. Вы толкуете о потерях, бросовых затратах, а я же вам докладываю: никаких потерь мое предложение не вызовет... Я понятно говорю? Никаких. От него только выгода. В чем же дело? Нет, вы мне, пожалуйста, объясните, в чем дело?!

— В том дело,— прищурил глаза Самохвалов,— что теперь по вашей милости за разрешением изменить чертежи я должен идти к Николаю Васильевичу. А я не пойду к нему с этим вопросом. Мне надоело получать за вас попреки и замечания. Понятно? И вообще я вас, проектировщиков, прекрасно знаю. Вы будете без конца мусолить каждый чертеж, пока его у вас не отнимешь. Короче говоря, я считаю вопрос исчерпанным.

«Малой, та злой!» — словами украинской поговорки подумал Лелюшенко, глядя в прищуренные глаза Самохвалова. И хотя начальник был не маленьким по росту, а, наоборот, крупным мужчиной, поговорка не показалась архитектору неподходящей.

И почему-то вспомнилось, как недавно заместитель министра, встретив его, Лелюшенко, крепко жал ему руку и спрашивал: «Ну, что у вас новенького, Владимир Платонович? Как творите? Чем-то нас порадуете?» Тогда архитектор, надо признать, немного смутился, а теперь он с недобрым удовольствием подумал, что вот ему, Самохвалову, никогда не услышать таких слов от уважаемого человека.

Потеряв интерес к разговору, Самохвалов вновь занялся той самой бумагой, которую он читал, когда вошел архитектор. Вызвав секретаря, он объяснил, что делать с этой бумагой. Из этого Лелюшенко должен был сделать вывод, что ему пора уходить. Вошел с бумагами начальник отдела кадров. Ему было сказано обычное: «Посиди» — и добавлено: «Я сейчас освобожусь».

Резким движением архитектор стянул со стола свой чертеж и, с шумом складывая его, спросил хрипнущим голосом:

— Значит, отказано?

— Категорически,— отрубил ладонью Самохвалов.— Как говорил один шахматист, эту ошибку вы исправите в следующей партии.

— Я пойду к заместителю министра,— сказал Лелюшенко, слишком тщательно укладывая чертеж в папку.

— Это ты можешь. Только не советую зря время терять. Дело бесперспективное... А впрочем,— добавил Самохвалов, внимательно взглянув архитектору в лицо,— оставь материал у меня, мы еще раз его посмотрим, посоветуемся.

— И замаринуете!.. Нет, не оставлю. Бывайте здоровы.

— Владимир Платонович,— остановил архитектора кадровик,— вам ведь в отпуск пора... Так вот, сейчас звонили из хозяйственного управления. Один товарищ заболел и сдал путевку в Сочи, прямо с билетом. Посмотрите, быть может, вас устроит? Тогда попросим Андрея Иваныча насчет отпуска.

— Да, да,— вмешался Самохвалов,— ты же в отпуск собирался. Какие же тут переделки чертежей? Ведь пока не сдашь последнего чертежа, мы же тебя отпустить не сможем. А через месяц начнется проект Дома науки. Чего доброго, ежели не сейчас, ты можешь и вовсе не уехать. Бери эту путевку да поезжай.

Лелюшенко зло посмотрел Самохвалову в глаза.

— Благодарю, Андрей Иваныч, за внимание к человеку. Очень тронут... Но... уж если кому и нужно срочно в отпуск, то прежде всего вам... И, по-моему,— в длительный. Эх, Андрей Иваныч,— почти задушевным тоном продолжал архитектор, вдруг переходя на «ты»,— тебе, может, действительно надо перебраться ко мне за доску или куда-нибудь на стройку... Полезно было бы, весьма полезно. К жизни ближе...

И, резко толкнув дверь, Лелюшенко вышел.

— Чудак,— сказал ему вслед Самохвалов и немного помолчал.

Он не любил решений, вызывающих обиды и жалобы.

И сейчас он почти не сердился на Лелюшенко, а думал только о том, пойдет ли тот жаловаться. Привыкнув делить всех людей на «опасных» и «неопасных», он относил Лелюшенко, вечно занятого работой, к последним. Однако архитектор на этот раз был недоволен до крайности, а в недовольстве Самохвалов всегда видел нечто опасное. Когда архитектор настаивал на своем, Самохвалов был уверен, что следует отказать. После его ухода он заколебался.

— Чудак,— еще раз задумчиво повторил он и неожиданно добавил: — А ведь предложение-то его неплохое...

— Да, соль в его постановке вопроса есть,— подтвердил начальник отдела, стараясь угадать, о чем шла речь.

— Неплохое,— сказал Самохвалов.— Комнаты будут больше, просторней. Ведь это для людей. Люди наши будут лучше жить. Есть, правда, такой путь,— продолжал он, точно думая вслух.— Подрядчика не предупреждать, переделать чертежи и потом заменить... Мы бы вполне успели. Да ведь беда в том, что строители отстают от графика. А у них излюбленная привычка кивать на нас: вот, мол, когда чертежи получили. И опять я останусь виноватым.

Он вздохнул и тяжело поднялся с места.

— Ну, вот что... Ты докладывай, а я совмещу приятное с полезным — закушу,— сказал он и, разминаясь на ходу после долгого сидения, перешел к маленькому столику. В присутствии Лелюшенко ему почему-то неудобно было закусывать, кадровик же ему не мешал.

* * *

В этот день было особенно много бумаг.

Подписав последнее письмо, Самохвалов устало потянулся и задумался.

Пора было собираться домой, но он не спешил.

Ему хотелось позвонить заместителю министра или даже самому министру.

Но, как на грех, в этот раз подходящего повода для разговора не было.

Телефон прямой связи вдруг зазвонил, и Самохвалов торопливо взял трубку.

Он узнал голос заместителя министра, но по некоторым хорошо известным Самохвалову признакам (вместо «Здравствуй, Андрей Иваныч» было сухой скороговоркой сказано просто «Здравствуй») сразу понял, что им недовольны. И почему-то мгновенно вспомнил о Лелюшенко.

Речь действительно шла о нем.

— Николай Васильевич,— обиженно басил Самохвалов к концу разговора,— нельзя же так! Вы меня постоянно под удар ставите. Вы всегда говорите: то нужно, это нужно,— а все шишки валятся на меня. Кого бьют за задержки и изменения чертежей? Самохвалова. А что я могу сделать, когда вот такие, как Лелюшенко, меня подводят?.. И сами же бегают, жалуются... И вообще, Николай Васильевич, почему, собственно, он жалуется? Ведь он только сегодня был у меня, и я ему, по существу, не отказал. Я должен разобраться, Николай Васильевич. Ведь это не простой вопрос. Имею я право в нем разобраться?..

Положив трубку, начальник главка несколько минут сидел, не двигаясь. Затем, вынув из кармана пакетик с бехтеревскими таблетками, принял две сразу и запил водой.

Он был взволнован и почти оскорблен поступком Лелюшенко.

Самохвалов хорошо помнил, что после ухода архитектора он готов был согласиться с ним. Он даже сказал об этом начальнику отдела кадров.

Жалоба архитектора казалась ему злым капризом или, хуже того, признаком скрытой ненависти к нему, Самохвалову. Узнать, что его подчиненный и к тому же однокашник Лелюшенко способен на такой скверный поступок, начальнику было тяжело и обидно. И ему думалось, что всему причиной его мягкосердечие, что надо быть построже и что Лелюшенко придется приструнить.

А обиднее всего было, что не он, Самохвалов, собаку съевший в делах, а неопытный Лелюшенко угадал точку зрения заместителя министра. И что́ бы ему, Самохвалову, было поддержать архитектора, пойти с ним вместе к Николаю Васильевичу! Грубовато-деловым тоном можно было сказать: «Вот в чем дело, Николай Васильевич... Как правило, мы против изменений, но ведь дело-то живое! В рамках самой лучшей бумаги его не удержишь... В общем, я за предложение Лелюшенко». И получил бы одобрение.

А ведь в последнее время в министерстве все чаще бывают им, Самохваловым, недовольны и даже несколько раз выбранили его на совещаниях. И все за формализм, за бумажный подход. И теперь этот Лелюшенко подлил горючего в огонь. Черт его принес с этим живым делом!

Самохвалов почувствовал, что сильно утомлен, поднялся с места, захлопнул форточку, оделся и вышел.

В длинном коридоре было полутемно и пустынно. Начальник главка уходил с работы одним из последних.

Он был так расстроен, что даже вахтер, стоявший у выхода, обратил внимание на его болезненный вид. Самохвалов был бледен, сутулился, а его белый шарф, высоко вылезавший из-под воротника пальто, был похож на повязку раненого.

Copyrighted material

Навстречу будущему

Багровая тьма нависла над тощими, выгоревшими хлебами. Мрачные отблески далеких пожарищ озаряют пустынные, иссохшие поля.

«Жгут и жгут... все бар жгут...» — невнятно и оторопело бормочет обездоленный, голодный, вконец измученный жизнью мужик-батрак. — «Лихая бяда... везде бяда...»

Этой картиной открывается новая повесть Ф. Гладкова «Лихая година».

Будучи вполне законченным, самостоятельным литературным произведением, «Лихая година» завершает собою большой труд — созданную Ф. Гладковым трилогию о предреволюционной русской деревне.

Главные, наиболее примечательные черты трилогии — цельность, правдивость, историчность.

Захваченный судьбами героев, читатель неотрывно, пристально наблюдает, как меняется, ломается, претерпевает коренные изменения весь уклад жизни, быт, нравы, миросозерцание трудового крестьянства пореформенной поры. Вначале, в «Повести о детстве», оно совсем еще не знает, не видит, как избавиться от жестоких тягот полунищенского, темного, кабального существования. «Вольница» по-своему еще резче подчеркивает невыносимые физические и нравственные страдания крестьян. В «Лихой године» их жизнь становится как будто еще более безвыходной, страшной...

«С утра до ночи брели, как больные, по улицам сторонние голодающие. Они подходили к каждой избе, стонали и ныли перед окнами. Одни были худые до жути, словно мертвая кожа присохла к костям, другие едва шагали, опухшие, синие, и тупо молчали, только с натугой протягивали руки... детишки не плакали, а тоже казались полумертвыми, словно разбухли от водянки. В открытых окошках чернела пустота, а если и выглядывали старик или баба, то безмолвно отмахивались от проходящих или показывали черный, как вар-смола, комок и скорбно трясли головами. Потом караульщикам на околицах было приказано не пускать голодающих в село, и они брели по полям и, как саранча, поедали пустые колосья. Говорили, что мертвецы лежали по дорогам и межам и их закапывали на месте...

Так встретила нас деревня в это страшное лето».

Большой и светлый талант художника надо иметь для того, чтобы читатель поверил: это страшное, гнетущее лето, эта мрачная деревня таят в себе грозное предвестье неумолимо назревающих событий первой русской революции! Вот-вот взорвется невиданной, неслыханной еще в России бурей застывшая в избах горестная тишина, угрюмая тревога мужиков... Пройдя через все тяжкие испытания «лихой годины», они в конце концов «...научатся разбирать, как давать отпор самым жестоким грабителям, как требовать дружно облегчения и как надо готовиться исподволь, стойко и повсюду к великой битве за свободу».

Эти вещие ленинские слова, написанные в 1903 году, невольно припоминаются, когда следишь за ростом самосознания народа — многоликого героя повести и всей трилогии Ф. Гладкова в целом.

Художник создал целую галерею выразительных крестьянских образов. Меняющееся содержание жизни народа, жизни русской деревни накладывает на каждый из них свои неповторимые черты. Строго придерживаясь исторической правды, писатель отнюдь не забегает вперед, не стремится приукрасить своих героев не свойственным им еще пониманием задач и целей классовой борьбы. Реалистически, точно воссоздавая действительность, автор убедительно показывает, что глухой протест отдельных бунтарей-одиночек, характерный для «Повести о детстве», становится в «Лихой године» неудержимым движением народных масс.

Яркой, живой вереницей проходят перед нами герои повествования, развертывается их жизнь. Казалось бы, какой узкий, тесный, мрачный мирок описывает Ф. Гладков! Однако высота мировоззрения писателя дает ему возможность говорить о страшном прошлом народа с глубокой человеческой болью, но без пессимизма, с верой в людей, идущих непроторенными путями навстречу будущему... Поэтому-то и облик этих людей, их переживания, взаимоотношения, непрекращающаяся острая борьба воспринимаются в плане больших исторических и социальных обобщений.

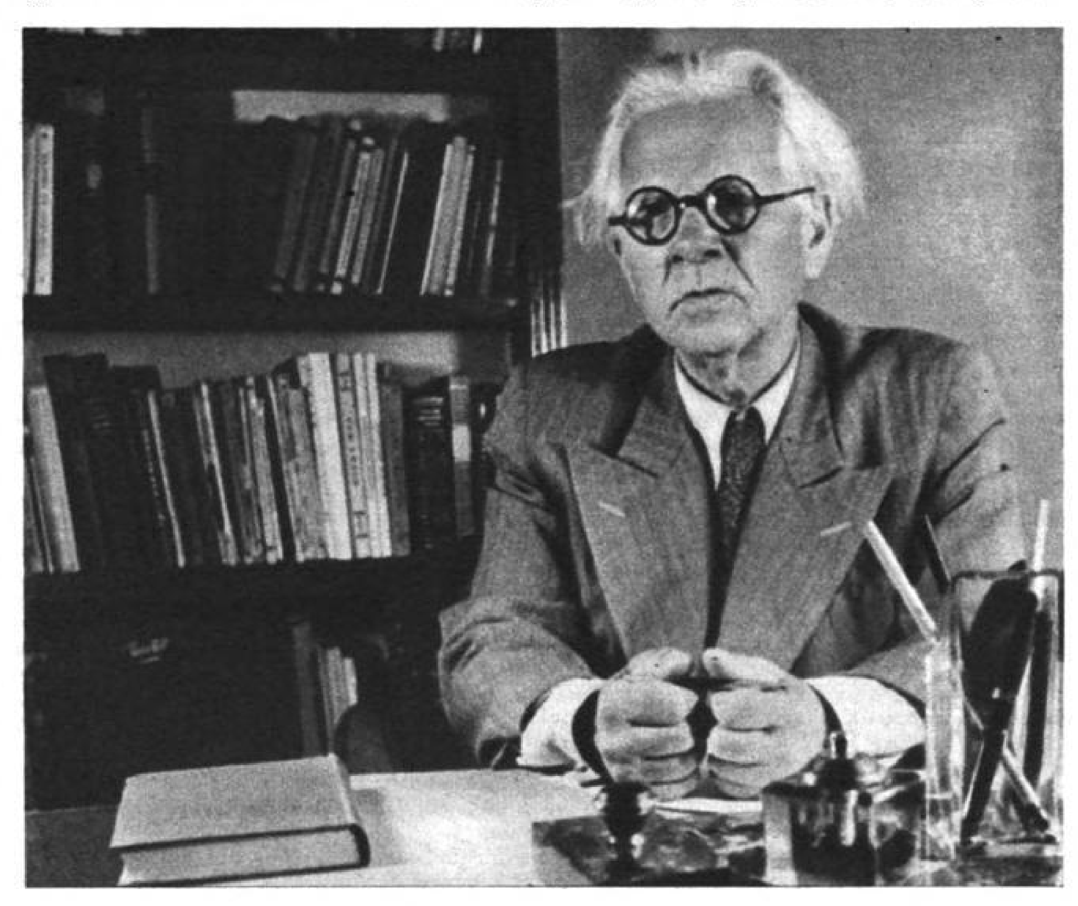
В год бедствий — неурожая, голода, холерной эпидемии — первым человеком на селе становится Тихон-кожемяка — скромный, привлекательный, наделенный богатырской силой человек. Его тоже не обошли сторонкой житейские несчастья, но он ходит по селу, «не сутулясь, не уткнув бороду в грудь,— а с солдатской выправкой, по-гвардейски. И всем, кто смотрел на него из окон, казалось, что он как будто повеселел некстати».

Гордое сознание своей правоты и силы Тихон щедро дарит людям, и вокруг него все теснее сбиваются молодые мужики и парни. К нему неудержимо льнет и Федя — главный герой повествования — со своими товарищами, деревенскими подростками, пытливо ищущими вокруг себя ответа на волнующие их, самые больные вопросы жизни.

Молодая учительница Елена Григорьевна и ее жених студент Антон Макарыч, профессиональный революционер,— вот кто будит сознание новых, молодых сил деревни, освещает дорогу вперед своей мыслью, верой, знаниями. С бесконечной любовью, какими-то удивительно чистыми красками выписаны автором образы этих бесстрашных и бескорыстных людей, показан великий подвиг их жизни. Ф. Гладков передает моральную красоту, неистощимое душевное богатство своих героев во всех их поступках, словах, жестах. По-настоящему трогательна сцена, в которой Федя рассказывает Елене Григорьевне, что он выучил грамоте свою мать. Радостно изумленная, счастливая девушка советует подростку: «Ищи свою дорогу в жизни, не падая духом. А искать надо упорно. Людям служи, но не будь прислугой...»

«Я уже никогда не забывал этой неповторимой минуты: она ярко зажгла неугасимую искру в душе,— говорится далее в книге.— С этой искрой я и шел по тернистому моему пути».

Искра в душе, пронесенная нашим старейшим русским писателем сквозь всю жизнь,— искра большой человеческой доброты, правды,— освещает своим мягким и теплым сиянием многие образы трилогии Ф. Гладкова. Словно пронизанный лучами этого трепетного света, проходит из книги в книгу нежный, проникновенный, глубоко поэтический образ Насти — Фединой матери. Вначале забитая, поникшая, словно надломленный, полузавядший полевой цветок, она постепенно оживает, распрямляется, поднимает голову, пытаясь заглянуть вдаль и увидеть свою дорогу... Несмотря на весь ужас окружающей жизни, в настином сердце, не угасая, теплится — пусть еще робкая и неясная — надежда на иную, светлую долю...

Ф. ГЛАДКОВ.

Фото С. Фридлянда.

С хорошей патриотической гордостью за свой народ лепит Ф. Гладков поистине величественный образ мудрой, отзывчивой, деятельной Паруши. Душевная ясность, незамутненность, любовь к труду, к людям, роднящие Парушу с Настей, сочетаются в характере Паруши с твердой, непреклонной волей.

Ярко, с большим художественным разнообразием воплощены Ф. Гладковым и образы «лиходеев»: кулаков Сергея Ивагина, Максима Сусина, Татьяны Стодневой, попа «отца Ивана» — и других мучителей деревни.

Беспощадно разоблачает писатель народника «Мил Милыча», пытающегося призвать озлобленных, отчаявшихся, измученных людей предреволюционной деревни жертвовать собою «за крестьянскую общину».

Нет больше общины в российской деревне,— неопровержимо утверждает писатель всей логикой развития созданных им образов. В деревню, во всю Россию идет «большущая смута»: «драка огромадная будет».

Эти знаменательные слова произносит в конце повести рабочий, который увозит из деревни Настю и Федю.

Последние страницы повести дочитываешь с чувством большой благодарности к автору, показавшему с достоверностью очевидца сложную и трудную пору существования народа.

Правда, та же достоверность очевидца, несомненно, подсказавшая Ф. Гладкову множество точных, метких, правдивых деталей, иногда приводит его к сюжетным повторам, к перегрузке композиции. Но эти отдельные недочеты не мешают восприятию общей широкой и яркой картины жизни русской деревни, еще ощупью, но все решительнее идущей к революции.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Ф. Гладков. Лихая година. Повесть. «Новый мир», 1954.

Copyrighted material

В нефтяном лагере

Рассказ

Артуро КРОСЕ

Рисунки Г. Филипповского.

Артуро Кросе — прогрессивный венесуэльский писатель, поэт и журналист. Литературную деятельность начал в 1930 году в столице Венесуэлы городе Каракасе, затем работал в газетах западного района страны, где находятся крупнейшие нефтепромыслы.

Здесь, в нефтяных лагерях, а также в Соединенных Штатах, где Артуро Кросе кончал высшее учебное заведение, он имел возможность наблюдать американского бизнесмена во всех проявлениях его грубой силы и бесчеловечности. Эти наблюдения и уверенность в том, что венесуэльская нефть должна и будет принадлежать венесуэльцам, нашли отражение в рассказе «В нефтяном лагере».

К числу лучших поэтических произведений автора относится поэма, посвященная В. И. Ленину, — «Мавзолей Ленина».

Артуро Кросе был членом Венесуэло-Советского Культурного Института в Каракасе вплоть до разгрома этого института венесуэльской реакцией после разрыва дипломатических отношений между Советским Союзом и Венесуэлой.

Из зарослей кустарника донесся ветер, который высвистывал:

— Чуииииииииииио...

С озера долетело завывание бриза:

— Уууууууууууу...

В крайней хижине поселка нефтяного лагеря жалкий детский голосок выводил:

— Ааа, аааа!..

Было — мало сказать, жарко — убийственно жарко. С юго-восточной стороны озера Какивакоас поднимались смертоносные испарения. В воздухе висел тяжелый зной. Шли проливные дожди. От болот летели тучи москитов, тревожили и без того неровный сон людей.

В хижине жил Хосе Антонио, метис из Анд, говоривший по-испански лучше, чем другие рабочие, и вышучиваемый ими за свое пограничное произношение. С ним жила его дочь, Эльба Роса — высокая грудь, выточенные как из камня бедра, омут нежности в черных глазах.

С недавних пор к удовольствиям и неприятностям домашнего очага прибавился визг отвратительного мальчишки:

— Ааа, аааа!..

Мальчишка не свалился с неба. Его появление было связано с Северной Америкой, куда утекает нефть, наполняющая чрево этой земли, где москит тянет свою песню:

— Уиииииииииии...

Жилища вытянулись в ряд вдоль единственной в поселке проселочной дороги.

Знойным вечером, как всегда в день получки, рабочие вернулись домой раньше. В их числе пришли Хосе Антонио и Хуан Пабло, корианец[1]. Андиец и корианец были старыми друзьями. Гражданские войны, ушедшие в прошлое, — тема их разговоров. Кроме того сейчас их связывала необыкновенная женщина, манящая, как манят окутанные холодными облаками горные выси, когда земля горит, словно готовый извергнуться вулкан.

* * *

Хуан Пабло был из тех рабочих, что привыкли смотреть на вещи прямо. Когда в нем пробудилась любовь к Эльбе Росе, он понял, что не может тягаться с «мусью» Робертом, североамериканцем. Дочь Хосе Антонио, девушка простодушная, унаследовала практическую жилку отца. Метис-андиец, обуреваемый смертельной ненавистью, звавшей его отомстить ненавистному «мусью», поддался чувству нежности, появившемуся с рождением внука, почти блондина. Хуан Пабло, с погрустневшим взглядом, продолжал носить в глубине души любовь к Эльбе Росе и даже с некоторым умилением прислушивался к жалкому крику:

— Ааа, аааа!..

Покинув родную область, страдавшую от солнца и засух, корианец старался забыть прошлое и брал что можно от жизни в нефтяном лагере. Не много зарабатывал он своим тяжелым трудом, хотя и жил лучше, чем там, вблизи песчаных отмелей. Он часто задумывался о своем положении, сравнивая свою жизнь с жизнью иностранцев из нефтяных компаний. Видя это, Антонио как-то сказал Хуану:

— Разумно ли отнимать силой что-либо у этих людей? Без науки и без денег не возведешь вышки и не прощупаешь, что у земли внутри. — Андийцу, человеку справедливому, хотя и умевшему приноравливаться к обстоятельствам, было нелегко сказать такое, поэтому он тут же воскликнул: — Хотя, правда, Хуан Пабло, я понимаю, во всяком случае, они могли бы оставлять нам немного больше из того, что забирают у нас!

После этого разговора корианец стал со вниманием присматриваться к работе инженеров и старших служащих. У него родилось горячее желание научиться, постигнуть практикой хоть немногое из того, что далось этим иностранцам после нескольких лет серьезного ученья. Своими мыслями он заинтересовал и других рабочих лагеря.

«Мусью» Роберт не возбуждал в нем слепой ненависти, которая лишает рассудка. То, что произошло с Эльбой Росой, было причиной досады и обиды, но не глубокой ненависти. Американец добился женщины раньше, чем он, только и всего. Теперь Хуан Пабло начал смотреть на чужака со злобой, происходящей от сознания бессилия, не зависти, а именно сознания собственной неполноценности.

Это началось в тот день, когда американец вторгся в его беседу с рабочими и помешал корианцу изложить товарищам свои соображения. Хуан Пабло говорил о том, что нужно потребовать от правительства и от компаний более свободного допуска рабочих-венесуэльцев к квалифицированному труду при добыче черного золота. «Мусью» Роберт пригрозил увольнением из бригады нескольких рабочих. Хуан Пабло запомнил эту угрозу.

---

[1] Уроженец Коро, главного города штата Фалькон, на северо-западе Венесуэлы.

Copyrighted material

* * *

С утра рабочие начали собираться у нефтяных скважин. Слух ловит голоса команды, спокойный взгляд устремлен на красные крыши лагеря, руки в действии.

— Я уверен, что научусь рассчитывать это,— твердо заявил Хуан Пабло, обращаясь к Хосе Антонио.

— Верю, что так; и не только рассчитывать, но и открывать то, что скрывается там, под землей.

Работавшие рядом слышали разговор и одобряли настойчивое желание Хуана Пабло. Заметив приближение хозяина или надсмотрщика, все умолкали и углублялись в работу.

Корианец не отличался скромностью. Он совал нос во все, что делали инженеры. Желание знать было сокровенным и страстным желанием почти всех рабочих, но Хуан Пабло был самым живым и решительным. Он верил, что мог бы делать все, что умели американцы. Часто его заставали рассматривающим инструменты, тяжелые брусья, стальные цепи, стропила вышек.

Прошло некоторое время с тех пор, как прибыли сюда иностранные компании и определили места добычи. Бесчисленные скважины и вышки зачернили окрестности, и здесь, как в крупных индустриальных центрах, стало необыкновенно шумно. Жизнь в портах забила ключом, и во многих карманах, которые раньше хранили не больше нескольких сентаво, появились большие деньги.

Все еще бурили скважины. На участках, принадлежащих концессиям, все время велись геологические исследования, и трубы продолжали погружаться в богатейшие земли. Когда на поверхности показывалась маслянистая грязь — признак близкого извержения нефти,— люди в азарте склонялись над отверстиями.

Сталь опускалась и с силой просверливала сердце земли. Каждый поворот долота рабочие ощущали, как рану в их собственном теле. Они радовались ране, потому что она давала деньги. Малая, очень малая часть предназначалась для рабочих, хотя все же у них были работа и деньги. Именно эти мысли не давали покоя Хуану Пабло, одному из людей с каменными мускулами, венесуэльцу, человеку труда и тяжких испытаний.

Понизив голос, андиец сказал:

— Посмотри, как мистер Роберт следит за тобой. Уверен, что причиной тому не Эльба Роса.

«Мусью» Роберт решительно приблизился к Хуану Пабло. В их отношениях уже было то, что делало невозможной их совместную работу. Американец знал, без сомнения, что корианец любил Эльбу Росу, но не это было для него важно. Если его что-нибудь и беспокоило, так это постоянный интерес венесуэльца ко всему, что делал он и другие иностранцы. Мистер Роберт считал этого смуглого человека одним из многих скотов, работающих под его началом.

У Хосе Антонио похолодело в груди. Он любил товарища искренней любовью рабочего и боялся, как бы необдуманный порыв Хуана Пабло не довел дело до потасовки. Андиец, не будучи трусом, был расчетлив. Корианец, более молодой, более честолюбивый, мог не сдержать своих чувств.

Жара обессиливала. Там и тут люди в шляпах и пробковых шлемах вытирали ладонями и платками обильный пот.

Американец подошел еще ближе. Быстро и зло взглянув на Хуана Пабло, бросил ему:

— Убирайтесь немедленно, как только вам заплатят!

От этих слов кровь бросилась в голову Хуана Пабло. Он, как кошка, прыгнул на американца и повалил его на землю. «Мусью» с воплем вскочил на ноги и прокричал в запальчивости, коверкая испанские слова:

— Вы будете иметь наказание за это, так и знайте!

Пока он шагал к своему дому, рабочие провожали его взглядами. Затем и они, смятенные, побрели к своим жилищам. Хуан Пабло шел, подняв голову, как человек, который плюет на неудачи. Хосе Антонио, переживая за товарища, шагал, понурившись.

В горячем воздухе стоял специфический запах нефтепромысла. С озера доносился слабый бриз. Вечер, как всегда в тропиках, быстро опускался на землю. Грязная, выжженная солнцем, прилипшая к телу одежда рабочих приняла землистый оттенок, как те небольшие холмы, что виднелись к северу от лагеря.

Тяжелое чувство не оставляло людей, когда они шагали к своим маленьким домишкам, никогда не знавшим комфорта жилищ американцев. Но, как и всегда, мало-помалу это чувство стало рассеиваться. Бриз охладил тела и души.

* * *

Ветер, дувший со стороны озера, проходил над крышами, завывая:

— Ууууууууууу...

Вечером в поселке лагеря царило беспокойство. В хижине Хосе Антонио собралось несколько рабочих. Хуан Пабло не унывал: его руки годны для любого дела, и он не боится встретиться с трудностями.

Слухи, передаваемые из хижины в хижину, подогревали оживление.

Бриз завывал все настойчивее. Ветер, прорывавшийся сквозь заросли кустарника, насвистывал:

— Чуииииииииииииииио...

С появлением рабочих, умывшихся и отдохнувших, дорога оживилась. В местном погребке, возвышавшемся на холме, близ озера, несколько женщин веселились со служащими компаний и с каким-то инженером, вливавшим в себя пиво, как в бочку. Владелец погребка, прозванный «трухильянцем»[1], блаженно ухмылялся.

Неподалеку от хижины андийца находилась закусочная, где сбывали рабочим водку и пиво. Хуан Пабло только что вернулся оттуда. Люди смотрели, как он прошел в глубину хижины, где Эльба Роса одевалась, готовясь идти в погребок на свидание с мистером Робертом. Она собиралась уже не с таким подъемом, как в былые дни, когда, кроме интереса к деньгам, ее влекла еще и любовь. Сейчас она испытывала усталость, но о ней приходилось забывать ради ребенка и ради денег, тяга к которым все еще подавляла в ней другие чувства.

Корианец почувствовал, что Эльба Роса охладела к «мусью» Роберту, и решил поговорить с ней:

— Мне не важно, что сделал мне этот человек. Может, так и лучше для меня. Пусть продолжают пользоваться всем нашим! Пусть сверлят, пусть сверлят и увозят нефть! Наша вина: не умеем делать ничего другого, только работаем для их кармана.

Девушка, всегда любившая Хуана Пабло, заговорила жалобно:

— Не говори этого, Хуан Пабло, они не так плохи, как о них думают. Мистер поступил не так дурно, чтобы без конца говорить об этом. Хватит с меня разговоров отца.

Корианец приблизился к ней:

— Эльба Роса, давай сделаем что-нибудь, чтобы было хорошо и нам и ребенку. Я знаю, ты не любишь «мусью», тебе нужны доллары.

Он не решился сразу предложить ей то, что внезапно пришло ему в голову. Нет, это недостойно честного человека, хотя это, пожалуй, лучшая возможность отомстить, выиграть женщину, начать новую жизнь и, возможно, стать на путь, ведущий к желанной цели.

Он придвинулся ближе и продолжал ласково:

— Я люблю тебя сильно, Эльба Роса. Мне и мальчишка нравится: ведь он твой сын. Уйдем отсюда, и если ты любишь меня, ты сделаешь то, что я тебе сейчас скажу.

Он остановился в нерешительности. Теплота его тела уже будила в женщине уснувшую страсть. Уже корианец чувствовал себя другим человеком, достигнув теперь, будучи почти побежденным, того, что искал столько времени: нежности женщины, которая должна была принадлежать ему, и никому больше, так как только ему открыла она свое истинное сердце, сострадательное и человечное.

Эльба Роса слушала. Хуан Пабло бросал опрометчивые слова так громко, что его могли слышать снаружи:

— Надо взять у него деньги, Эльба Роса. У этого «мусью» хватит денег, чтобы мы могли уехать работать в другое место. Это наше, и, клянусь тебе, нас не поймают, если мы умело скроемся!

Девушка трепетала от его прикосновения. Она осознала силу своего влечения к нему. Такого чувства она не испытывала никогда раньше. Трепещущая, она произнесла увлажненными губами:

— Я это сделаю, Хуан Пабло. Этот человек опротивел мне. Сегодня ночью он узнает, на что я гожусь!

Они хорошо понимали друг друга. Их взгляды складывались в одинаковых условиях жизни в нефтяном лагере, полной несбывшихся желаний и рухнувших надежд. Они решились на преступление. Его оправдывала их взаимная любовь и чистый взгляд ребенка, который как бы скрепил этот сговор своим криком:

— Ааа, аааа!..

На улице, у стен лачуг, пили мужчины. Женщины тянулись к погребку, где под порывами бриза, едва начавшего освежать разгоряченные лица, они будут смеяться в ответ на ищущие взгляды мужчин.

* * *

Портовый люд Маракайбо, Сейбы, Альтаграсии, жители Анд, Коро, Востока, льяносов. Население Севера и островов Карибского моря. Мужчины, женщины, нефть в скважинах и жилищах промысловых лагерей.

Сами себе судьи, эти люди, исполненные чувства долга, работают озлобленно, а иногда радостно, с тем коллективным воодушевлением добрых людей, в которых едва начинает пробуждаться классовое самосознание.

— Пей, друг! Что не убивает, от того толстеешь!

— За твое здоровье, брат!

Так поднимали они стаканы с водкой, внимательно выслушивая и тех, кого угощали, и тех, кто ставил угощение.

Работа сплачивала их. С работой в жизни появлялись стремления.

— Пока есть работа, мы богаты. Теперь, когда... хорошо бы научиться работать, как те.

Это был голос Хуана Пабло. Такой голос должен был прозвучать в обстановке покорности и подчинения. Люди лагерей при всеобщем сдержанном одобрении воодушевлялись проявлениями протеста.

Как всегда в эти часы, пили. Одни в закусочной, другие в погребке трухильянца. Мистер Роберт грохотал на весь погребок, поднимая свой стакан виски с содовой:

— Ха, ха, ха, ха!

Он не был так уж несимпатичен, этот «мусью» Роберт. При первой встрече с Эльбой Росой он был с ней ласков, и она рассказывала потом:

— Он какой-то особенный. Другие орут и нагоняют страх своими английскими словечками, и не знаешь, может, они обзывают тебя.

То, что они сошлись, было тоже необычно. Как правило, американцы привозили с собой жен, а холостяки не удостаивали добрым взглядом скромных девушек, пригодных, по их мнению, разве что для услуг. Знакомству Эльбы Росы с американцем содействовало то, что «мусью» к моменту приезда знал немного по-испански, и он почувствовал расположение к самой привлекательной девушке маленького рабочего поселка.

Американец смеялся:

— Ха, ха, ха, ха!

И все же достаточно того, что он был «мусью» Роберт, чтобы такие, как Хуан Пабло, видели в нем одного из многих. К тому же и женщина не могла не повлиять на чувства корианца.

Эльба Роса, потерявшая застенчивость с рождением ребенка, появление которого так переживал дед, бессильный отомстить, хотя и желавший этого, сейчас тоже пыталась смеяться и глушила смех в долгих глотках пива.

Пала глубокая ночь. Женщины старались научить нескольких захмелевших американцев плясать венесуэльские «гольпес»[2]. Жалкие звуки радиолы с трудом поддерживали праздничное настроение.

В Эльбе Росе не нашлось достаточно коварства, чтобы скрыть беспокойство после разговора с Хуаном Пабло. Это была простодушная девушка. Ей бы сейчас повеселиться, но

[1] Трухильянец — выходец из штата Трухильо.

[2] Гольпес — одно из колен ряда венесуэльских танцев.

Copyrighted material

она предчувствовала надвигавшуюся грозу. И все же она решилась. Подталкиваемая простодушием и любовью на поступки, свершенные ранее, она шла так же просто и на этот, связанный с настоящим риском.

— Пейте, мистер Роберт, или уже душа не принимает?

Американец любил, когда его уламывали, он испытывал при этом удовольствие, характерное для его северной ограниченности. Стакан следовал за стаканом, и Эльба Роса охотно подливала ему виски, постепенно уменьшая дозу содовой.

Радиола проигрывала «приятное меренге» [1]. Мистер Роберт попытался подняться и пуститься вскачь на манер «хиттер-баг» [2]. Эльба Роса поддержала его, и он пошел, накренясь и пошатываясь. Вот теперь наступило ее время. Она предложила ему уйти, и они пошли по поселку, едва освещаемому редкими фонарями и звездами темного неба.

Хуан Пабло, следивший за ними, видел, как они вошли в деревянный домик американца. Нервная дрожь охватила его. Он должным образом проинструктировал Эльбу Росу. Не так важно то, что компанию американца составит еще один раз женщина, любимая им. Но все же, увидев их входящими в деревянный дом, новый и комфортабельный, обнявшимися, он, как никогда, почувствовал ужасную боль.

Хуан Пабло ждал в тревоге. Этой ночью он и Эльба Роса должны уехать на пироге одного из лучших лодочников порта. Он думал, что лучше перебраться подальше, на другую сторону озера, чем уходить по суше. Хуан Пабло не решался рассказать о своих планах Хосе Антонио. Возможно, тот воспользовался бы случаем, чтобы уехать с ними и хоть этим отомстить американцу. Подумав так, Хуан Пабло решил было оповестить товарища. И только простой расчет удержал его: Хосе Антонио был не на плохом счету в нефтяном лагере, его все любили. С другой стороны, даже если авантюра удастся, может не хватить денег на трех взрослых да еще и ребенка.

Новый порыв ветра донесся до хижин. Далекие молнии осветили озеро, и отражения их пробежали над поселком. Людские голоса вспугнули покой, вместе с тенью прилегший на соседний кустарник и обочины дороги. Когда ночной ветерок пробегал по земле и ворошил кучи приисковых отбросов, пахло нефтяными испарениями. В этот час утомление, смешанное с опьянением, переходило в сладострастие, а затем в каменный сон.

* * *

На рассвете, при хорошей погоде, пирога скользила к югу, к портам, через которые вывозились тысячи мешков кофе, картофеля, лука и миллионы бананов.

Снова надвинулась ночь.

Лодочник обещал Хуану Пабло высадить их где-нибудь на берегу, вблизи устья рек, спускающихся с Анд. Он не из тех, кто любит расплачиваться за чужие проделки. Его дело — заработать, остальное его не касается. Заварили кашу — расхлебывайте сами. Должно быть, сделали что-нибудь такое, за что не гладят по головке. Но уж он-то не даст поймать себя на удочку, как сообщник. Сейчас, после целого дня страхов, он спокойно вел суденышко, так как их снова охватила ночь, разрываемая никогда не затухающими над озером молниями.

— Погода хорошая, приятель. В любой роще, в асиенде [3], где бы я вас ни высадил, найдете дорогу.

— Высадите нас как можно дальше, чтобы нас не настигли, если будут искать.

Эльба Роса с сыном на руках примостилась в середине лодки. Она молилась, охваченная страхом, порожденным уверенностью, что она поступила плохо. Ребенок спал.

Они помрачнели от сознания содеянного. Нет, это не было лучшей возможностью спасти себя, изменить условия жизни. Товарищи, наверное, скажут: зачем так поступили они, умевшие работать, как никто, они, которые могли добиться желаемого другим способом?

В эти мучительные моменты бегства и неуверенности до их сознания не могла дойти та глубокая правда, та истинная причина, которая сделала возможным их проступок. Что сделано, того не поправишь, и в груди каждого из них поселилась тревога, знакомая совершившим преступление.

Хуан Пабло несколько глубже понимал смысл того, к чему привели сложившиеся обстоятельства. Он молчал, бросив свои думы в воду, по которой легко скользило судно.

Вода освещалась широкими молниями. Миновав устье реки Кататумбо, пирога шла в поисках места для высадки. Ветер относил ее к югу. От лесистых берегов, начинавшихся у больших асиенд, летели москиты — признак надвигающегося дождя, так хорошо известный плавающим по озеру.

Это был один из тех стремительных ливней, что гонят к воде рои москитов.

— Уиииииииии...

Эльба Роса укрыла ребенка всем, что было под рукой. Она покрепче прижала его к себе, упершись ногами в перекладины пироги. В скомканной одежде, на которой она сидела, хранились банкноты и немного монет — все, что ей удалось вытащить у пьяного «мусью». За целый день пути у нее не было времени сосчитать их.

«Чье это, чужое или собственное?» — спрашивала она себя. Хуан Пабло уверил ее, что эти деньги принадлежат всем рабочим. Тем не менее она словно чувствовала занозу в руке, взявшей деньги в доме американца. Она не верила теперь в то, что говорил ее возлюбленный. Нет, эти деньги не принадлежат им, как бы ни пыталась она поверить в это, как бы ни заставляла ее почувствовать их своими любовь к человеку, толкнувшему ее на воровство.

Хуан Пабло, напротив, почти не думал об этом. Он считал этот поступок справедливым. Корианца толкнули на это ненависть и увольнение с работы, и сейчас он делал беглые сравнения, с болью сознавая, что ему не хватает знаний. Ему вспомнился Антонио, говоривший, что во всяком случае компании могли бы оставлять венесуэльцам немного больше из того, что увозят. Да, он понимал, что это было справедливо и что его долг — получить профессию, чтобы заменить иностранцев.

— Нам надо пристать где-нибудь, пока ветер не отнес нас слишком далеко.

Хуан Пабло ответил лодочнику:

— Ладно, где угодно, лишь бы нам выйти на дорогу.

Лодочник повернул к просвету, обозначенному вспышками непрекращающихся молний. В воздухе проносились тучи москитов. Немного прояснилось, и пирога подошла к прибрежным деревьям, растущим в трясине.

— Высадим сперва ребенка, потом придем за Эльбой Росой,— проговорил Хуан Пабло, хлопоча на влажном ветру.

— Нет, сначала ее,— возразил лодочник.— Я-то уж знаю порядок, братец.

Оставив пассажиров на лугу под деревьями, пирога тут же повернула на север. Не было ни расставания, ни даже слова благодарности. Расплатились и бросили друг другу «Прощай», как случайно столкнувшиеся люди.

Лодочник поплыл обратно другим путем, чтобы избежать встречи с погоней. Хуан Пабло и Эльба Роса следили за удалявшейся пирогой до тех пор, пока ее не стало видно даже при вспышках молний, которые все еще освещали рябившую от сильного дождя воду.

Тяжелый путь предстоял женщине с ребенком — сквозь банановые заросли и дальше, по густой траве пастбища.

— Мы поступили плохо, Хуан Пабло, очень плохо. Теперь, где бы мы ни были, нам не даст покоя мысль, что нас могут узнать.

— Не думай о плохом. Это уже в прошлом. Давай поспим где-нибудь под кустом банана, пока не рассветет. Там видно будет, что делать.

Они улеглись на землю и попытались уснуть. Москиты, занесенные сюда дождем, не давали покоя. Их были тысячи и тысячи.

— Уииииииииииии...

Это было началом расплаты за преступление. Темнота становилась плотной от сгущавшейся среди деревьев влажной жары. Беглецы мечтали добраться до какого-нибудь жилья в ближайшей асиенде, где, может быть, им дадут работу, пока они не подыщут лучшего места.

Ночь отсчитывала последние часы. Хуан Пабло пытался уснуть, но мешали москиты, которые, казалось, проникали внутрь тела. Эльбе

[1] Меренге — танец, популярный в ряде латиноамериканских стран. Венесуэльцы называют его «меренге собросо» — приятное меренге.
[2] Хиттер-баг — североамериканский танец.
[3] Асиенда — имение.

Copyrighted material

Росе удалось наконец закрыть глаза и на несколько минут погрузиться в дрему.

Хуан Пабло заметил на севере огни прожекторов шлюпки. Мысль об опасности не сразу пришла ему в голову: казалось, ничего не могло быть хуже их страданий в этом адском месте.

Место, где они находились, напоминало импровизированную якорную стоянку. Теперь он понимал, почему пирога так легко подошла к берегу и отчалила от него: это был подход к одной из прибрежных асиенд, может быть, место, через которое из асиенды вывозились фрукты.

Ему казалось, что шлюпка идет на юг. На самом деле она направлялась к берегу, разыскивая тот самый вход, который лишь несколько часов назад покинула их пирога.

Корианец почувствовал что-то неладное. Не исключено, что это место было чем-то вроде пристани для беглецов, известной многим лодочникам. Так или иначе, ему показалось странным, что в эту же самую ночь здесь хотели пристать еще какие-то люди, уходящие от погони или промышляющие контрабандой.

Шлюпка подходила к берегу.

— Здесь,— говорил проводник, тот самый лодочник, которого преследователи перехватили на озере, заставили пересесть в их шлюпку и повезли разыскивать место высадки.

Хуан Пабло, не предполагая еще опасности, все же разбудил женщину:

— Уж не хозяева ли это асиенды?

Эльба Роса отвечала в тяжелом предчувствии:

— А если это мистер послал разыскивать нас? Ты же знаешь, я всегда бывала при нем допоздна с тех пор, как ребенок немного развязал мне руки. Определенно, он хватился меня днем. И, не забывай, мы увезли ни больше, ни меньше, как его сына.

Они подождали еще несколько минут, почти любуясь отражением света, который бросали прожектора шлюпки на спокойную поверхность озера. Затем углубились в заросли банана, направляясь к пастбищу.

Шлюпка стремительно подлетела к берегу. Хуан Пабло услышал крик и прибавил шагу, увлекая Эльбу Росу с завернутым в грязные тряпки ребенком на руках. Несколько человек из шлюпки высадились на берег и стали кричать, прочесывая кустарник и заросли. Как ищейки, они раздвигали траву, среди которой прокладывали дорогу беглецы, вдыхавшие страх долгими, сдержанными глотками.

Послышался выстрел, и Эльба Роса бросилась в высокую траву. Хуан Пабло хотел поднять ее, схватил за руки, прижимавшие ребенка. Он видел, что погоня близка и вокруг нет надежного укрытия. Убитая страхом, потерявшая надежду на спасение, она попросила, чтобы он бросил ее:

— Хуан Пабло, скрывайся, не то тебя убьют!

Молния осветила фигуру мужчины, когда он из последних сил пытался поднять женщину и ребенка. Пересекая пастбище, они двигались, падая и поднимаясь,— скорбные призраки в бескрайней ночи. Теперь, когда беглецов обнаружили, вслед им летели лающие крики, и казалось, будто молнии Кататумбо обрели способность завывать чудовищными голосами.

Раздалось еще несколько выстрелов прежде, чем Хуан Пабло со стоном упал на влажный травяной покров. Женщина бросила ребенка, спеша ему на помощь. Видя, что ей угрожает опасность, он прижал ее к земле, к нежной траве, которую орошала сильная струя его крови.

— Мне, как и моей земле, тоже пробуравили сердце эти бандиты, Эльба Роса! Но ты не унывай, моя детка. Пошли парня в школу учиться, тогда он сможет стать специалистом. Это... когда-нибудь... должно принадлежать нам.

Преследователи держали в своих грубых руках ребенка и женщину; Хуан Пабло оставался на траве: крики Эльбы Росы не могли совершить чуда — вернуть его к жизни.

Над телами беглецов, накрытыми пышной травой пастбища, как бы издеваясь над их отчаянным замыслом, москиты тянули свое:

— Уииииииииии.

Перевела с испанского
В. КРЫЛОВА.

АКТЕР, РЕЖИССЕР, ПЕДАГОГ

Как-то на спектакле нашего Театра имени Моссовета, в котором я была занята, кто-то сказал в перерыве между картинами: «Завадский приехал, смотрит второй акт!» И сейчас же я с тревогой подумала о том, достаточно ли верно сыграла сегодня сцену, которую он мог видеть.

Это чувство знакомо каждому из моих товарищей — учеников Юрия Александровича, работающих с ним. Непререкаем творческий авторитет Ю. А. Завадского в театре. Безошибочный и тонкий вкус, постоянное стремление к правде в искусстве, которым он всегда старается заразить работающих с ним,— эти качества, воспринятые им от его учителей К. С. Станиславского и Е. Б. Вахтангова, делают Ю. А. Завадского одним из ведущих деятелей советского театра в наши дни.

Долгие годы Завадский был и актером. Но он нашел силы отказаться от актерской деятельности, чтобы целиком посвятить себя режиссуре, педагогике, руководству театром.

В тревожные осенние дни 1941 года, когда в Театре имени Моссовета шел зачастую прерывающийся бомбежками вражеской авиации поставленный Ю. А. Завадским патриотический спектакль «Надежда Дурова», он играл в нем свою последнюю роль — императора Александра I, играл в интересной и острой манере. А может быть, не последнюю? Во всяком случае, так хочется думать, видя, как Юрий Александрович гримирует в нашем театре участников очередной премьеры, как всегда незаметно подсказывает актеру самое существенное в изучаемой роли, как «подводит» актера к искомому образу. Не поэтому ли так человечны образы всех поставленных им спектаклей?

Первую Сталинскую премию Ю. А. Завадский получил за постановку трех спектаклей: «Отелло», «Нашествие» и «Встреча в темноте». Эти разные по своей творческой манере работы объединяло умение показать внутренний мир человека. И не случайно такие этапные спектакли Ю. А. Завадского, как «Отелло», «Маскарад», «Шторм», идущие и поныне на сцене нашего театра, неизменно привлекают внимание зрителей. Это в подлинном смысле масштабные спектакли большой темы.

Но кто из зрителей не наслаждался поставленными Ю. А. Завадским комедиями, не веселился до упаду, аплодируя щедрым выдумкам режиссера в «Трактирщице» и «Забавном случае» Гольдони?

60-летие застает Юрия Александровича в расцвете его творческих сил. Занят он не только текущей работой театра. Чрезвычайно многообразна деятельность главного режиссера Театра имени Моссовета: он и художественный руководитель ГИТИСа, где воспитывает молодых режиссеров, он пишет книгу об искусстве сцены, он член Советского комитета защиты мира.

Фото Е. Мичуриной.

И в дни его 60-летия от всего сердца хочется пожелать ему еще многих лет такой же радостной, красивой и неутомимой деятельности на благо советского искусства.

Народная артистка СССР
В. МАРЕЦКАЯ.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЛИТЬЕ

Недавно исполнилось 175 лет южноуральскому Кусинскому машиностроительному заводу.

Кусинские умельцы издавна славились мастерством отливки художественных изделий из чугуна. Их работы отмечались многочисленными призами и премиями на международных выставках.

Чугун, залитый в форму, повторяющую скульптурную модель, еще не может считаться готовым изделием. Требуется большое искусство чеканщиков. Они любовно воссоздают в чугунном литье выполненные по народным мотивам сложные узоры на шкатулках, скульптурные портреты и композиции по работам мастеров прошлого и современных художников.

Недаром заводской поэт так отозвался о работах мастеров: «...если мастер сердце вложит, сравнится с золотом чугун».

П. ШЛЫКОВ

Челябинск.

Конь с упавшим всадником. Выполнено по скульптуре Клодта.

Городошник. Выполнено по скульптуре Ю. Лебедева.

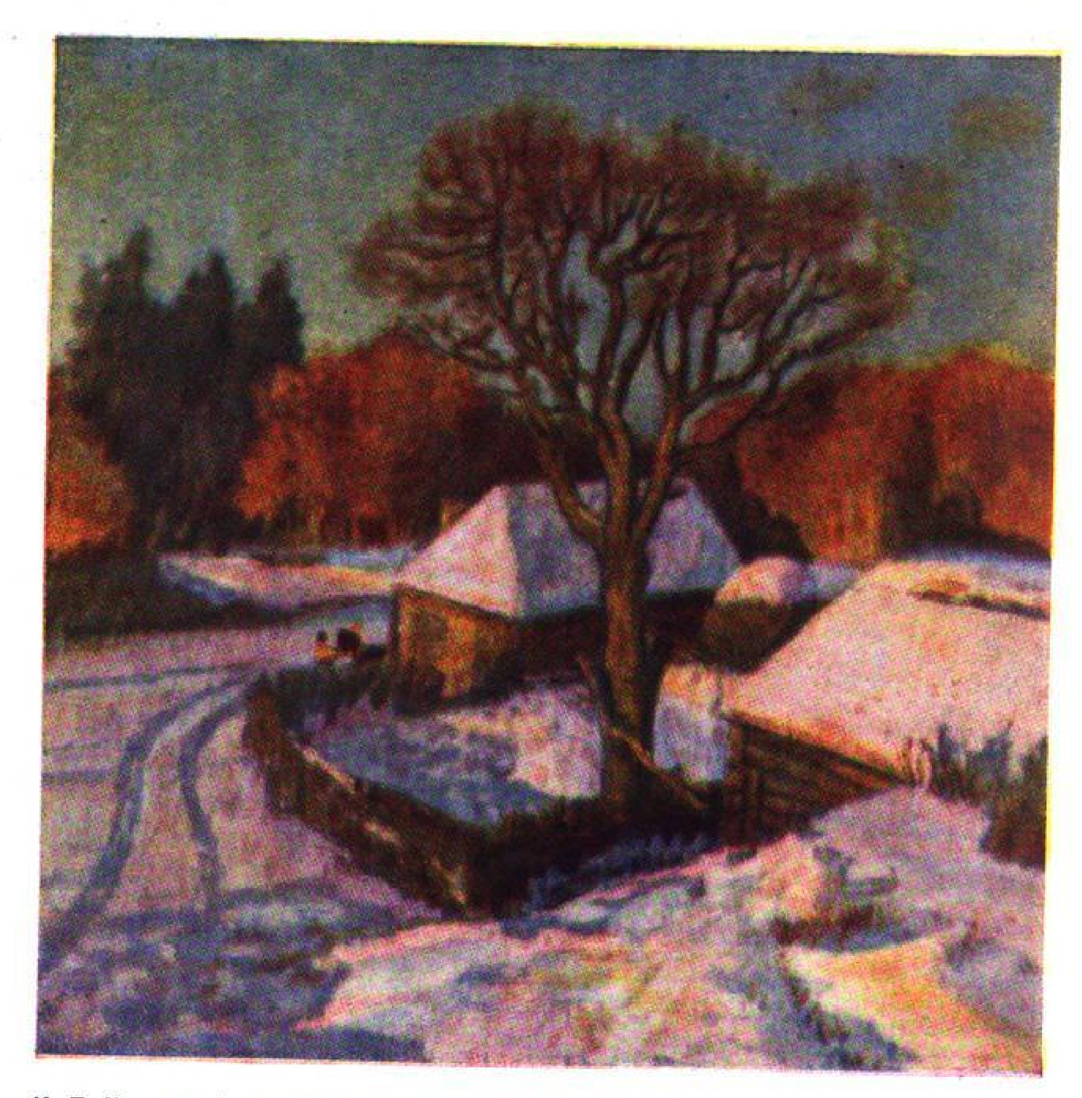
Copyrighted material

ПЕЙЗАЖИ Н. П. КРЫМОВА

Семьдесят лет исполнилось художнику Николаю Петровичу Крымову, заслуженному деятелю искусств, члену-корреспонденту Академии художеств СССР. Этот юбилей совпал с пятидесятилетием его творческой деятельности.

Окончив в 1911 году Московское училище живописи, зодчества и ваяния, Крымов сразу же завоевал широкую популярность. Как и некоторые другие молодые художники того времени, Крымов отдал вначале дань увлечению импрессионизмом. Однако здоровая основа, заложенная в творчестве Крымова его замечательными учителями В. А. Серовым и Н. А. Касаткиным, вернула молодого живописца на путь правдивого, реалистического искусства. Природе родного Подмосковья, запечатленной без всяких прикрас и ненужных эффектов,— вот чему стала служить кисть талантливого пейзажиста.

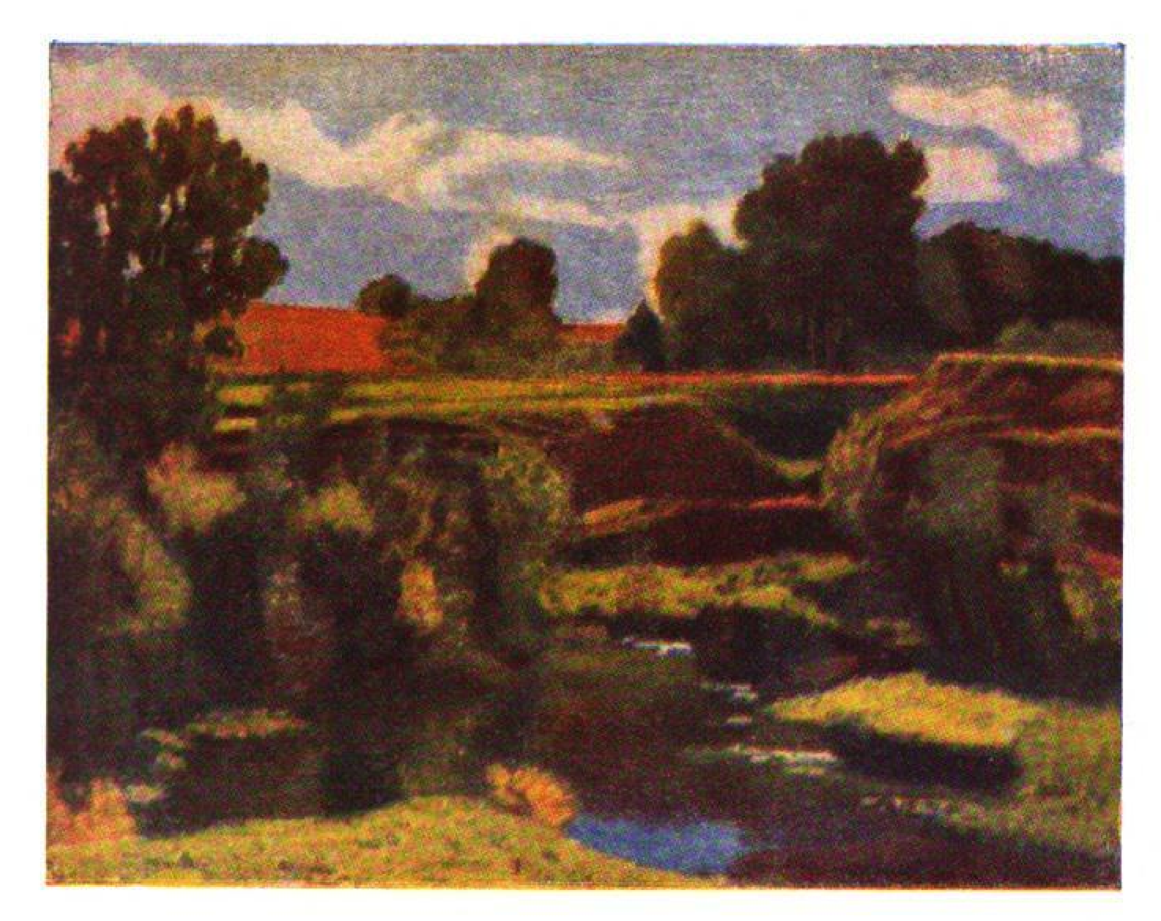
Великую Октябрьскую социалистическую революцию Н. П. Крымов встретил уже признанным

Н. П. Крымов (род. в 1884 году). ЗИМНИЙ ВЕЧЕР. **Частное собрание.**

Н. П. Крымов. РЕЧКА РАЗВОДНЯ. 1923 год. **Частное собрание.**

Copyrighted material

мастером пейзажа. В 1920 году он преподает в художественных учебных заведениях вместе с К. А. Коровиным, Н. П. Ульяновым и другими известными живописцами. Его картины проникнуты искренней любовью к русской природе. Художник в совершенстве постиг искусство передачи зимнего вечера, жаркого летнего дня с поникшей листвою, сумерек после дождя...

Крымов, кроме того,— мастер театральных декораций. Для спектаклей «Горячее сердце», «Бесприданница», «Таланты и поклонники», «Волки и овцы» А. Н. Островского он создавал красочное и живое оформление.

Открытая в Москве в залах Академии художеств СССР в дни юбилея Н. П. Крымова выставка его произведений пользовалась большим успехом.

В. ТЭН

Н. П. Крымов. В окрестностях Звенигорода. 1923 год. Государственная Третьяковская галерея.

Н. П. Крымов. У МЕЛЬНИЦЫ. 1927 год.

Государственная Третьяковская галерея.

Copyrighted material

Кино без актеров

«Шпаличек». Народные музыканты.

Борис ПОЛЕВОЙ

— Послушайте, Швейк, не знаете ли вы, где достать бутылочку коньяку? Мне что-то нездоровится,— произносит поручик Лукаш, несколько смущенно притрагиваясь пальцами к своим черным пушистым усикам.

Швейк, похожий на крепкий приземистый гриб-подосиновик, вытягивается, старательно берет под козырек, на румяном, не очень чисто выбритом его лице безмерное усердие. Черные глаза-бусинки Швейка так хитры, и столько в них затаенного юмора, что если вы даже и не читали чудесной антивоенной сатиры Ярослава Гашека,— все равно вы уже пленены и будете с нетерпением ждать дальнейших событий.

И ожидания тут же оправдываются. При всем желании сохранить серьезность начинаешь вдруг неудержимо хохотать, наблюдая, как разыгрывается знаменитый эпизод на вокзале в Гумене: Швейк, весь преисполненный служебным рвением, добыл для Лукаша бутылку коньяку; застигнутый подпоручиком Дубом, он тут же самоотверженно выпивает ее, чтобы доказать, что это всего-навсего вода, «желтоватая, потому что железистая, очень полезная для здоровья».

«Похождения бравого солдата Швейка». Швейк увидел начальство.

Перед нами в чудесном исполнении возникают хорошо знакомые образы: бравый солдат Швейк, неисправимый службист подпоручик Дуб, доморощенный философ воинских эшелонов сапер Вóдичка и другие персонажи Гашека, каждый со своим обликом, со своим характером, такой, каким его написал автор сатиры. И самое удивительное здесь в том, что на экране вы не видите ни одного живого человека. Играют куклы! Речь идет о новом кукольном фильме, создаваемом знаменитым чехословацким режиссером и художником Иржи Трнкой в содружестве с народным художником Иозефом Ладой, талантливые иллюстрации которого к «Бравому солдату Швейку» давно уже, как бы слившись с текстом романа, широко известны и у нас.

Это может показаться невероятным, но мы однажды провели в кинозале целый день. Фильмы шли один за другим, почти без перерыва. Это были произведения самых разнообразных жанров: бытовые комедии, острые сатиры, сказки, веселые и героические, и, наконец, настоящий поэтический эпос, проникнутый, как и все народные творения, мудростью и благородной простотой. А артистами были все те же куклы, объемные, настоящие, или даже иной раз двухмерные — вырезанные из бумаги. Но какие это были куклы и как они играли!

Нас, советских людей, приехавших из страны, где кукольный театр является народной традицией, где знаменитый Петрушка стал с древних времен общим любимцем, где, наконец, Сергеем Образцовым создан великолепный кукольный театр, казалось бы, трудно было покорить «игрою» кукол, да, именно так и хочется сказать, игрою, как бы талантливо она ни была организована.

Среди кукольников мира, где уже давно блистают имена советского мастера Сергея Образцова и чехословацкого Иозефа Скупы, у Трнки свое, особое место. Его сфера — кукольное кино. И если у Образцова, Скупы, у великолепных мастеров кукольного театра в Китае аудитория ограничивается в общем-то довольно тесными пределами зрительного зала, аудитория Трнки беспредельна. Его искусство, само по себе самобытное и яркое да еще и помноженное на неограниченные возможности кино, стало в Чехословакии необыкновенно популярным.

Киностудия Трнки вместе со съемочными павильонами, хранилищами декораций, реквизитными, костюмерными, лабораторией помещается в обыкновенной квартире, в обыкновенном доме на одной из старых улиц Праги. Тут же и демонстрационный зал, вмещающий с десяток зрителей, и кабинет самого Трнки, в котором он сидит за кротхотным письменным столом, окруженный целым сонмом героев своих фильмов, безмолвно стоя-

«Старые чешские сказания». Сла ный воин Власта.

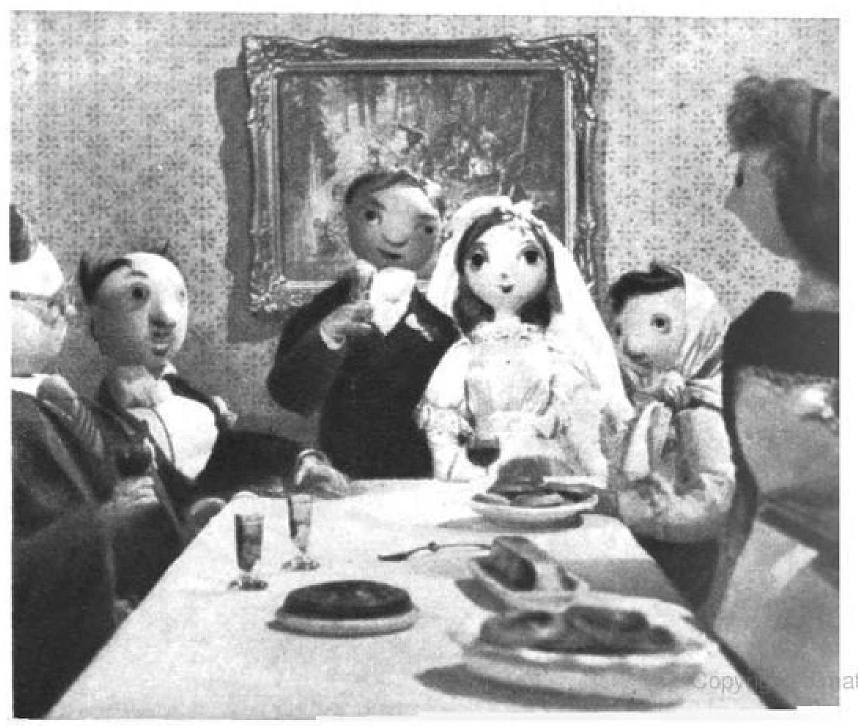

«Старые чешские сказания». Воин у могилы воеводы.

«Принц Баяя». Королевский шу

Киносатира «Еще одну скляночку Сцена свадьбы.

Copyrighted material

щих на полках, на подоконнике, на книжных шкафах.

— Самые симпатичные артисты, каких только можно себе представить,— совершенно серьезно рекомендует Трнка, пряча скупую улыбку в пшеничных усах.—Очень милые и покладистые. Никогда не шумят, не требуют для себя лучшую роль, всегда согласны с режиссерской трактовкой, и в случае выпускной горячки, когда вот-вот надо сдавать фильм, они безропотно работают по двенадцать часов и не жалуются в профсоюз...

Все это говорится совершенно серьезно, и кажется, будто большой, чуть грузноватый Трнка в самом деле верит в особую жизнь и дарования своих крохотных созданий. Осторожно, я бы даже сказал, бережно он взял с полки куклу, изображающую юную красивую девушку в древнем чешском костюме.

— Это Шарка из «чешских сказаний», прекрасная исполнительница лирических ролей. Она, наверное, плохо чувствует себя рядом с тупым службистом подпоручиком Дубом. Что он может понять в женской красоте! И со Швейком ей быть не годится — слишком уж нескромный взгляд у плута. Поставим ее лучше рядом с принцем Баяя, как вы думаете? Здесь она будет чувствовать себя лучше.

Он производит перестановки на полке, делает какие-то незаметные манипуляции с куклами, меняет их позы, и вот уже нежная Шарка с доверием смотрит на сказочного героя, а бравый солдат Швейк, лишившись прекрасной соседки, с сожалением почесывает затылок. Доволен только подпоручик Дуб с торчащими «под кайзера Вильгельма второго» усами: осклабившись, он удовлетворенно смотрит через свои очки на огорченного Швейка...

Потом мы прошли в павильон, помещающийся в небольшом зале, где снимался знаменитый эпизод поездки Швейка в Будейовицы. Стол, не превышающий своими размерами большой обеденный. На фоне крошечных декораций, воспроизводящих вокзал тех дней, стоит воинский состав: паровоз с массивной трубой, классный вагон с господами офицерами, вереница солдатских теплушек и несколько платформ с орудиями и частями разобранных самолетов.

Группа крохотных артистов, особенно выразительных из-за их несоответствия пропорциям декораций, «разыгрывала» около вагонов одну из сцен. Снималась она своеобразно. Производилась едва заметная перестановка кукол, например, кукла делала шаг, или направляла руку к козырьку, или чуть поворачивала голову, и снимался один кадр. Затем все куклы «делали» еще одно короткое движение, развивающее предыдущее,— снова снимался кадр. Казалось, съемка может бесконечно затянуться.

— Нет, мы делаем свои фильмы довольно быстро,— говорит Трнка и поясняет: — Не забудьте, у нас актеры никогда не опаздывают на съемки. У них никогда не бывает дурного настроения по случаю несостоявшегося свидания или лишнего стаканчика, опрокинутого вчера у тещи на именинах. Они не теряют времени на споры с режиссерами и не ссорятся между собой.

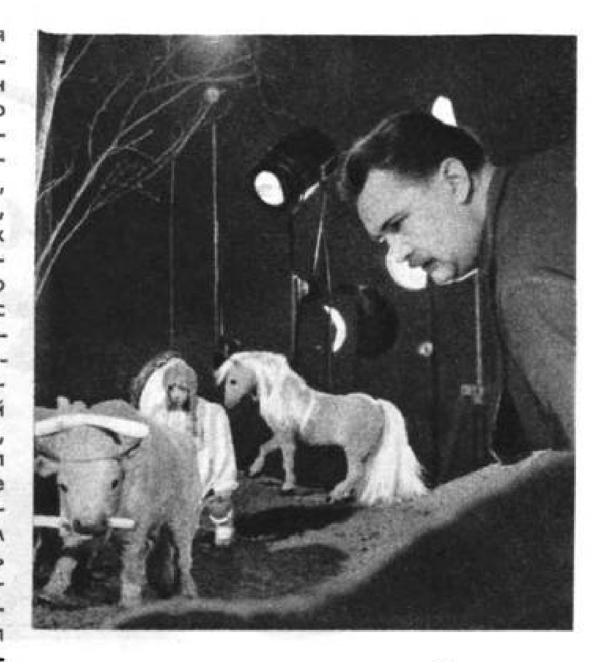
Мы уселись рядом со станцией «Табор», у которой стоял уже описанный мной воинский эшелон, и Трнка, держа в руке куклу Швейка, рассказывал историю своего кукольного кино.

По первой своей профессии Иржи Трнка — художник-иллюстратор детских книг. Он немало поработал на этом поприще и сейчас иногда возвращается к иллюстрациям. Да и сама мечта о создании кукольного кинематографа родилась у него из желания сделать свои рисунки подвижными, заставить персонажей, которых он воплощал пером и кистью на бумаге, заговорить.

«Старые чешские сказания». Шарка и Цтирад в лесу.

Сначала Трнка занялся созданием мультипликационных фильмов. Он делал их одновременно как режиссер и художник, и они ему удавались. Это были живые, остроумные картины, сделанные в традициях жизнерадостного, оптимистического чешского искусства. Они и сейчас еще нет, нет, да и появляются на экранах. Но самого Трнку они не удовлетворяли. И, делая свой первый мультфильм, художник уже мечтал о таком кино, которое позволило бы ему сообщить своим рисункам объемность, воплощать сложные сюжеты, лепить характеры. Это намерение он осуществил в первом своем кукольном фильме — «Шпаличек», названном так по заглавию весьма популярного сборника чешских народных песен. Рисунки Трнки воплотились здесь в очень смешных и необыкновенно выразительных куклах, успешно разыгравших сцены большого сельского праздника в старой Чехословакии, воспроизведших вереницу народных типов, комических, лирических и даже трагических.

Иржи Трнка на съемках фильма «Старые чешские сказания».

Успех «Шпаличка», еще несколько растянутого и неровного, окрылил Трнку. Вслед за ним он весьма остроумно и ярко инсценировал в кукольном кино сказку Андерсена «Соловей», затем создал едкую сатиру на Голливуд, поставив «Песню прерий» — пародию на американский ковбойский фильм — и, наконец, прекрасно воссоздал на экране поэтическую сказку Божены Немцовой «Принц Баяя» — легенду о необоримости народного духа, всепобеждающей верности любви. Новаторское мастерство Трнки уже по-настоящему созрело, и некоторые эпизоды «Принца Баяя», как, например, турнир и сцена во дворце, наглядно показали неисчерпаемые возможности кукольного кино. Куклы по-настоящему живут в фильме, а одна из них, кукла-шут, мастерски создает сложный образ человека, в котором за уродливой, смешной внешностью скрыты большая мудрость, глубокое понимание жизни, непочатая сила чувств.

Следующим фильмом Трнки, получившим добрую славу в Чехословакии, были «Старые чешские сказания» — народный эпос, воспроизведенный по книге Алоиса Ирасека. В них уже нет шаржа, сатирической или иронической улыбки, которой освещены предыдущие фильмы Трнки. Здесь его маленькие артисты играют героические роли, воскрешая прекрасные предания старины, проникнутые поэзией труда, мужества, миролюбия, высокого патриотизма. Режиссер нашел для кукол такие маски и костюмы, создал такие декорации, он так умело заставляет кукол исполнять сложнейшие роли, что фильм смотрится, как ожившая легенда, рассказываемая летописцем. И фильм о старых годах звучит в наши дни весьма злободневно, являясь вкладом в дело борьбы за мир. В это же время коллектив Трнки выпустил несколько небольших картин: чешскую сказку «Чортова мельница», украинскую «Два морозца», детский фильм «Веселый цирк» и другие картины.

И, наконец, последняя, еще не вполне законченная работа — «Бравый солдат Швейк». Ставя этот фильм, нельзя было забыть и о знаменитых историях, какими Швейк неутомимо потчует собеседников. Эти истории воспроизводятся в фильме с помощью вырезанных из бумаги фигурок в отличие от основных сюжетов, которые разыгрываются с помощью кукол.

— Вот так мы и работаем,— закончил рассказ Иржи Трнка и поставил на стол Швейка.

Выпятив грудь и взяв под козырек, Швейк являл собой усердие и готовность, и только где-то в бусинках глаз, в наплывах толстых щек играла хитрая улыбка.

Это была на редкость талантливая кукла!

Когда смотришь фильмы Трнки и его коллектива, задумываешься о многом. Вспоминается давняя работа советского режиссера Александра Птушко, который вывел на экран актеров-кукол и создал хороший фильм «Новый Гулливер», сразу же завоевавший симпатии маленьких и больших зрителей — и у нас и за границей. До сих пор смелая и яркая работа Птушко не утратила своего звучания; о ней спорят, говорят в кинематографических кругах, а зритель продолжает мечтать о новых советских кукольных фильмах. Так почему же режиссер Птушко, проделавший интересный опыт, сам к нему больше не возвращался, а руководители нашего киноискусства так бесхозяйственно забыли о нем?

И почему, записывая с такой охотой на пленку спектакли драматических и оперных театров, наши кинофабрики до сих пор не сняли ни одного спектакля Центрального кукольного театра или — что было бы, конечно, еще лучше — не поставили силами труппы Сергея Образцова нескольких оригинальных кукольных фильмов?

Поэтому, от души поздравляя Иржи Трнку с успехами его жизнеутверждающего искусства, хочется пожелать, чтобы и достижения наших чудесных советских кукольников появились на экранах.

Copyrighted material

Забытое пальто

В. РАЗИН,
шофер 5-го таксомоторного парка г. Москвы

Рисунки В. Высоцкого.

Я так и не вспомнил, когда это случилось. Работы с утра было много, и машина почти не останавливалась. Уже в середине дня, случайно оглянувшись, я увидел за спинкой заднего сиденья аккуратно сложенное женское пальто. Остановив машину, я вынул его, развернул. Видно было, что оно куплено или сшито совсем недавно. Маленькие крошки угля, застрявшие за обшлагом рукава, говорили, что обладательница этого пальто недавно ехала в поезде. В карманах пусто — несколько использованных билетов, английская булавка, копеек сорок мелочи. По таким приметам найти в Москве человека невозможно.

Кто же все-таки мог оставить это пальто? Я попытался вспомнить всех женщин, которые ехали сегодня в моей машине. Утром села старушка. Она сошла у Смоленской площади. Хорошо помню, что она была в пальто. Потом, часов в одиннадцать, две девушки-подружки спешили на вокзал, на дачу. С Колхозной площади до Кропоткинской улицы доехала невысокая девушка с очень миловидным лицом. В зеркальце мне были хорошо видны ее большие серые глаза. На Казанский вокзал, в камеру хранения, я привозил молодую женщину с мальчуганом лет пяти. Помню, что ему очень нравилось, как на счетчике выскакивали цифры платы за проезд.

— Мама, смотри! Было восемь, а теперь девять...— восхищался мальчуган.

— Да замолчи ты, неугомонный! Нашел чему радоваться...— одергивала мать.

Наконец, совсем недавно две щебечущие женщины просили побыстрее доставить их в Столешников переулок. Там, в магазине, они слышали, есть замечательной расцветки штапель. Ну вот, пожалуй, и все. Остальные — мужчины.

Кто же из этих женщин потерял пальто? Скорей всего девушка с серыми глазами. Я вспомнил ее слова о том, что она в Москве всего третий день. Стало жаль девушку. Наверно, она давно мечтала побывать в Москве, и вот теперь столица принесла ей такое огорчение. Конечно, пальто не пропадет: я сдам его на диспетчерский пункт, а оттуда передадут в стол находок. Но ведь девушка может уехать! Да и догадается ли она обратиться в стол находок?

Снова осмотрел карманы. Билетик, еще билетик.. Стоп! На бумажке, которую я вначале принял тоже за билетик, что-то написано. Номер телефона и имя — Галина Владимировна. Может быть, и удастся узнать что-либо о забывчивой пассажирке. У телефонной будки я остановил машину. В трубке послышался старческий голос:

— Да... Я слушаю... Галина Владимировна — это я... Что? Пальто, какое пальто?..

С трудом объясняю старушке историю забытого пальто. Наконец она поняла, в чем дело, и заохала:

— Боже мой! Какое несчастье! Как же это теперь Наташенька поедет? Да, да, я ее знаю. Это жена васиного приятеля. Она к нему в Сталинград едет. Я ей письмо для Васи передала и печенья своего. Да как же она теперь, раздевшись?

— Да вы, мамаша, скажите, как фамилия Наташи, где она остановилась?

— Этого не знаю. Сказала только, что остановилась у знакомой и сегодня уезжает. А где подружка живет, мне и невдомек спросить. Если бы знала, уж обязательно спросила.

Ну вот. И тут неудача. Правда, теперь известно, что хозяйку пальто звать Наташа и что сегодня она уезжает в Сталинград. Я достал расписание поездов. «Москва — Сталинград, ежедневно, № 68, 21.00». До отхода поезда еще есть время. Надо позвонить в парк, может быть, девушка случайно запомнила номер машины и теперь ищет меня.

Выслушав, в чем дело, диспетчер пошел справляться. Оказалось, что никто не звонил.

— Придется вам съездить на вокзал к отходу поезда,— сказал он.— Поищите ее. А уж не найдете, вечером сдадите на диспетчерский пункт...

Все было ясно, за исключением того, как я среди сотен пассажиров найду на вокзале сероглазую Наташу из Сталинграда.

За час до отхода поезда я приехал на Казанский вокзал. Узнав, в чем дело, диспетчер такси на площади обещал присмотреть за машиной, и я отправился на поиски. Но куда там! Уже через пять минут я понял, что в обычной вокзальной сутолоке найти Наташу невозможно. С пальто на руках я ходил по вокзалу, заглядывая в лицо почти каждой девушке. Одни из них улыбались, другие возмущенно отворачивались. Но ни одна не напоминала мою пассажирку.

До отхода поезда оставалось минут сорок. Что же делать? Неужели Наташе так и придется уехать из Москвы без пальто? Металлический голос прервал мои размышления: «Гражданка Лукьянова, Ефросинья Степановна, вас ожидает муж у входа в вокзал». Как же это я сразу не сообразил? Через минуту я уже объяснял дежурному по вокзалу про наташину беду.

Десятки громкоговорителей разнесли по вокзалу и перронам слова диктора: «Гражданка по имени Наташа, отъезжающая в Сталинград, зайдите в кабинет дежурного по вокзалу».

— Ну что ж, подождем вашу Наташу... — улыбнулся дежурный. Видно, и ему очень хотелось помочь незнакомой девушке.

Прошло несколько минут. В дверь осторожно постучали.

— Войдите! — в один голос воскликнули мы с дежурным.

Одна за другой в кабинет вошли две девушки и остановились у дверей.

— Вы нас вызывали? Мы обе Наташи, едем в Сталинград после техникума... А в чем дело?

Дежурный посмотрел на меня и, увидев, что я отрицательно мотнул головой, в двух словах рассказал девушкам о найденном пальто. Они вышли, но дверь так и не успела закрыться. В нее ворвалась, именно не вошла, а ворвалась высокая полная женщина. Кабинет сразу наполнился запахом духов. Дама выдернула из сумочки платочек и, похлопав себя по лбу, затрещала:

— Я пришла, товарищ дежурный!.. Я слышала, вы меня звали. Вы понимаете, я стою около своего вагона и вдруг слышу: меня зовут. Наверно, вы хотите предложить мне нижнее место? Да? Я просила проводника... Поймите, товарищ дежурный, я не могу ехать на галерке!

— Да подождите, гражданка,— попытался остановить ее дежурный,— этот вопрос вы уладите с начальником поезда.

— Но ведь я не могу, понимаете, лазить под потолок! Я не матрос и не пожарный. Я женщина, сами видите, хоть далеко и не старая, но все же... В общем я прошу вас...

Дежурный с трудом уговорил ее покинуть кабинет.

— Да, дела наши неважные! — Он посмотрел на часы. — До отхода осталось пятнадцать минут.

В дверь громко постучали, и в кабинет вошел высокий, крепкого сложения дядя в сапогах, военных брюках и пиджаке.

— Ну в чем дело? — решительно начал он. — Зачем вызывали мою жену? Кому она нужна?

Дядя посмотрел на меня недобрым взглядом. Дежурный по вокзалу вежливо объяснил ревнивому мужу, в чем дело.

— Я смотрю за своей женой,— с достоинством ответил успокоившийся муж,— и она ничего, никогда и нигде не забывает. До свидания!

Дверь без стука открылась, и первый, кого я увидел, был мой малолетний пассажир, которому очень нравилось, как работает счетчик.

— Мама, мама, смотри!.. — звенел его голосок. — Дядя, который нас на машине катал... Дядя, а ты нас еще покатаешь?

Вслед за сыном в кабинет вошла мать. Вот тебе и «девушка с серыми глазами»! Увидев меня, она на секунду остановилась, как бы не веря своим глазам. Я молча протянул ей пальто. Женщина машинально взяла его, развернула.

— Мое! Действительно мое! Спасибо вам, большущее спасибо! Как же вы меня разыскали? Да нет, это неважно, главное — что нашли. Как я вам благодарна!

Женщина горячо пожимала нам руки.

«Поезд номер шестьдесят восемь, Москва — Сталинград, отправляется в двадцать один час»,— зашумел громкоговоритель в зале. Женщина заторопилась:

— До свидания, товарищи! Еще раз спасибо... Не забуду москвичей...

— Счастливого пути! — крикнул ей вслед дежурный.— Смотрите, больше не теряйте!..

Copyrighted material

Гроссмейстерский рубеж

И. БОРИСОВ

ЯДРО ЛЕТИТ ЗА 17 МЕТРОВ

Советский легкоатлет Отто Григалка стоит спиной к зеленому полю. Он видит заполненную трибуну лейпцигского стадиона, трепещущий на башенке советский флаг. Июньский полдень. Ласковое тепло начала лета. Над головой — белесые, будто выцветшие от солнца облака, под ногами — упругая, пружинящая площадка. Безбрежность синего неба и двухметровый круг, очерченный бровкой, за которую нельзя перешагнуть...

В правой руке Отто тяжелое ядро, оно у самой шеи.

«Пора»,— говорит себе Григалка. Спортсмен делает взмах ногой, будто выверяет равновесие, еще один взмах, затем следует быстрый с поворотом скачок вперед, мощный толчок. Тело «наваливается» на снаряд и посылает его в воздух.

Еще не зная результата, Отто чувствует, что толчок удачный, может быть, тот самый, к которому он стремился почти шесть лет.

— 17 метров 17 сантиметров!— объявляет диктор.

О. Григалка толкает ядро.
Фото А. Бурдукова.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Осенью 1923 года петроградец Анатолий Решетников толкнул ядро на 11 метров 79 сантиметров и вписал в таблицу рекордов страны первый, начальный результат. Этот результат держался более трех лет и был побит в один и тот же день москвичом Иваном Сергеевым и самим Решетниковым. Затем рекорд перешел к Дмитрию Маркову.

Студент Института физкультуры Дмитрий Марков уступал многим соперникам в силе и весе, зато превосходил их мастерством, отточенностью каждого движения. Он был отличным прыгуном в высоту, искусным метателем диска и копья. С именем Маркова связано преодоление тринадцатиметрового рубежа в толкании ядра — самого тяжелого в легкой атлетике снаряда.

Следующий рубеж — 14 метров — преодолел инженер службы тяги харьковчанин Александр Шехтель. Это случилось ровно через десять лет после установления рекорда Решетниковым.

Рекорд харьковчанина перекрыл через год Сергей Ляхов, обладавший редкой силой. В 1935 году могучему ашхабадцу удалось послать ядро за пятнадцатиметровую черту...

Десять лет продолжался штурм шестнадцатиметрового рубежа. В этом штурме участвовали известный десятиборец и метатель киевлянин Александр Канаки, москвич Леонид Митропольский, ленинградец Дмитрий Горяинов. Но никто из них не смог торжествовать победу. Горяинов, например, улучшил рекорд Канаки, державшийся с 1938 по 1946 год, всего лишь на 3 сантиметра — 15 метров 56 сантиметров.

Первым в нашей стране перешел за 16 метров легкоатлет из Тарту, студент Хейно Липп. Лучший его толчок (16 метров 98 сантиметров) придвинул рекорд страны вплотную к «гроссмейстерскому» — семнадцатиметровому — рубежу. Однако оставшиеся 2 сантиметра оказались Липпу не под силу.

Это удалось сделать молодому спортсмену Отто Григалке.

ГРИГАЛКА ВХОДИТ В КРУГ

Его заметил Леонид Митропольский, отличный метатель, ставший тренером. Как-то, наблюдая занятия прыгунов в высоту, он обратил внимание на плечистого юношу, который, хотя разбегался неуклюже, прихрамывая, все же легко поднимал в воздух свое грузное тело.

Митропольский подошел к спортсмену и сел с ним рядом.

— Что, ранение? — спросил Леонид Александрович, разглядывая рубцы на его ногах.

— Память об Одере,— доверительно ответил спортсмен. У него было удлиненное, мягко очерченное лицо, упрямого склада рот и русый хохолок на голове. Юноша чем-то напоминал Митропольскому радиста-партизана, в землянке которого он лежал тяжело раненный, ожидая самолета с Большой земли.

В команде метателей «Динамо», которую возглавлял Леонид Александрович, не хватало участников, а до первенства страны оставалось не больше месяца. Митропольский вспомнил прихрамывающего спортсмена, его большие, тяжелые руки. «А что, если испытать Григалку в толкании ядра?— подумал он.— Прыгать ему из-за ноги трудно, а силы и резкости, необходимых метателю, у него предостаточно...»

На первой тренировке Отто послал ядро на 12 метров: просто взял и швырнул весящий полпуда снаряд. Если такого крепыша «вооружить» быстротой, научить вкладывать силу и скорость в толчок, из него будет толк, решил Митропольский.

Кто видел спортсмена, толкающего ядро, тот, наверно, не без удивления отмечал, как, в сущности, скоротечно его движение. Он стоит у задней кромки круга, боком к полю, в правой, согнутой в локте руке — снаряд, вторая рука свободно поднята вверх, будто нацелена в пространство, куда ядро должно уйти после толчка.

Спортсмен делает два — три взмаха левой ногой, вперед — назад, как бы набирая энергию для последующих движений, и затем быстрым, скользящим скачком устремляется вперед, посылая снаряд всем телом.

Как должно быть продумано это короткое движение! Здесь нет кругообразных поворотов метателей молота или диска — всего-навсего один «тычок», мощный, как взрыв. В него надо вложить всю накопленную силу и стремительность.

Отто первое время стеснялся своей неловкости — в группе Митропольского он был самым неумелым. В свободные от тренировки часы Григалка уходил в лес и толкал тяжелые камни. Он их заготовлял заранее — целую груду. Каменные ядра были неподатливы, саднили кожу на ладонях, но Отто не обращал на это внимания. Лишь бы они падали подальше!

На одной из тренировок ядро, посланное Отто, пролетело 14 метров. Первая победа тренера и ученика! А через несколько дней Григалка, впервые участвуя в соревнованиях сильнейших метателей страны, встретился с Хейно Липпом. Это было в 1948 году.

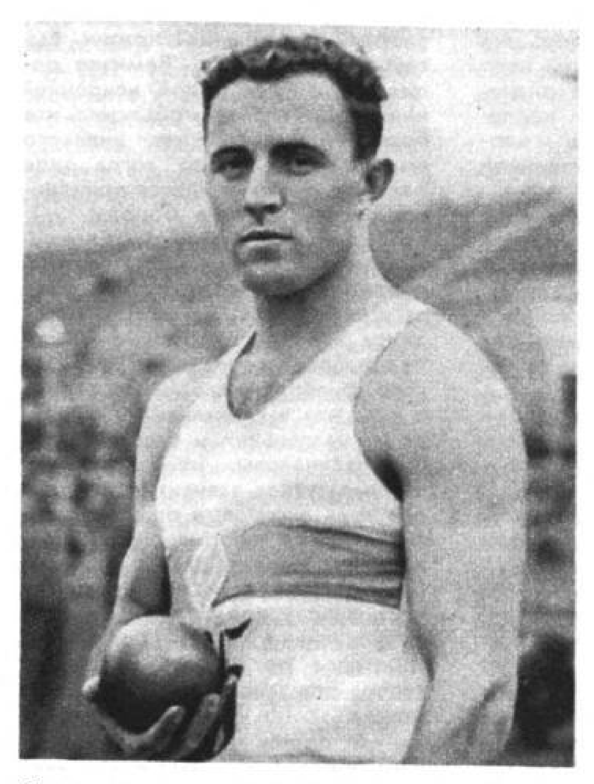
УРОКИ МАСТЕРСТВА

Григалка видел, как входил в тесный для его богатырской фигуры круг эстонский метатель, как уверенно бросал он свое тело вперед, сильнейшим толчком «выстреливая» ядро. Казалось, вот-вот спортсмен сам вылетит за черту круга — высокий, с взвихренными льняными волосами. Но так казалось. Скорость подчинялась точным движениям мастера.

Отто был подавлен искусством лучших метателей страны. Как мало он знает, как ничтожны его силы! Но не в натуре Григалки отказываться от задуманного. На Одере, после ранения, минометчик Григалка остался в строю. Уйти в тыл, когда готовится штурм Берлина,— такого малодушия Отто бы себе никогда не простил. Гвардии рядовой Григалка участвовал во взятии Берлина, был награжден орденом «Славы», так неужели же теперь он уйдет в «тыл», откажется от борьбы?!

Григалка уехал домой, в городок Мадону, близ Риги, где работал в районной газете фоторепортером, и Митропольский нисколько не удивился, когда недели через две получил первую весточку от ученика. Он писал, что будет продолжать тренировки, что мечтает о новой борьбе с лучшими метателями страны, что надеется скоро встретиться со своим учителем. Но эта встреча состоялась только через год. Тренер и ученик обрадовались друг другу. Они были неразлучны не только в секторе для метаний. Митропольского и Григалку можно было видеть в научно-исследовательском институте за «чтением» кинограмм лучших метателей мира, у спортивных врачей, в театрах и парках.

Copyrighted material

Чемпион и рекордсмен страны Отто Григалка.

Медленно росли результаты Григалки.

И как им расти, думал Отто, когда он занимается совсем посторонними на его взгляд делами! Тренера больше интересует, как Григалка пробежит сто метров, чем то, на сколько сантиметров дальше пролетит его ядро. А с некоторых пор Леонид Александрович стал включать в тренировку упражнения со штангой — весь комплекс классического троеборья: жим, рывок и толчок.

— Придут результаты,— выслушав сетования Григалки, отвечал Митропольский,— а придут они тогда, когда у тебя будут руки штангиста и ноги спринтера...

И снова Отто брал старт на сто метров, а там шли прыжки в длину и высоту, игра в баскетбол, занятия в тяжелоатлетическом зале.

Наконец в 1950 году ядро, посланное рукой Григалки, пролетело 16 метров 05 сантиметров, а еще через два года он встретился с Липпом на первенстве страны 1952 года. Четвертое место на олимпийских играх — таков был последний успех Григалки. Но рекорд Европы попрежнему принадлежал Липпу.

...Было ветрено. Хмурое небо висело над Ленинградом, почти касаясь верхних рядов трибун. Предчувствие дождя, холодное дыхание земли заставляло спортсменов особенно тщательно разогреваться перед выступлением.

Леонид Александрович сидел в гуще зрителей и издали следил за учеником. «Если я тебе буду нужен, ты найдешь меня здесь»,— сказал ему перед соревнованиями Митропольский. Отто понимающе улыбнулся: «Тренер хочет, чтобы мне передалась его уверенность».

Первые три попытки были «пристрелочными»: то Григалка выходил вперед, то Липп догонял молодого спортсмена. Четвертым толчком Отто наконец оторвался от рекордсмена. Ядро пролетело 16 метров 68 сантиметров. Сейчас все зависело от Липпа, который еще не использовал свою шестую попытку. Он выступал позже Григалки, и последний, решающий толчок оставался за ним.

Вот взлетело в воздух посланное Липпом ядро. За ним трудно уследить в наступающих сумерках. Судьи растянули рулетку от бровки круга до флажка, отмечающего место падения ядра.

Хейно стоит ближе к судьям, он раньше Григалки узнает результат. Стряхнув прилипшие к ладоням комочки земли, Липп направился к сидящему поодаль сопернику.

— Твоя победа, Отто, поздравляю!

ПОИСКИ «ДЛИННОГО» ТОЛЧКА

Да, это была победа, но относительная. Ведь рекорд Липпа не побит, и Григалка предлагает Митропольскому изменить старт. Обычно он стоял боком по направлению толчка, теперь же становился к полю спиной... Поворот, по мысли Отто, должен был «растянуть» движения спортсмена, придать им бóльшую скорость.

Это был опасный эксперимент, и, как предполагал Митропольский, результаты Григалки резко снизились. Тем не менее Леонид Александрович помогал Отто осваивать новую стойку. Григалку быстро догоняли два других ученика Митропольского — Григорий Федоров и Хейно Хейнасте, но Отто продолжал поиски.

Тем временем наступила осень, закончились тренировки на стадионе. Вскоре выпал снег. Отто много упражнялся со штангой, бегал кроссы. В зимнем лесу всегда находилась полянка, где можно и попрыгать, и сделать спринтерский рывок, и даже толкнуть ядро.

Весной Отто начал повторять свои лучшие результаты. «Догнал самого себя»,— поздравил его Митропольский. Он от души радовался, что ученик оказался прав. Ну и характер у этого немногословного парня!

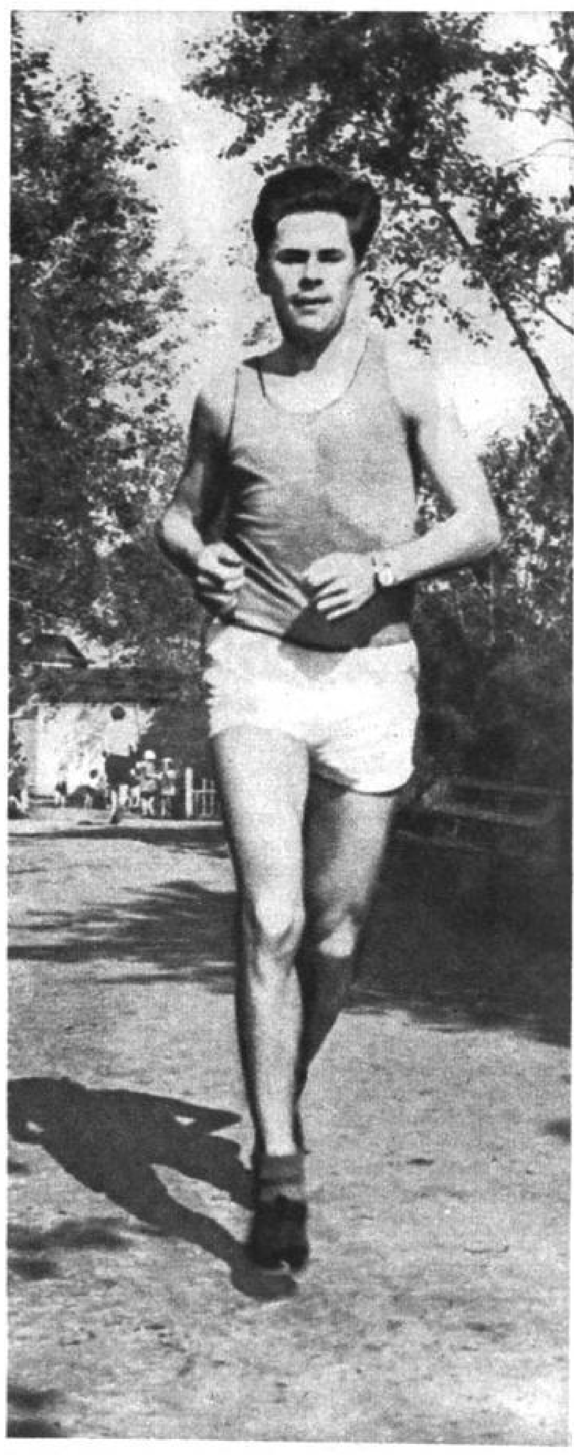
Отто уверенно выиграл первенство страны 1953 года, однако рекорд эстонца, правда, ставший к этому времени только всесоюзным рекордом, попрежнему не побит. Григалку отделяли от результата Липпа всего лишь несколько сантиметров, буквально ширина ладони, но эти сантиметры оказались самыми трудными.

...Все это предшествовало выступлению Отто Григалки нынешним летом, на лейпцигском стадионе, где ему впервые удалось перешагнуть семнадцатиметровый, «гроссмейстерский», рубеж.

А через две недели, выступая на международных соревнованиях в Хельсинки, Григалка толкнул ядро на 17 метров 20 сантиметров. Флажок рекорда передвинулся еще на 3 сантиметра дальше.

На этом, пожалуй, можно было бы закончить наш рассказ о метателе Отто Григалке, если бы чехословацкий мастер И. Скобла не толкнул ядро на 17 метров 54 сантиметра, если бы американец О'Брайен не послал недавно ядро за 18 метров. А если это так, значит, рассказ не кончен, борьба продолжается.

Борис Шилков готовится к зиме

Борис Шилков тренируется на архангельском стадионе.

Фото К. Коробицына.

Этим летом мы встретились в Архангельске с чемпионом мира и Европы конькобежцем Борисом Шилковым. Он приехал в родные места повидаться с друзьями. Позади зима, насыщенная работой, учебой и спортивной борьбой, но для отдыха времени немного.

Шилков, конструктор Кировского завода, сдал экзамены и перешел на третий курс ленинградского института физкультуры имени Лесгафта, но впереди не менее ответственные «экзамены», и к ним чемпион мира начал подготовку в Архангельске, на местном стадионе «Динамо» и на просторах Северной Двины.

Бег, прыжки, гребля и, конечно, ежедневная основательная физкультурная зарядка — вот чем занимался на родине Борис Шилков. Что бы ни случилось, какая ни была бы погода, расписание тренировок не нарушалось.

— Каковы ваши планы на зиму?—спрашиваем мы у Шилкова.

— Сезон сулит много интересного любителям конькобежного спорта, а нам, скороходам, много испытаний,— говорит Борис Шилков.— На московском стадионе «Динамо» 19—20 февраля 1955 года состоятся соревнования на первенство мира по скоростному бегу на коньках, а двумя неделями раньше в Швеции будет разыгран чемпионат Европы. В январе на высокогорном катке близ Алма-Аты сильнейшие скороходы страны будут оспаривать звание абсолютного чемпиона СССР. Это только самые важные встречи, а кроме них будут проведены международные состязания как на наших, так и на зарубежных катках.

Вот к каким «экзаменам» готовится сейчас сильнейший скороход мира.

Е. ЕВГЕНОВ

Из прошлого русского спорта

Первые мотоциклетные гонки

Мотоциклеты появились на улицах русских городов в середине девяностых годов прошлого века. Большинство мотоциклов того времени были трехколесными, с керосиновыми двигателями. Вскоре нашлись и любители мотоциклетного спорта.

Первые мотогонки были проведены 11 (23) октября 1898 года в окрестностях Петербурга, по маршруту от станции Александрово до Стрельны и обратно, протяженностью 39 верст.

Все семь мотоциклов, участвовавших в гонках, имели двигатели мощностью 1,75 лошадиной силы. Вне конкурса в соревнованиях участвовал и автомобиль марки «Бенц» с двигателем в 6,5 лошадиной силы.

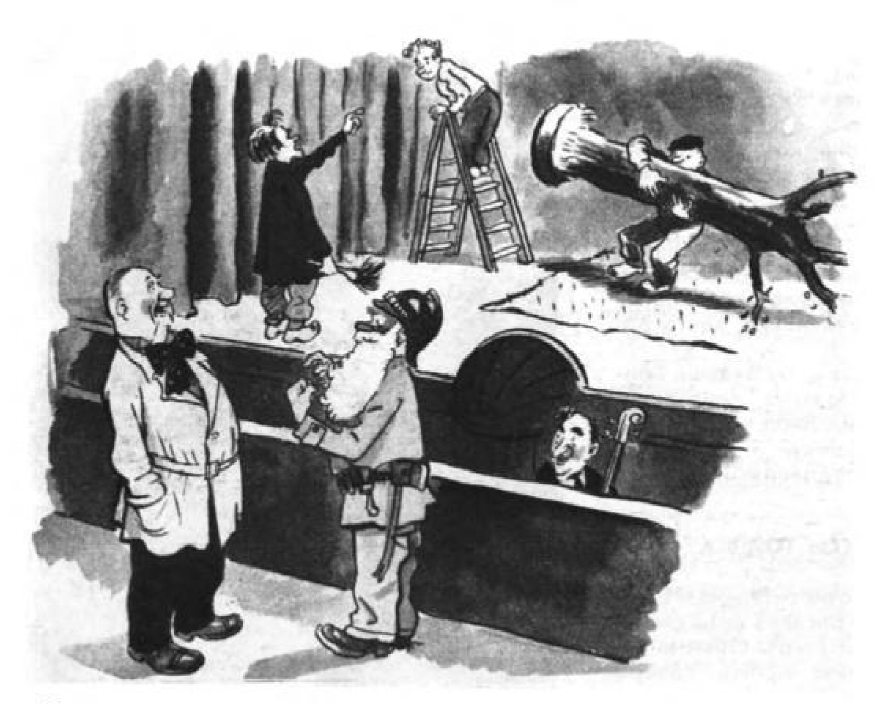
Всеобщее внимание привлекло участие в гонках опытного французского мотоциклиста Альфонса Мереля. Он рассчитывал взять первый приз.

Спортсмены тронулись в путь, и два участника не дошли даже до поворотного пункта: один потерпел аварию, столкнувшись с крестьянским возком, а у другого машина остановилась из-за какой-то неисправности. С трудом двигались по плохой дороге остальные гонщики.

Победителем состязания оказался петербургский спортсмен Г. Беляев. Он закончил дистанцию за 1 час 33 минуты 36 секунд, показав часовую скорость в 24,5 версты. Француз А. Мерель занял второе место. Автомобиль пришел к финишу самым последним. Скорость этого автомобиля, весившего 56 пудов, оказалась немногим более 17 верст в час.

Е. ВАСИЛЬЕВ

Copyrighted material

Неумолимые законы искусства

Борис ЗУБАВИН

Рисунки Е. Ведерникова.

В театре готовились к новому спектаклю. Пьеса была громоздкая, в четырех актах и восьми картинах, со множеством действующих лиц, и, когда распределяли роли, кто-то вспомнил про дядю Васю, вахтера, и сказал, что он мог бы изобразить старого партизана: в одной из картин второго акта надо было молча постоять несколько минут с трофейным автоматом на шее возле входа в блиндаж командира партизанского соединения.

Труппа была небольшая, работы хватало всем, и Евгению Степановичу Ремизову, художественному руководителю театра, эта мысль очень понравилась.

Дядя Вася, ничего не подозревая, стоял в это время на посту возле служебного входа и читал вслух пожарному Канашкину рецензию «Комсомольской правды» на спектакль московского Малого театра «Северные зори». Это был старик с большой, как у Льва Толстого, бородой, бескорыстно, трогательно влюбленный в театр. Проработал он здесь без малого двадцать лет, любил поговорить о пьесах и считал своей обязанностью прочитывать в газетах все рецензии на спектакли. Читал он с чувством, и, если хвалили какой-нибудь театр за удачную постановку, от восторга у него на глазах выступали слезы.

Пожарный Канашкин относился к рецензиям иначе. Обычно, заступив на дежурство, он подпоясывался широким брезентовым ремнем с никелированными пряжками и карабинами, надевал каску и отправлялся в обход, чтобы обнаружить нарушителя противопожарных инструкций. А когда не обнаруживал, то очень расстраивался и шел слушать рецензии. Слушал он их только потому, что надеялся узнать, кого ругают, и если, случалось, никого не ругали, то он тоже расстраивался, потому что любил всякие неприятности.

Главреж Евгений Степанович Ремизов, вызвавший к себе дядю Васю, единственный в городе заслуженный артист республики, был человеком известным и в достаточной степени избалованным всеобщим вниманием. Он постоянно носил коричневый с зелеными горошинами бант, и потому, что такого банта в городе ни у кого не было — все пользовались обычными галстуками, — даже мальчишки узнавали, что мимо них прошел, помахивая тростью, заслуженный артист. Единственное, что иногда неприятно щекотало самолюбие главрежа, так это молчание центральной прессы: за все время существования театра о нем ни разу не написали в московских газетах. Евгений Степанович и новые пьесы охотно принимал, и к классикам за спасением обращался, и поставлены спектакли всегда были оригинально, со вкусом, с хорошей выдумкой, но столичные газеты хоть бы выругали.

Теперь Ремизов возлагал большие надежды на новую пьесу — о партизанах Великой Отечественной войны. Во-первых, пьесу написал молодой автор, во-вторых, она была неплоха, а в-третьих, до Ремизова ее еще никто не поставил.

Когда Ремизов сказал старому вахтеру, что ему хотят поручить роль партизана в новом спектакле, дядя Вася живо представил себе, как он выйдет на сцену, и его увидят отовсюду, и в это время нужно быть не самим собой, а, как это делают актеры, совсем другим человеком. Все это произвело на него такое впечатление, какое он испытал лишь однажды, лет пятьдесят тому назад, когда первый раз вышел на улицу в картузе с лаковым козырьком. Дядя Вася поклонился и сказал:

— Большое вам спасибо, Евгений Степанович, уважили на старости лет,— и слезы умиления выступили у него на глазах.

Раньше от дяди Васи требовалось только соблюдать инструкцию по охране здания, он ее выучил наизусть и выполнял со всей прилежностью, присущей обычно старикам и женщинам, которым поручено что-либо охранять. Но это занятие длилось только восемь часов в сутки. Теперь же Ремизов как бы наложил на него совершенно иную, более значительную ответственность: надлежало создать образ героя — партизана Великой Отечественной войны.

Придя домой, дядя Вася тут же решил попробовать, как у него получится, если он скажет какие-нибудь «посторонние слова». И только жена отлучилась из комнаты, он подошел к комоду, на котором стояло зеркало, и закричал:

— Стой! Кто идет? Пропуск! — и лицо у него сделалось от усердия такое, будто он сам насмерть перепугался.

С этого момента начались подлинные муки творчества. Главное было «войти» в роль.

Репетировали каждый день: Ремизов торопился выпустить спектакль к новому году. Как только назначалась репетиция второго акта, дядя Вася являлся на сцену и добросовестно молча простаивал иногда по целому часу там, где предполагалось быть входу в блиндаж.

Зная, что актеры много времени проводят за чтением книг, изучая обстановку, среду, быт и нравы героев, он пошел в городскую библиотеку и попросил какую-нибудь книгу о партизанах. Старик даже перестал следить за газетами, напечатаны ли в них рецензии, и запоем читал про партизан, а те места, где описываются часовые, перечитывал по нескольку раз.

Пожарный Канашкин долго ходил вокруг, соображая, какую бы неприятность устроить ему, и наконец сказал:

— Что же ты с бородой думаешь делать, горе ты мое от ума! Артисты-то с бородами не бывают.

Дядя Вася носил бороду с незапамятных времен, и расставаться с нею было жаль. Но артисты в самом деле все были безбородые. Стало быть, огромная, роскошная борода, служившая украшением старого вахтера и долгое время никому не мешавшая, теперь, в силу неумолимо жестоких законов искусства, подлежала безжалостному уничтожению. Личное, частное, столкнувшись в этом вопросе с общественным, повергло старика в смятение — факт, с удовольствием отмеченный наблюдательным Канашкиным. Однако пожарный плохо знал своего приятеля. Ради искусства дядя Вася был готов на все.

— Как Евгений Степаныч решит, так и будет,— сказал он и пошел спрашивать у Ремизова, что ему делать с бородой.

У главрежа в этот день было прекрасное настроение: из Москвы на премьеру к ним выехал известный театральный критик. Выслушав дядю Васю, Ремизов посмеялся в душе милой, искренней наивности старика и объяснил, что бороду сбривать нет никакого смысла, потому что тогда дяде Васе все равно придется приклеивать искусственную бороду.

За день до премьеры Евгений Степанович собрал всю труппу и, побледневший, даже осунувшийся от возбуждения, в котором находился все эти дни, произнес перед собравшимися полную глубокого философского смысла речь о том, что в спектакле не бывает ролей маленьких и больших, все они одинаковы, необходимы и важны и успех зависит не от двух или трех актеров, а от всего коллектива. Он говорил очень вдохновенно, и дядя Вася глядел на главрежа с такой сосредоточенностью, с какой глядят в цирке на фокусника, который только что спрятал в рот куриное яйцо, и теперь неизвестно, что вытащит оттуда.

— Я прошу вас решительнейшим образом еще раз все проверить,— призвал в заключение Ремизов и остановил свой взгляд на дяде Васе. Тот беспокойно заерзал на стуле и прошептал:

— Слушаюсь, Евгений Степаныч.

Старик не спал всю ночь, снова и снова представляя себе, как он стоит на сцене, как висит у него на шее автомат... В голову лезли отрывки из когда-то прочитанных статей и рецензий, например: «...Искусству нужно тебя целиком. Оно не терпит ремесленничества, половинчатости. Или все, или ничего. Или ты велик или ничтожен». И только уплывала из головы подобная цитата, как память назойливо и услужливо предлагала на ее место другую: «Иногда артисту для окончательного завершения образа не хватает одного лишь жеста, и, как это чаще всего бывает, найти этот жест оказывается самым трудным...»

Дядя Вася ворочался, вздыхал, и чем тщательнее он проверял «решительнейшим образом» свое поведение на сцене, тем больше, к ужасу своему, убеждался, что именно этого «завершающего» жеста и не хватает ему для создания полнокровного образа часового. Он знал, что столичный рецензент непременно подметит этот его недостаток, и тревога за судьбу спектакля не давала ему покоя.

Завершающий жест, как это всегда бывает с великими открытиями, был придуман неожиданно и оказался необыкновенно прост.

Невыспавшийся, но очень довольный своим открытием, дядя Вася поймал на следующий день Ремизова в полутемном зрительном зале и торопливо, как о нечто необыкновенно важном, заговорил:

— Евгений Степаныч, я вот придумал, значит, если правую руку держать на автомате, как вы показали, а левую, которая опущена «по швам», сжать в кулак...

— Какой кулак? — рассеянно спросил Ремизов: в театре шли последние приготовления. Устанавливались декорации, проверялось освещение сцены. Вокруг царило бодрое, деловое оживление, и только один Канашкин стоял посреди сцены, заложив руки за спину.

— У меня вот эта рука раньше разжатая была,— стал пояснять

Copyrighted material

дядя Вася,— а теперь я ее в кулак сожму.

— Да? Интересно...— Ремизов смотрел в это время на сцену.— Это в высшей степени интересно. Сделайте, голубчик, обязательно, прошу вас...— и заговорил с художником, который стоял рядом с ним и командовал рабочими, копавшимися на сцене.

Премьера прошла успешно. Дядя Вася в тулупе и в заячьем треухе простоял на виду у всего зрительного зала двадцать пять минут возле входа в командирский блиндаж и, переодевшись, снова заступил на вверенный ему пост возле служебного входа в театр. Во время всего действия он так крепко сжимал в кулак левую руку, что у него онемели пальцы, но он даже шевельнуть ими не осмелился, боясь, что это сейчас же будет замечено в зрительном зале и вызовет неблагоприятное впечатление о спектакле.

— Ты как вылитый статуй стоял,— злорадно сказал Канашкин.

Дядя Вася остался очень доволен такой характеристикой. Но тут вдруг вспомнил, что кулак он держал так, что тот, кажется, оказался прикрытым полою тулупа, и, следовательно, зрители не могли его видеть. От этой мысли на лбу у дяди Васи даже выступила испарина. «Все пропало»,— подумал он, устало стер пот ладонью, проведя ею от виска до виска, и хрипло, с беспокойством сказал:

— Ничего, может, пройдет...

А когда спектакль был окончен, в зрительном зале послышалось что-то похожее на горный обвал или гром, который иногда, по ходу пьесы, устраивают за сценой шумовые оформители. Услышав эти бурные аплодисменты, дядя Вася почувствовал даже озноб. Он поднялся со стула и победоносно поглядел на Канашкина.

Появился в распахнутой шубе окрыленный успехом Ремизов и застегнутый на все пуговицы благодушно настроенный столичный литератор.

— Ба, знакомое лицо! — сказал литератор, узнав дядю Васю по бороде.— Замечательно! Ну, держись, старик, держись! — И, пожав вахтеру руку, он направился, сопровождаемый Ремизовым, к выходу. «Это почему же он мне такую загадку загадал? — забеспокоился дядя Вася.— Держись, говорит. К чему бы это?..»

— Сейчас в ресторан ужинать пойдут, наш будет угощать — злорадно сказал Канашкин.— Меня не проведешь,— и стал объяснять дяде Васе, что про него теперь обязательно напечатают в газете.

— И еще, может, критику наведут, погоди,— многозначительно пообещал Канашкин.

В театре стали ждать рецензию на спектакль. Ремизов даже не подозревал, что больше всех волнуется и ждет эту статью дядя Вася.

Появилась рецензия две недели спустя в одном из воскресных номеров. В ней подробно и обстоятельно разбирался весь спектакль, упоминались имена ведущих актеров, драматурга, режиссера, художника, но про дядю Васю не было ни слова.

— Я так и знал, что не напишет! — воскликнул Канашкин, обрадовавшись тому, что может доставить неприятность, и забыв о том, что в день премьеры говорил совсем другое.

— Замолчи! — прикрикнул, нахмурясь, дядя Вася.— Слушай: «Следует отметить дружную игру всего коллектива». Понял? Где тут критика на меня? Нету! Даже Ремизова критикуют, а про меня ни слова. Разумеешь?

И по сей день, глубоко убежденный, что образ часового, созданный им, у столичного рецензента не вызвал никаких сомнений и нареканий, дядя Вася, выходя на сцену, так крепко сжимает в кулак левую руку, что у него немеют пальцы. Но он мужественно переносит все это, боясь шевельнуть даже мизинцем, чтобы не повредить спектаклю, и лишь изредка косится сверху вниз: не прикрыт ли полою тулупа его кулак, его «завершающий жест».

Таковы неумолимые и безжалостные законы искусства.

ДОМ В РЕМОНТЕ

Изошутка Ю. Черепанова.

Индийские сказки-шутки

КТО УТОНУЛ!

Несколько девушек купалось в реке. Всех их было семь, но когда они стали после купанья считать, сколько их, то одной не хватило. И они принялись плакать. Проходившие мимо крестьянки, узнав, что одна девушка утонула, тоже расплакались. Со всех сторон сходились люди и, услышав о несчастном случае, также начинали проливать слезы. Громкий плач привлек внимание местного правителя, и тот вызвал несколько рыбаков и водолазов для розыска утопленницы. Вооружившись сетями, они долго искали девушку в реке, но нигде ее не оказалось. Тогда решили бросить поиски, и правитель приказал составить акт о несчастном случае, изложить все подробно. Но девушки не могли сказать, кто же из них утонул.

Сказала одна из них:

— Нас было семь душ, но когда мы начинаем считать, то оказывается налицо только шесть. Я не знаю, кто из нас утонул.

Тут девушка опять пересчитала своих подруг, но забыла добавить себя.

— Тогда, — сказал правитель,— я запишу, что ты утонула, потому что себя ты не считаешь.

— В таком случае,— сказала другая девушка,— все мы утонули, потому что мы все считали так, что забывали добавлять себя.

С этими словами она с громким смехом стрелой помчалась прочь, а за ней устремились и подруги.

ХОЗЯИН И СЛУГА

Один богатый индиец охотился в джунглях и остановился на ночевку в хижине лесника. Он сразу лег спать, хотя еще горел свет. Его слуга Рама расположился на полу, рядом с кроватью хозяина, и быстро заснул.

— Рама, Рама! — крикнул хозяин.— Пойди посмотри, не идет ли дождь.

Слуга даже не пошевельнулся, и хозяину пришлось несколько раз окликнуть его. Наконец Рама проснулся, протер глаза, зевнул, прищелкнул пальцами и сказал:

— Да, хозяин, дождь идет.

— А почему ты знаешь? — спросил хозяин.

— Кошка вошла,— ответил Рама.

— Но как ты мог по кошке узнать, что идет дождь?

— Я пощупал шерсть,— сказал Рама,— шерсть у нее мокрая.

— Ну ладно,— сказал хозяин.— Погаси лампу, я не могу спать при свете.

— А вы, сударь, прикройте лицо простыней, и свет вам не будет мешать.

— Эх ты, лентяй! — сказал хозяин.— Пойди же хоть закрой дверь.

— Хозяин, — отвечал Рама, — я уже два раза услужил вам, а теперь ваша очередь услужить себе самому.

С этими словами Рама перевернулся на другой бок и скоро захрапел.

УЧЕНЫЙ ДУРАК

Один ученый возвратился из Бенареса с набитой всякой премудростью головой. Он мог привести любую цитату из шести книг по философии, грамматике и мифологии. Но здравый смысл у него отсутствовал.

Жена ученого очень обрадовалась, узнав, что он возвращается домой после долгого отсутствия, и с большим уважением говорила о его учености, которой он прославился. Когда вошел муж, она кипятила молоко, и так как в доме оказалось мало воды, чтобы ученый мог вымыть руки и ноги, то жена сказала ему:

— Присмотри, пожалуйста, чтобы молоко не сбежало. Я схожу за водой к колодцу, мне послать некого. Я сейчас вернусь.

Муж обещал присмотреть за молоком. Через несколько минут молоко закипело и стало переливаться через край. Ученый испугался и начал читать вслух м а н т р ы (молитвы), которые он знал наизусть, но это нисколько не помогло. Вернулась жена и, видя, что молоко бежит, плеснула в него немного воды, и оно сразу осело. Ученый был поражен тем, что увидел, и посчитал это за чудо. Он тут же начал молиться на свою жену, сопровождая молитву такими словами:

— Ты, видно, богиня и обладаешь сверхъестественной силой, большей силой, чем все мои м а н т р ы. Прими же мою молитву, богиня!

Жена так была смущена этим, что только и нашлась сказать мужу:

— Ты ученый дурак!

Перевел П. ОХРИМЕНКО.

Рисунки В. Высоцкого.

Copyrighted material

Смеющиеся чайки

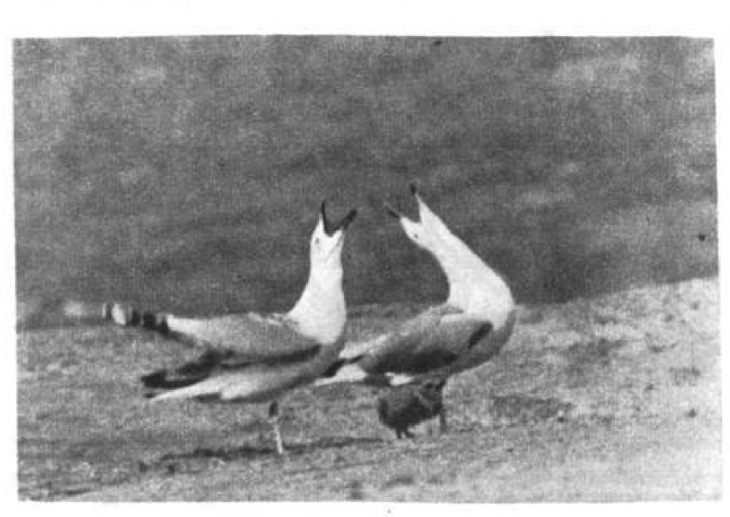
На пустынных песчаных островах Сиваша находятся гнездовые колонии тысяч чаек. Среди них выделяется крупными размерами белоснежная с дымчато-сизой спиной чайка-хохотунья. Размах ее крыльев — около полутора метров. Эти чайки хотя и гнездятся на островах, но добывают пищу себе и птенцам преимущественно на суше, истребляя множество таких злостных вредителей сельского хозяйства, как полевки, мыши, хлебные жуки, чернотелки, саранчовые.

Чайки названы хохотуньями потому, что, летая, иногда они издают громкие и протяжные звуки, напоминающие нарочитый человеческий хохот: ах-ха-ха-ха-ха! Такой «хохот», неожиданно раздавшийся над головой на безлюдном побережье, заставляет невольно вздрогнуть.

Чайки «хохочут» иногда и на земле. В этот редкий момент их удалось заснять.

Ю. АВЕРИН,
кандидат биологических наук.

Симферополь.

Из почты «Огонька»

Пирожки с... жемчугом

Плиний описывает, как египетская царица Клеопатра растворила в вине жемчужину и выпила это вино.

Для нас очевидно, что такую настойку нельзя было приготовить на пиру, так как жемчуг, состоящий главным образом из углекислого кальция, будет растворяться в вине (слабая кислота) долго.

Бесспорно, что это только одна из легенд, которые приводит Плиний-старший в своей «Естественной истории».

А вот пирожки с жемчугом, которыми угощал нас на Черном море кок экспедиционного судна «Грот»,— это неоспоримая реальность.

Наше судно долго плавало без захода в порт. Участники экспедиции с нетерпением ожидали подъема трала, в котором рассчитывали обнаружить камбалу. При этом сказывался не только научный интерес — свежая рыба нужна была и на камбуз.

Однако в трале вместо камбалы мы обнаружили около 300 килограммов мидий — ракушек, в огромном количестве заселяющих мелководье Черного моря.

Наш кок Евдокия Ивановна Иващенко вместо жареной камбалы обещала угостить нас пирожками с мидиями.

Ужин удался на славу, однако нам казалось, что мидии были плохо промыты и в пирожки попали песчинки. Каково же было наше удивление, когда мы обнаружили в пирожках множество мелких жемчужин различных размеров и расцветок...

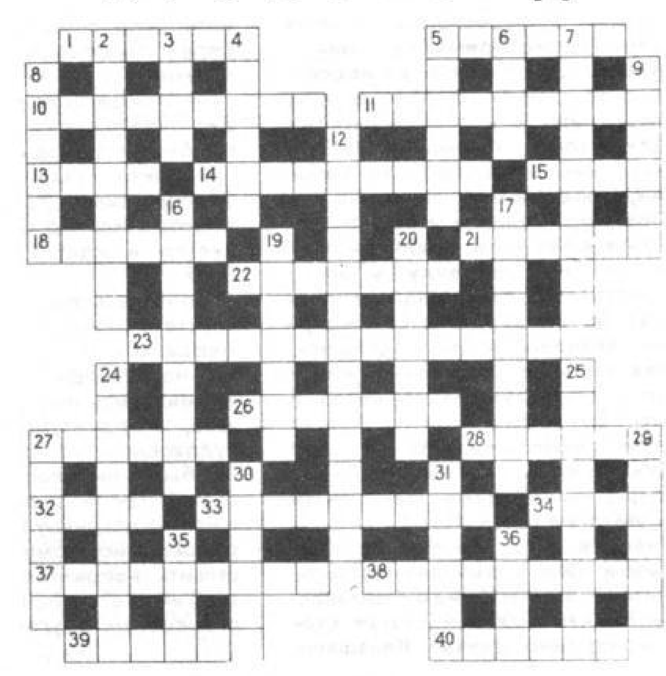
Образование жемчуга в мидиях не является чем-то исключительным. В нашем оригинальном ужине интересно лишь то, что довольно большое количество жемчужин было обнаружено всего в 20—25 килограммах мидий. Видимо, трал принес нам старые мидии, в которых вероятность образования жемчуга значительно большая, чем в молодых.

Такой мелкий жемчуг в прошлом применялся как бисер для вышивок и других отделочных работ.

Д. БЕРЕНБЕЙМ,
кандидат географических наук.

Керчь.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Сборка и установка. 5. Воинское звание. 10. Участок ботанического сада, где культивируются древесные растения в открытом грунте. 11. Снаряд для глубоководных исследований. 13. Непаханая земля, целина. 14. Пьеса М. Горького. 15. Эскиз. 18. Монета в некоторых странах Европы. 21. Персонаж из «Илиады». 22. Часть фасада здания. 23. Тоннаж судна. 26. Подвижной цилиндрический стержень. 27. Металл. 28. Молочный продукт. 32. Качество, разновидность. 33. Непоколебимость, упорство. 34. Персонаж из поэмы М. Ю. Лермонтова. 37. Вид спортивного состязания. 38. Вывод. 39. Осушение почвы. 40. Часть света.

По вертикали:

2. Опорная часть, фундамент. 3. Топливо. 4. Кушанье. 5. Кормовой злак. 6. Атмосферные осадки. 7. Учреждение. 8. Растение из семейства лютиковых. 9. Советский писатель. 12. Машина для приготовления одного из строительных материалов. 16. Город в Татарской АССР. 17. Прихожая. 19. Съедобное растение. 20. Размер в обхвате, поперечнике. 24. Специальность художника. 25. Романс М. И. Глинки. 27. Искусственное земляное возвышение. 29. Чешский писатель. 30. Работник охраны. 31. Часть стихотворения. 35. Сосуд. 36. Млекопитающее южных стран.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 31

По горизонтали:

4. Сковорода. 6. Аккумулятор. 9. Офицер. 10. «Сирена». 12. Лента. 15. Курсы. 18. Сырье. 19. Анероид. 20. Сарказм. 21 «Евгения». 22. Примула. 23. Очерк. 24. Осмий. 26. Капри. 29. Кассир. 30. Атеизм. 33. Лингвистика. 34. Гониометр.

По вертикали:

1. Богун. 2. Полутон. 3. Поляк. 4. Секрет. 5. Аконит. 7. Биссектриса. 8. Безыменский. 9. Одуванчик. 11. Альпинизм. 13. Ежевика. 14. Тротуар. 16. Рампа. 17. Идеал. 25. Митинг. 27. Полином. 28. Стокер. 31. Огонь. 32. Отрез.

МОДЫ

См. 4-ю страницу обложки.

ЛЕТНИЕ ПЛАТЬЯ

1. Платье-костюм из легкой белой шерсти или плотного шелка, разработанный по мотивам эстонской народной одежды. Жакет прилегающий. Клапаны карманов, полы жакета и манжеты обшиты двухцветным шнуром. Воротник — стойка прямая. Юбка клеш-полусолнце. Под костюм надевается шарфик (в тон одного из шнуров) или закрытый жилет.

Автор — художница С. Лойк.
Таллин.

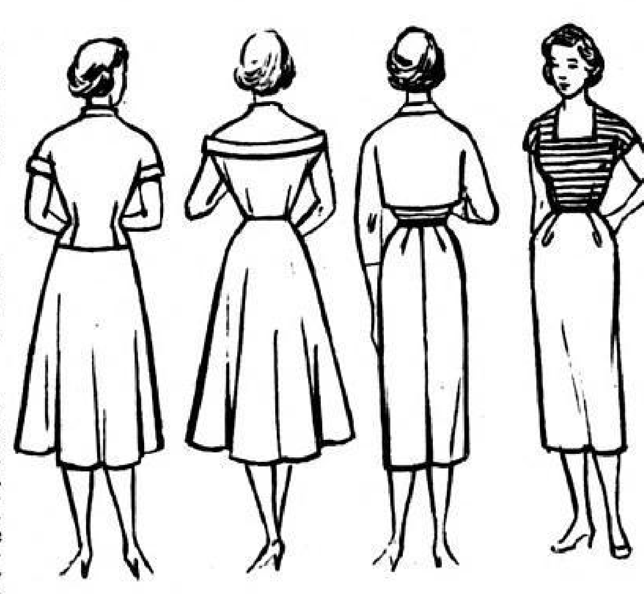
2. Нарядное платье из шелка. Юбка клеш-полусолнце. Лиф цельный, прилегающий; наверху, под двойной прямой бейкой, нашитой по линии кокетки, лиф драпирован.

Автор — художница О. Тамсар.
Таллин.

3. Платье-костюм из плотного шелка или легкой шерсти. Юбка прямая с заложенными от талии мягкими косыми вытачками спереди и односторонней складкой сзади. Болеро прямое, свободное, с цельнокроенными полудлинными рукавами. Полочки, спереди отделанные пуговицами и петлями, книзу расходятся. Воротник пришитый, стойка спереди завязывается бантом.

В. Линде.
Рига. Дом моделей.

В этом номере на вкладках: репродукции картин И. Е. Репина «Портрет И. М. Сеченова», К. Ф. Юона «Майское новолунье», две страницы репродукций картин Н. П. Крымова и четыре страницы цветных фотографий.

ПОПРАВКА

В № 31 журнала «Огонек», в интервью с главным архитектором Всесоюзной сельскохозяйственной выставки А. Ф. Жуковым «Город дворцов», на стр. 15, во второй колонке, в последнем абзаце, по техническому недосмотру в части тиража выпало слово «тысяч». Фразу в скобках надо читать так: «...его объем — сто двадцать тысяч кубических метров...» и т. д.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

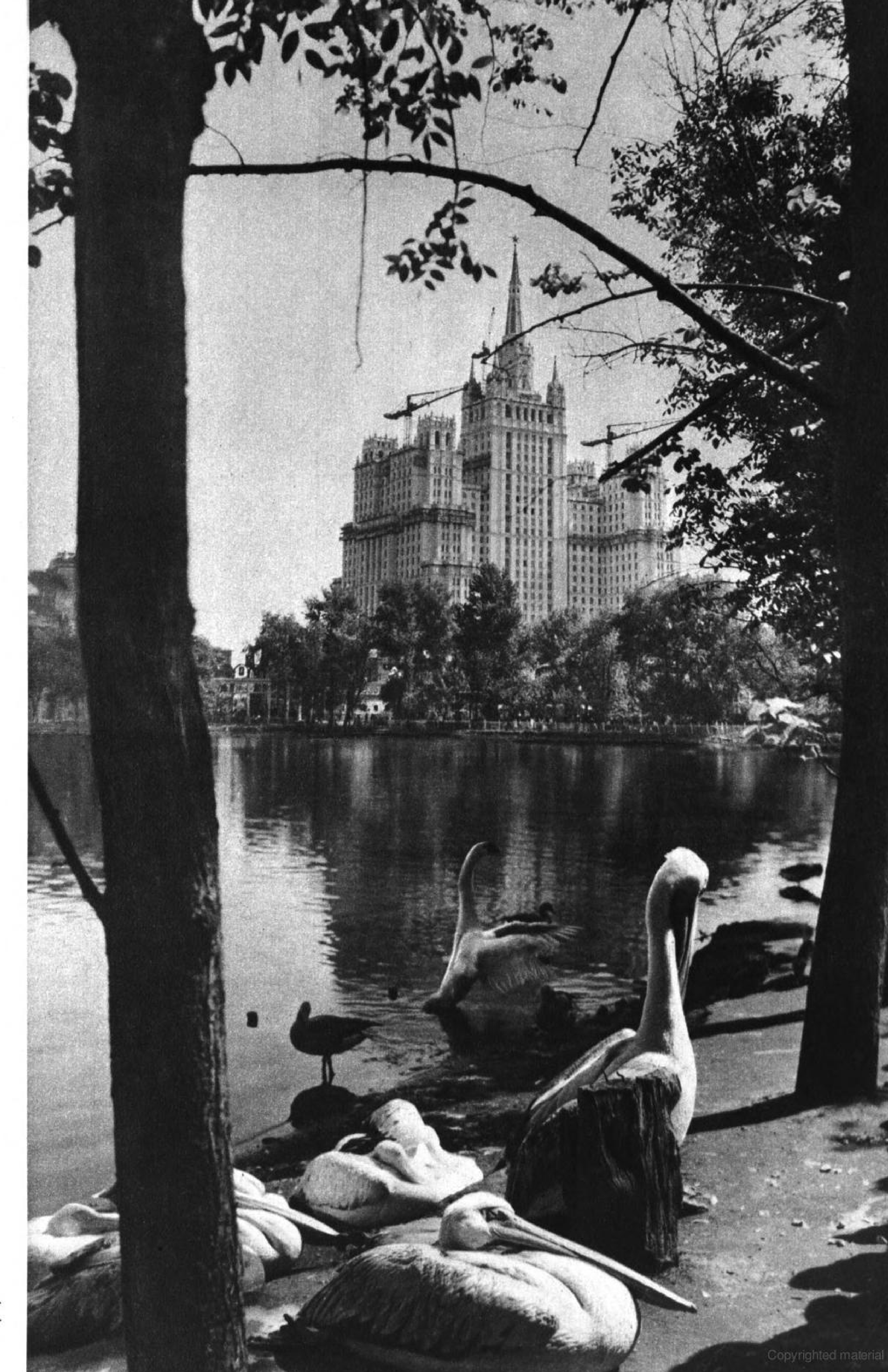
Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 05100. Подп. к печ. 3/VIII 1954 г. Формат бум. 70×108 1/16. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 604. Заказ 2198. **Рукописи не возвращаются.**

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Copyrighted material

В Московском зоопарке.
Фото А. Бочинина.

Copyrighted material

Copyrighted material